ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

издаваемый

Николаемъ Карамзинымъ.

ЧАСТЬ VIII.

МОСКВА, 1803.

Въ Университетской Типографіи

у Любы, Гарія и Попова.

По возложенной отъ Господъ Кураторовъ на меня должности, я разсматривалъ книгу, подъ заглавіемъ: *Вѣстникъ Европы, издаваемый Николаемъ Карамзинымъ, Часть VIII.*, и не нашелъ въ ней противнаго наставленію, данному мнѣ о печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгахъ. Коллежской Совѣтникъ, Профессоръ и Ценсоръ

Антонъ Прокоповичъ - Антонской.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАРТЪ 1803.

№ 5.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Молодый Философъ.

(Издатель съ удовольствіемъ печатаетъ эту повѣсть молодаго, любезнаго Автора, извѣстнаго Публикѣ по его пріятнымъ стихотвореніямъ и письмамъ о Крымѣ и Кавказской Линіи.)

Щастливъ, кто въ прекраснѣйшихъ лѣтахъ жизни пылалъ восторгами добродѣтели, творилъ себѣ новый міръ по сердцу и воображенію, и летѣлъ на встрѣчу къ щастію въ упоеніи живой надежды; но вдвое щастливѣе, кто, среди быстраго теченія, не потерялъ изъ виду поля милыхъ призраковъ не утомился отъ препятствій и опытовъ, и не остановился съ горестію далеко отъ своей блестящей цѣли.

Въ одномъ сельскомъ уединенїи, послѣ вечерней грозы, тихо возсїяло западное солнце и освѣтило, на прекрасной долинѣ, старца и юношу, одного подъ тѣнїю древняго дуба со взорами устремленными къ небу и погруженнаго въ задумчивость; а другаго, подлѣ него стоящаго, съ улыбкою веселою и безпечною. Прекрасное лицо юноши, на которомъ цвѣли здоровье и щастїе; ясный взоръ, не помраченный ни страстями, ни пороками, и гордой, мужественный станъ представляли разительную противоположность съ тяжкимъ изнеможенїемъ старца, съ углубленными на лицѣ морщинами и съ дряхлымъ тѣломъ, къ землѣ преклоненнымъ. Молодой человѣкъ, новый во всѣхъ чувствахъ, наслаждался ужасами бури; томная душа старца едва чувствовала радостное явленїе солнца. Скоро остатки бури исчезли, и молодой человѣкъ съ живостїю перервалъ молчанїе. . . — „Такъ, мужъ наученный опытами, и сѣдыми волосами примиренный со слабымъ человѣчествомъ! такъ; я люблю мудрость, хочу блага людей и вѣрю чистому щастїю ума и сердца!“ — Щастїю! возразилъ старецъ: нѣтъ его на землѣ; нѣтъ его.... — „Есть оно,“ повторилъ юноша: „Богъ вселенныя и тво-

ренїе рукъ Его мнѣ въ томъ свидѣтели. Ахъ! естьли блескъ порока оставляетъ въ тѣни добродѣтель; естьли твари, созданныя для щастїя, терзаются иногда горестїю; естьли наконецъ исчезаютъ тѣ надежды, которыя изъ колыбели манили насъ къ жизни: то не одно ли мнѣнїе перемѣняетъ такъ виды Натуры и судьбу человѣка? Когда сердце мое говоритъ мнѣ теперь: *ищи блаженства!* какъ то же самое сердце можетъ сказать мнѣ въ другїя лѣта: *нѣтъ его?* Оно обманываетъ меня въ первомъ или въ послѣднемъ случаѣ. Но скорѣе повѣрю первому чувству, вдохновенному Натурою, нежели послѣднему, прїобрѣтенному, можетъ быть, съ пороками. И для чего сомнѣваться мнѣ въ щастїи, когда все обѣщаетъ его? Эта земля, которая цвѣтетъ для моего удовольствїя, и богатыя дары свои изливаетъ для удовлетворенїя моимъ потребностямъ; лѣса и долины, гдѣ окидаютъ меня тихїя убѣжища; это сердце, еще свѣжее подъ творческою рукою Природы, которое такъ сильно бьется отъ надежды блаженства: — сколько вѣрныхъ порукъ за неминуемое щастїе!" — Старецъ вздохнулъ изъ глубины души; но молодый человѣкъ продолжалъ: „Все дышетъ вокругъ меня жизнїю и радостями; послѣд-

нія существа въ мірѣ блаженствуютъ: не уже ли благороднѣйшее изъ нихъ одно осуждено на страданіе?" — Можетъ быть, можетъ быть главное преимущество человѣка есть горесть чувствительности! — „Нѣтъ! гордость, властолюбіе и невѣжество бываютъ одни источникомъ всѣхъ золъ. Ограниченный потребностями жизни, удаленный отъ прихотей мнѣнія, зависимый отъ Натуры и не подвластный обществу, чего можетъ человѣкъ страшиться въ мірѣ? Какія власти могутъ похитить у него драгоцѣнности разума и собственности сердца? Мудрый щастливъ не многимъ; для него одинъ уголокъ земли заключаетъ въ себѣ всѣ сокровища въ мірѣ, и одна секунда времени всѣ удовольствія въ жизни. Тамъ, въ зеленой рощѣ, стоитъ моя хижина; милая подруга на меня взглядываетъ; нѣжный другъ пожимаетъ мою руку; вдали улыбается младенецъ; я ловлю руку, взоръ, улыбку, и сердце мое дѣлится между ими, и сердце мое не можетъ остаться холодно!" — Мечта романическая!... — „Но ты думаешь, можетъ быть, что я хочу заключиться въ кругу бездѣйственной жизни? Нѣтъ; хочу быть мудрецомъ дѣятельнымъ. Еще не возмужалъ духъ мой; но въ груди моей пылаетъ ревность слу-

жить человѣчеству. Лечу на поле міра защитить слабыхъ, оправдать невинныхъ, просвѣтить безумцевъ.“ — Хорошо, естьли бы страсти другихъ и наши собственныя тому не мѣшали! — „Страсть есть огонь небесный, который оживляетъ душу человѣческую, безъ того мертвую и холодную. Щастливъ, кто питаетъ въ груди эту жизненную искру! Горе тому, кто обращаетъ ее въ пламя, все пожигающее!“ — Добрый юноша! воскликнулъ старецъ съ чувствительностію: естьли время и опыты сообщатъ тебѣ нѣкогда другое понятіе о вещахъ и людяхъ, то по крайней мѣрѣ не переставай любить истину и не ослабѣвай никогда въ усиліяхъ добродѣтели!....

Настала ночь. Гулявшіе сосѣды разстались, пожелавъ другъ другу щастія; и удаляясь при свѣтѣ восходящаго мѣсяца, нѣсколько разъ обращали взоры другъ на друга: одинъ съ чувствомъ безпокойства о судьбѣ неопытнаго юноши, который ожидалъ всего хорошаго отъ человѣчества; а другой съ чувствомъ сожалѣнія о старости, которая погашаетъ всѣ благородныя надежды.

Старецъ былъ въ ближнемъ селеніи служитель олтаря, смиренный въ великомъ санѣ, благородный въ простой жизни

и кроткій въ нравоученіяхъ; поселяне любили его, какъ отца; бѣдные искали его крова; грѣшники бѣжали къ нему на исповѣдь; но, творя щастіе другихъ, онъ не могъ самъ себя сдѣлать щастливымъ. Давно оплаканная супруга, чистая добродѣтель, оклеветанная порокомъ, и состояніе безутѣшнаго одиночества огорчали остатокъ дней его.

Молодый человѣкъ былъ наслѣдникъ знатнаго имени и великаго богатства. Образованный просвѣщеннымъ отцемъ, въ тишинѣ сельскаго уединенія, по системѣ Руссовой Философіи, онъ могъ бы рѣшить собою, можетъ быть, важную проблему, заданную славнымъ Женевскимъ Писателемъ, естьли бы внезапная смерть отца не пресѣкла трудовъ воспитанія. Эмиль — отецъ далъ ему и самое имя Руссова воспитанника — Эмиль пятнадцати лѣтъ остался на половинѣ прекраснаго пути безъ всякаго путеводителя, способнаго приближить его къ цѣли; остался съ мудростію и просвѣщеніемъ, но безъ знанія людей и свѣта; съ пылкимъ воображеніемъ и чувствительною душею, но безъ опытовъ человѣческаго сердца. Помня волю и намѣренія родителя, онъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ въ уединеніи, читалъ много безъ выбора, прибавилъ

романическія идеи къ философскимъ, и самъ доканчивалъ свое воспитаніе по Руссову трактату. Имя его гремѣло въ окрестностяхъ; сосѣди удивлялись, что молодый Эмиль, сынъ знатнаго человѣка, скрывался подъ кровлею смиреннаго домика; бывъ господиномъ нѣсколькихъ тысячъ крестьянъ, не зналъ правъ своихъ надъ ними; при великомъ богатствѣ не терпѣлъ слугъ вокругъ себя, и съ талантомъ, риторствовать въ судахъ за обиженныхъ, говорилъ въ кругу сосѣдственныхъ обществъ очень скучно. Поселяне, защищаемые имъ въ притѣсненіяхъ. пользуемые въ болѣзняхъ, утѣшаемые въ горестяхъ, почитали его праведникомъ; провинціяльные дворяне съ важностію называли его иногда Физикомъ, иногда Астрологомъ, иногда Медикомъ; а свѣтскіе люди въ сосѣдствѣ съ коварною улыбкою прославляли его именемъ Философа. Герою нашему минуло 20 лѣтъ, за нѣсколько дней до описанной прогулки со старцемъ, и онъ рѣшился выдти на сцену свѣта съ Моралью отца своего въ сердцѣ и съ правилами Ж. Ж. Руссо въ памяти. Уже все было готово къ его отъѣзду; въ послѣдній разъ онъ прогуливался во время бури среди любезныхъ полей, гдѣ цвѣла заря дней его,

и юношеское сердце, полное жизни и радости, съ надежностію летѣло къ новымъ предметамъ въ мірѣ.

Жилище мудраго опустѣло; уже онъ былъ далеко отъ простоты, тишины и щастія — былъ въ средоточіи развратныхъ нравовъ, въ нѣдрахъ великолѣпнаго, необозримаго города, который казался ему маленькимъ царствомъ.

Едва двадцати-лѣтній мудрецъ нашъ ступилъ ногою на берегъ новаго свѣта, уже душа его пробудилась, казалось, къ самымъ живымъ чувствамъ, которыя, въ единообразіи уединенной жизни, были ему неизвѣстны. Онъ глядѣлъ на многолюдный городъ, и волны шумнаго народа приводили его въ движеніе — являлся на великолѣпныхъ пирахъ, балахъ, въ собраніяхъ, и языкъ его нѣмѣлъ отъ изумленія — встрѣчалъ взоры женщинъ, и красота, освѣженная искусствомъ, оживленная ловкостію, возвышенная блескомъ украшеній, ускоряла біеніе его сердца. Первые дни его городской жизни были днями упоенія. Онъ чувствовалъ какой-то безпорядокъ въ мысляхъ, забывалъ наблюдать свѣтъ и нечувствительнымъ образомъ исчезалъ, такъ сказать, въ быстромъ вихрѣ разсѣянія.

Явленіе молодаго человѣка, необыкновеннаго въ образѣ жизни, простаго въ обращеніи и нравахъ, откровеннаго во всѣхъ мнѣніяхъ, возбудило вниманіе свѣта. Всѣ ласкали Эмиля, представленнаго однимъ изъ его родственниковъ; всѣ звали его къ себѣ для забавы гостей, и наконецъ всѣ ловили изъ любопытства. Едва онъ являлся въ кругу блестящаго общества, женщины окружали его съ вопросами: „вы занимаетесь болѣе Философіею, нежели любовію?“ — Философія для ума, милостивыя государыни; любовь для сердца. — „Вы любите Платоническія удовольствія?“ — И всѣ тѣ, которыя могутъ быть согласны со щастіемъ добродѣтельной женщины. — „Чего вы ищете въ женщинахъ?“ — Болѣе достоинства, нежели красоты; болѣе чувства, нежели ума; болѣе любви къ рукодѣлью, нежели вкуса къ учености. — „Находите ли, что мы близки къ вашему мысленному образцу?“ — И близки и далеки. На примѣръ: вы рѣдко краснѣетесь отъ стыдливости; огонь не таится въ вашихъ взорахъ; искусство слишкомъ много васъ украшаетъ: но естьли вы мыслите, какъ говорите; естьли вы чувствуете, что взоры ваши обѣщаютъ; естьли вы ласкаете отъ истиннаго сердца, то

нѣтъ ничего умнѣе, чувствительнѣе, достойнѣе васъ. — Такїе отвѣты забавляли красавицъ; свѣтскїе молодые люди глядѣли на Эмиля съ сожалѣнїемъ; а старыя кокетки убѣгали его откровенности.

Нѣсколько мѣсяцевъ протекли для Эмиля въ жестокихъ опытахъ. Слова перемѣнялись для него въ своемъ значенїи, жизнь въ своемъ предметѣ, Мораль въ своихъ правилахъ. Нечувствительнымъ образомъ разрывалась та завѣса, за которою другой мїръ отъ него скрывался. Ученикъ опытовъ начиналъ примѣчать, что ему, образованному только рукою Природы, надлежало еще обработать себя для общества, и что для человѣка, въ порядкѣ гражданскихъ учрежденїй, требовались другїя уваженїя, должности и нравы, неизвѣстные человѣку въ состоянїи Природы. На семъ новомъ театрѣ не являлись ему примѣры тѣхъ великихъ дѣлъ, которымъ научали его слова историческихъ Героевъ, краснорѣчїе моральныхъ Писателей и голосъ добраго родителя; нигдѣ, даже въ прїятныхъ сообщенїяхъ бесѣды, не плѣнялъ его вдохновенный языкъ великодушїя, благотворенїя, человѣколюбїя, и самые такъ называемые мудрецы преклоняли колѣно предъ ничтожнымъ идоломъ мнѣнїя. Но то всего

болѣе тревожило Эмиля, что среди мертваго усыпленія всѣхъ добродѣтелей благородныя движенія души гораздо рѣже въ немъ самомъ пробуждались. Къ щастію, одно нѣжное природное чувство, которое для неиспорченнаго сердца служитъ вдохновеніемъ всего прекраснаго и великаго, не дало угаснуть въ Эмилѣ любви къ моральной красотѣ и ревности къ мысленному совершенству, безъ которой нѣтъ ни порывовъ къ славѣ, ни усилій добродѣтели.

Эмиль былъ молодъ и чувствителенъ; всегда плѣнялся любезнѣйшими изъ существъ, и не могъ, особливо на сценѣ ихъ блестящихъ побѣдъ, сокрыть души своей отъ оружія такой щастливой власти. Женщины, во всей свѣжести красоты и во всемъ цвѣтѣ пріятностей, приводили его въ сладкой восторгъ и въ тихое умиленіе; всегдашнее присутствіе ихъ питало въ немъ влеченіе сердца и Природы, и юный мудрецъ отъ утра до вечера мечталъ о Юліяхъ, Софіяхъ, Клариссахъ. Возвращаясь домой при концѣ дня, онъ засыпалъ съ образомъ прелестныхъ въ мысляхъ, и поутру, въ минуту пробужденія, онѣ улыбались передъ его воображеніемъ.

Между тѣмъ, плѣняясь всѣми красавицами вообще, онъ не привязывался ни

къ одной особенно. Сія наружная нечувствительность сдѣлалась предметомъ важнаго спора. Женщины увѣряли, что никогда любовь не побѣдитъ его Философіи; а мущины утверждали, что сія побѣда могла быть очень легка для молодой, любезной, живой Лины, которая ожидала только конца своего траура по мужѣ, чтобы возвратиться къ рукоплесканіямъ свѣта.

Въ одинъ лѣтній вечеръ, въ саду, гдѣ жители города собирались каждый день дышать свѣжимъ воздухомъ, и гдѣ былъ нашъ Эмиль, явилась молодая женщина, съ прелестнымъ станомъ Граціи, блескомъ красоты помрачила всѣ взоры, а нѣжностію голоса и языка плѣнила, казалось, всѣ души. Эмиль стоялъ на ту минуту, прислонясь къ дереву, и остался неподвиженъ въ семъ положеніи. Никогда торжество красоты и любезности не было чувствительнѣе. Толпы окружали прелестную. Все летѣло къ ней на встрѣчу; все ловило ея взоры; все покланялось ей какъ Царицѣ, между тѣмъ, какъ она, съ трона славы и величества своего, дарила одного веселою улыбкою, другаго пріятнымъ взглядомъ, инаго ласковымъ словомъ. Это была Лина,

двадцати пяти - лѣтняя вдова, первая красавица въ городѣ, первая женщина по любезности, тонкая въ искусствѣ жить, нравиться и осыпать любовь всѣми цвѣтами ума, и даже Философіи! Бывъ около года сокрыта отъ общества, она освѣдомилась о незнакомыхъ лицахъ, узнала о присутствіи Философа, прославленнаго подъ именемъ непобѣдимаго, и бросила на него тотъ быстрый, но вѣрный взглядъ, который скорѣе молніи долженъ былъ воспалить всякое чувствительное сердце — и воспалилъ его въ нашемъ молодомъ мудрецѣ. Онъ стоялъ все еще у дерева неподвижно, устремивъ глаза на лицо прелестной, внимая плѣнительному ея голосу и забываясь въ сладкомъ упоеніи. Скоро Лина скрылась, и шумъ умолкъ въ собраніи: все мало по малу за нею послѣдовало; садъ опустѣлъ; солнце закатилось; настала тишина ночи — и первые лучи мѣсяца освѣтили Эмиля еще въ саду, въ глубокой томной задумчивости сидящаго подъ тѣнью деревомъ, гдѣ стояла Лина.

Въ три часа утра онъ возвратился въ свое жилище, которое показалось ему темною и скучною темницею. Онъ глядѣлъ безпрестанно на часы; стрѣлка

двигалась медленно; время не текло по его желанію — и на другой день, въ шесть часовъ вечера, Эмиль гулялъ уже въ саду съ нетерпѣніемъ и страхомъ. Въ 7 часовъ алеи наполнились людьми; показалась Лина во всемъ цвѣтѣ прелестей; новый выразительный взоръ ея отличилъ Эмиля въ толпѣ другихъ мущинъ, такъ, что Герой нашъ, еще не довольно знакомый съ обычаями свѣта, почелъ за долгъ поклониться любезной незнакомкѣ, которая тѣмъ же съ улыбкою ему заплатила. Черезъ нѣсколько минутъ Лина съ молодыми сверстницами своими сѣла на дерновомъ канапе, у котораго стоялъ робкій Философъ; взглядывая на него отъ времени до времени, она говорила своимъ пріятельницамъ: „Какой прекрасный вечеръ! какъ пріятно лѣто! Щастливъ, кто въ это время года живетъ не въ стѣнахъ душнаго города, а на чистыхъ поляхъ сельскихъ, и, дыша свѣжимъ воздухомъ, дышетъ въ то же время покоемъ и свободою!“ — „Какъ вы думаете?“ спросила Эмиля одна знакомая ему Дама, которой Лина пошептала нѣчто на ухо. — Я думаю, отвѣчалъ Эмиль съ живостію, что сельская Природа имѣетъ неизъяснимыя прелести для благородныхъ и прекрасныхъ душъ. — „Ваше мнѣніе обод-

ряетъ меня," сказала Лина, обратясь къ Эмилю съ пріятнѣйшею улыбкою: „вы имѣете славу Философа; а Философія безъ сомнѣнія сообщаетъ вкусъ къ прекрасному. Но удивляюсь, что вы дѣлите съ нами наши скучныя удовольствія." — Скучные!... Мнѣ кажется, что вамъ недостаетъ въ городѣ только невинной простоты, какъ намъ недостаетъ въ деревняхъ женской любезности! — „Первая мысль доказываетъ вашу искренность, но послѣдняя оскорбляетъ, можетъ быть, вашу Философію." — По чему же, милостивая государыня? Развѣ Философія не согласна съ чувствомъ достоинства и красоты? развѣ для нее преступленіе любить то, что достойно почтенія? разъѣ мудрый можетъ быть равнодушенъ къ тому, что, подобно вамъ, украшаетъ Натуру и человѣчество? — „Вы приводите меня въ замѣшательство; перервемъ этотъ разговоръ... Позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ надѣяться, что съ нимъ не перервется для меня ваше знакомство."... — Эмиль осмѣлился требовать дозволенія ѣздить въ домъ къ Линѣ, и получилъ его. Черезъ нѣсколько минутъ она встала, откланялась новому знакомцу и скрылась отъ глазъ изумленнаго мудреца, который глядѣлъ въ слѣдъ за нею, и думалъ самъ въ себѣ: Какое рѣдкое

соединенїе прелестей лица съ прелестями разума! Не уже ли этотъ трогательный голосъ не есть органъ прекрасной души? Чему могу вѣрить на землѣ, когда выраженїе такого взгляда меня обманываетъ? Нѣтъ! нѣтъ!.... И доброй Эмиль, возвратясь домой, не заглянулъ уже въ своего Жан-Жака, съ которымъ онъ каждый вечеръ совѣтовался, давая себѣ отчетъ во всѣхъ впечатлѣнїяхъ дня. Уже ему казалось, что славный мизантропъ клевещетъ на людей; прелести Лины украшали для него картину свѣта.

Не позже, какъ на другой день, необыкновенно робѣя, чувствуя неловкость, которой онъ никогда не чувствовалъ, и сожалѣя въ первой разъ жизни своей о томъ, что не имѣетъ прїятностей свѣтскаго человѣка, Эмиль явился въ гостяхъ у Лины, любезной въ кругу публичнаго собранїя, но еще любезнѣйшей въ привѣтствїяхъ домашняго угощенїя. Она осыпала его скромными ласками, представила ему маленькихъ дѣтей своихъ съ нѣжностїю матери, которая еще оживила ея прелести; говорила о любви къ уединенїю, о скукѣ общества, о чистыхъ удовольствїяхъ семейственной жизни, тѣсно связанныхъ съ должностями человѣка и чуждыхъ эгоизму свѣта;

разсуждала умно, пріятно, согласно со всѣми мнѣніями Эмиля, между тѣмъ какъ онъ слушалъ ее, молчалъ и не могъ скрывать сердечныхъ своихъ движеній. Наконецъ Лина сказала ему: „Говорятъ, что вы слѣдуете правиламъ строгой Морали и Философіи; щастіе людей должно быть для васъ дорого; вы видите передъ собой молодую женщину, удаленную по образу жизни и воспитанія отъ хорошихъ примѣровъ; но смѣю сказать, что я люблю добродѣтель. Обѣщайтесь быть моимъ наставникомъ, подавать мнѣ совѣты. Женщина двадцати-пяти лѣтъ (тутъ Лина потупила въ землю стыдливые взоры) рѣдко сохраняетъ въ свѣтѣ имя непорочное. Иногда самая легкая вѣтреность бываетъ предметомъ злословія. Такъ и я, можетъ быть, отъ нѣкоторыхъ неосторожностей, которыхъ не ищу оправдывать, терплю“..... Неосторожности Лины, перервалъ Эмиль, не могутъ быть никогда оскорбленіемъ добродѣтели; а чистота совѣсти награждаетъ за несправедливость мнѣнія. Но когда свѣтъ таковъ, какъ вы говорите (ибо я не могу еще судить объ немъ), то онъ не достоинъ васъ, прекрасная Лина... — „И такъ вы совѣтовали бы мнѣ“... Жить уединенно, заниматься воспитаніемъ

дѣтей и нѣжными удовольствіями добродѣтели... Сверхъ того.... я думаю... вы могли бы.... „Договорите.“ — Я не знаю, какъ изъяснить мысль мою.... Ваши лѣта позволяютъ вамъ возвратить дѣтямъ вашимъ.... вашъ выборъ могъ бы ощастливить.... — „Ахъ, Эмиль! прежде хочу научиться быть достойнѣе невиннаго, добродѣтельнаго сердца, и просвѣщеннѣе въ моемъ собственномъ выборѣ. Но довольно.... послѣдую вашимъ совѣтамъ.“ — Пріѣхавшіе гости перервали разговоръ. Возвратясь домой, Эмиль думалъ: Она показываетъ ко мнѣ уваженіе; любитъ уединеніе, деревню; наши склонности, вкусы, мнѣнія согласны: для чегожъ мнѣ не надѣяться?.... Ахъ! можетъ быть... — Эмиль устремилъ взоры къ небу; сердце его трепетало, грудь орошалась жаркими слезами.

Глаза его были еще мокры отъ слезъ, когда одинъ добрый его родственникъ пріѣхалъ дать ему совѣтъ. „Эмиль! сказываютъ, что славная вѣтреница Лина заманиваетъ тебя въ свои сѣти: остерегись. Не одинъ мущина былъ ея игрушкою и жертвою; и самый мужъ“... — Другъ мой! ты вѣришь народнымъ слухамъ; я вѣрю глазамъ и сердцу. — „Послушай, Эмиль. Одна извѣстная Дама

въ присутствіи многолюднаго общества говорила со смѣхомъ, что Лина *хочетъ теперь испытать сердце Философа*, и прибавила, что она пересказываетъ собственныя слова Лины." — Злословіе изливаетъ на все ядъ свой. Ты по крайней мѣрѣ пощади добродѣтель. — — Гость, по безполезныхъ представленіяхъ, удалился, досадуя, что заблужденіе страсти побѣждаетъ силу Менторовъ; а неопытный Эмиль радовался сему открытію, заключая, что Лина сама чувствительна къ любви его, когда она желаетъ испытывать его сердце.

Каждый день любовь приводила Эмиля къ Линѣ; каждый день пріятность и удовольствіе встрѣчали его съ улыбкою хозяйки, и каждой день новое, сильнѣйшее чувство провожало его домой съ прелестнымъ взоромъ ея. Иногда онъ заставалъ у нее гостей; въ теченіи нѣсколькихъ часовъ она оживляла все пріятнѣйшимъ разговоромъ; гости удивлялись ей, а восхищенный мудрецъ думалъ: Какой Философъ съ угрюмою важностію умѣетъ занимать разумъ такъ пріятно, соединяя пріятность съ основательностію, силу мыслей съ легкостію выраженія и нѣжность чувства съ блескомъ остро-

умїя! — Иногда, прикасаясь волшебною рукою къ струнамъ арфы, она, какъ новая Сафа, играла чувствами его сердца. Иногда онъ заставалъ ее одну въ кабинетѣ: она призывала тотчасъ дѣтей своихъ; казалось, что женская скромность хотѣла покрыться щитомъ материнскаго сана — и между тѣмъ, какъ дѣти рѣзвились въ углу, Лина читала всегда какую нибудь книгу Эмилю, который удивлялся охотѣ ея ко чтенїю, часто перерывалъ его нетерпѣнїемъ и засиживался такъ долго послѣ ужина, что Лина часто принуждена была напоминать ему о времени. Однакожь, не взирая на то, Эмиль былъ всегда остороженъ, скроменъ, почтителенъ; никогда не позволялъ себѣ ни одного яснаго слова о тайныхъ чувствахъ своихъ, которыя, правда, не были уже тайною для проницательной Лины; и естьли въ ней обнаруживались иногда нѣкоторыя движенїя, которыя ему подавали сладкую надежду, то онъ, почитая ихъ невольными, скрывалъ тѣмъ осторожнѣе свою радость. Темно предчувствуя свое блаженство, но еще не смѣя вѣрить надеждѣ, Эмиль, въ честности своихъ намѣренїй, ожидалъ точнѣйшаго увѣренїя, чтобы принести обѣтъ вѣрности и принять залогъ щастїя.

Однажды Эмиль пришелъ къ Линѣ. Она встрѣтила его съ печальнымъ, но ласковымъ видомъ и сказала: „Радуюсь, что васъ вижу. Мнѣ остается не долго пользоваться вашимъ обхожденіемъ. Послѣ завтра ѣду въ деревню. Надѣюсь, что вы иногда посѣтите“ . . . Ахъ, Лина! воскликнулъ Эмиль: будьте чистосердечнѣе. Естьли мое присутствіе для васъ не тягостно, то готовъ слѣдовать на край свѣта за тою, безъ которой не могу быть. . . . щастливъ. — „Эмиль! что я слышу?“ . . . Такъ, прекрасная Лина, такъ! силы человѣческія не могутъ побѣдить такого чувства; сердце мое открывается передъ тобою; рѣши судьбу мою. . . . Эмиль упалъ на колѣни. . . . Лина отирала платкомъ глаза свои. . . . Онъ стоялъ у ногъ ея, и ожидалъ того божественнаго слова, которому надлежало влить блаженство въ его душу, и Лина Ангельскимъ голосомъ произнесла: *люблю тебя!* — Эмиль былъ щастливъ; онъ почиталъ неразрывнымъ союзъ, заключенный взаимною любовію; передъ воображеніемъ его отворялся тотъ священный храмъ, въ которой рука любви и добродѣтели должна была по цвѣтамъ привести его, къ олтарю священныхъ обѣтовъ. Но хотя бы торжественное благо-

словеніе и не запечатлѣло тайнаго союза сердецъ, Богъ внималъ ихъ клятвѣ; они не могли сдѣлаться клятвопреступниками, не обративъ на себя праведнаго гнѣва Небесъ. Такъ думалъ по крайней мѣрѣ Эмиль; бросился въ объятія къ Линѣ и воскликнулъ: „клянусь вѣчно любить тебя!“ — Ахъ! уста Лины не повторили обѣта; но сердце юноши, съ полною довѣренностію, твердило его за обоихъ. . . .

Владиміръ Измайловъ.

(Окончаніе впредь.)

II.

Новая Спарта.

Бонапарте, любящій славу древней Греціи, посылалъ двухъ ученыхъ Французовъ въ Морею, чтобы узнать обыкновенія и нравы Майнотовъ, потомковъ Спарты. Путешественники наблюдали сей примѣчанія достойный народъ во всѣхъ отношеніяхъ гражданской жизни, и такимъ образомъ описываютъ Майнота отъ рожденія его до самой смерти.

„Въ Маинѣ всякой отецъ объявляетъ „рожденїе сына своего ружейнымъ вы„стрѣломъ; тогда всѣ родственники и „друзья его въ знакъ радости также „стрѣляютъ изъ ружей, и въ первые во„семь дней дарятъ родильницу съѣстны„ми вещами для младенца. Она, во все „то время, какъ лежитъ въ постелѣ, не „пьетъ ничего, кромѣ вина; вода ей имен„но запрещена. Всякая мать кормитъ „грудью своего ребенка; а естьли умретъ, „то каждая сосѣдка готова служить ему „кормилицею и даже матерью. Сынъ до „семи лѣтъ бываетъ подъ надзиранїемъ „родительницы; она вселяетъ въ него „любовь къ отечеству, почтенїе къ стар„цамъ, вѣрность къ друзьямъ, особливо „же гостепрїимство въ разсужденїи бѣд„ныхъ и чужестранцевъ. Послѣ сего вре„мени отецъ беретъ сына на свои руки, „учитъ грамотѣ, прїучаетъ къ сельскимъ „работамъ, чтобы утвердить тѣлесныя „силы его, и къ воинскимъ упражненї„ямъ, пока онъ еще не можетъ участво„вать въ играхъ юношества, которыя со„стоятъ въ томъ, чтобы бороться, под„нимать тяжелыя вещи, бросать камня„ми въ цѣль, бѣгать и плавать.

„Дочери остаются на попеченїи ма„терей и занимаются домашними раб-

„шами; главное дѣло ихъ есть прясть „хлопчатую бумагу и воспитывать шел- „ковыхъ червей. Каждая женщина имѣетъ „въ своемъ домѣ станокъ, умѣетъ ткать „полотно и шелковыя матерїи для „платья. Дочь, безпрестанно занятая ра- „ботою подлѣ своей матери, не думаетъ „объ играхъ дѣтства; только въ празд- „ники ходитъ въ церковь и на городскую „площадь, гдѣ во время дня бываютъ „пляски.

„Майноты хранятъ строгїе нравы „предковъ своихъ; отъ самой колыбели „дышатъ чистымъ воздухомъ добродѣ- „тели, и цвѣтущая молодость ихъ не „увядаетъ отъ распутства. Давъ обще- „ству новаго гражданина, родители зна- „ютъ, что они заплатили только часть „своего долгу; что ихъ ожидаетъ еще „важнѣйшая обязанность, управлять его „первыми склонностями, первыми, такъ „сказать, трепетанїями сердца, до са- „маго того времени, какъ онъ женитьбою „утвердитъ судьбу и характеръ свой.

„Въ Маинѣ неизвѣстны тонкости „любовнаго искусства, не рѣдко вреднаго „для супружества. Молодой человѣкъ, „избравъ себѣ подругу, сказываетъ о томъ „отцу, который беретъ на себя сватов- „ство. Естьли женихъ угоденъ родите-

„лямъ ея, то они объявляютъ выборъ свой „дочери, которая соглашается безмолвіемъ. Не знавъ еще любви, она совершенно и навѣки отдаетъ душу свою первому милому предмету. Ея страсть „еще усиливается отъ препятствій, неизвѣстныхъ въ другихъ земляхъ: съ „минуты помолвки до самаго брака жениху „запрещено видѣться съ невѣстою.“ — Здѣсь путешественники входятъ въ подробное описаніе свадебныхъ обрядовъ, изображающихъ искренность, чистосердечіе и твердый союзъ семействъ.

„Въ день свадьбы молодой человѣкъ „приходитъ къ дверямъ невѣстина дома. „Его останавливаютъ и спрашиваютъ, „чего онъ ищетъ? *Невѣсты моей*, отвѣчаетъ онъ, *чтобы соединиться съ нею „законнымъ бракомъ.* Тогда выходитъ „отецъ, обнимаетъ его и говоритъ: *принимаю тебя съ любовію, добрый зять мой; „наслаждайся благоденствіемъ въ жизни, „миромъ и согласіемъ съ вѣрною подругою! да исполнятся всѣ желанія твоего „сердца!* Когда молодые возвращаются изъ „церкви, женщины изъ оконъ своихъ усыпаютъ имъ путь на улицѣ пшеницею и „просомъ, символомъ плодовитости. Пришедши въ домъ, молодой супругъ бросаетъ въ окно плоды и деньги зрише-

„лямъ; садятся за столъ, обѣдаютъ, по-„ютъ и пляшутъ. Послѣ обѣда отецъ „вручаетъ зятю приданое, состоящее въ „одеждѣ и домашнихъ уборахъ. Естьли „жена умираетъ бездѣтна, то приданое „возвращается семейству ея; а естьли „умретъ мужъ, то жена пользуется имѣ-„нїемъ во все время вдовства своего. Тя-„жбы никогда не бываетъ; въ случаѣ не-„согласїя избираютъ двухъ посредниковъ, „которые рѣшатъ дѣло въ минуту. Раз-„водъ дозволенъ въ Маинѣ, но весьма рѣ-„докъ; только двѣ причины дѣлаютъ его „законнымъ: явное несогласїе во нравахъ „и семилѣтнее отсутствїе мужа. Онъ не „требуетъ никакихъ издержекъ и обря-„довъ: супруги приходятъ къ Епископу „и доказываютъ необходимость развода; „а Епископъ утверждаетъ его и позво-„ляетъ имъ войти въ новый союзъ. Ко-„гда есть у нихъ дѣти, то они принад-„лежатъ отцу. Майноты, ушедшїе въ „Корсику, сохраняютъ тамъ въ разсу-„жденїи брака обыкновенїя своихъ пред-„ковъ.

„Въ Маинѣ нѣтъ ни Медиковъ, ни „лекарей, ни Аптекаря; умѣренность и „чистый воздухъ хранятъ здоровье. Кровь „сего народа не заражена болѣзнями чуже-„сыранными. На границахъ, гдѣ есть

„болота, бываютъ иногда лихорадки; то-
„гда даютъ больному нѣкоторыя испы-
„танныя лекарства, но только не внутрь,
„боясь помѣшать дѣйствію Натуры, ко-
„торая есть главный Медикъ ихъ, и все-
„гда искусный. Однакожь въ сильныхъ
„болѣзняхъ употребляютъ и внутреннія
„лекарства, чтобы ускорить переломъ.
„Врачи душевные бываютъ у нихъ и вра-
„чами тѣлесными. Всѣ Майноты соста-
„вляютъ лекарства, разумѣютъ главныя
„дѣйствія Хирургіи и могутъ пускать
„кровь; но прежде надобно собрать род-
„ственниковъ и старцевъ, которые спра-
„вляются тогда съ великою книгою опы-
„та и рѣшатъ, бывало ли въ та-
„комъ случаѣ полезно кровопусканіе. Ап-
„тека у всякаго Майнота въ головѣ: онъ
„знаетъ особенныя лекарства для раз-
„ныхъ болѣзней и находитъ ихъ въ На-
„турѣ, въ лѣсу или на лугахъ. Естьли
„бы Французское Правленіе послало уче-
„ныхъ людей въ Грецію, то они узнали
„бы тамъ многія спасительныя и самыя
„простыя лекарства, открытыя Небомъ
„единственно симъ щастливымъ странамъ
„для всѣхъ обыкновенныхъ болѣзней.

„Однакожь, не смотря на такія
„благодѣянія Природы, Майнотъ уми-
„раетъ! . . . Родственники окружаютъ

„трупъ, плачутъ, рыдаютъ и поютъ „печальные гимны. Сосѣды бѣгутъ въ „домъ умершаго и, слѣдуя древнему обык- „новенїю, три раза восклицаютъ на „улицѣ: *братъ! братъ! милый братъ!*

„Преданїе говоритъ, что имя Маины „происходитъ отъ Греческаго слова *ма- „нїа*, т. е. *бѣшенство*, которымъ хотѣли „означить безпримѣрное остервененїе сего „народа въ сраженїяхъ съ Турками послѣ „паденїя Греческой Имперїи. Майноты „считаютъ храбрость необходимою добро- „дѣтелїю для сохраненїя независимости. „Физическая дѣятельность и воздер- „жность питаютъ въ нихъ силы и здо- „ровье. Не имѣя ни судилищь, ни судей, „они привыкли взаимно наблюдать спра- „ведливость, а въ случаѣ обиды мстить „безъ помилованїя; забыть ее считается „у нихъ малодушїемъ; но месть раж- „даетъ иногда войну между цѣлыми „семействами.

„Бережливость есть богатство Май- „нотовъ; будучи скупы на время и деньги, „они не любятъ никакихъ письменныхъ „обязательствъ, вѣрятъ слову, держатъ „его и не имѣютъ ни Юрисконсультовъ, „ни Нотарїусовъ.

„Честь нѣжнаго пола священна въ „Маинѣ; оскорбишь женщину есть под-

„лость, и родственники оскорбленной смы-
„ваютъ кровїю пятно съ ея чести. Пра-
„вда, что женщины сами уважаютъ себя,
„и мать бываетъ лучшимъ примѣромъ
„для дочери. Онѣ весьма рѣдко выходятъ
„изъ дому; занимаясь работою, не знаютъ
„ни скуки нашихъ модныхъ домовъ, ни
„опасности публичныхъ собранїй, ни
„баловъ, гдѣ все подъ маскою, кромѣ
„разврата.

„Жители одной деревни подобны дѣ-
„тямъ одного семейства; любятъ услу-
„живать взаимно и помогать другъ другу.
„Нигдѣ не найдешь столько любви и со-
„гласїя между родственниками, какъ въ
„Маинѣ; слава добрыхъ дѣлъ и безчестїе
„между ими нераздѣльны. Каждое семей-
„ство признаетъ старцевъ своихъ законо-
„дателями.

„Гостепрїимство есть любимая добро-
„дѣтель Майнотовъ. Всякой разъ, когда
„жертвы Турецкаго варварства прибѣга-
„ютъ къ нимъ, они рады всѣмъ служить
„имъ; домъ, пища, одежда — готовы для
„нихъ. Но въ разсужденїи иностранца
„Майноты не такъ дружелюбны, боясь
„моральнаго развращенїя. Нужно предста-
„тельство извѣстнаго человѣка или вѣр-
„ныя доказательства чести для прїобрѣ-
„тенїя ихъ довѣренности; но когда узна-

„ютъ, что иностранецъ доброй чело-„вѣкъ, тогда обходятся съ нимъ какъ съ „братомъ.

„Майноты исповѣдуютъ Христїян-„скую Религїю Восточной Церкви, при-„знаютъ Константинопольскаго Патрї-„арха своимъ начальникомъ и наблюдаютъ „въ точности всѣ правила вѣры своей. „Въ Витуло, столицѣ Майнотовъ, Епи-„скопъ съ немногими монахами живетъ „въ монастырѣ трудами рукъ своихъ и „церковною службою; ему даютъ за обѣ-„дню 75 копѣекъ, а Священникамъ 20: „вотъ единственный доходъ ихъ!"

Естьли вѣрить симъ Французскимъ путешественникамъ, то жены Майнотовъ могутъ назваться достойными совмѣстницами древнихъ Спартанокъ; не знаютъ ни кокетства, ни праздности, и въ мирное время занимаясь домашними работами, во время войны раздѣляютъ опасности и труды съ мужьями. „Онѣ не „только носятъ за ними съѣстные при-„пасы или военные снаряды, но и въ „сраженїяхъ не разстаются съ ними. „Когда мужъ убитъ, жена беретъ его „оружїе и старается отмстить непрїя-„телю или сама умираетъ. Въ народѣ, „всегда вооруженномъ, мудрено найти „труса; а естьли кто окажется робкимъ,

„то женщины первыя наказываютъ его „своимъ презрѣнїемъ, и даже по смерти „не щадятъ ихъ памяти.

„Число всѣхъ жителей простирается „до 45 тысячь. Хотя земля покрыта „дикими скалами, однакожь въ сей Рес„публикѣ 360 деревень, изъ которыхъ „Витуло есть самая большая. Ея глав„ныя произведенїя суть пшеница, ячмень „и волчьи бобы; они сѣютъ ихъ по-годно, „и земля всегда хорошо родитъ. Но Май„ноты не продаютъ хлѣба, а торгуютъ „единственно масломъ и шелкомъ; не „разводятъ винограда, для того, что „мало удобной земли, и что могутъ „весьма дешево покупать вино въ другихъ „частяхъ Мореи.“

Такимъ образомъ сей малочисленный народъ, столь отличный отъ всѣхъ другихъ народовъ, среди варварскаго Деспотизма сохраняетъ вольность и слѣды древнихъ Спартанскихъ нравовъ.

III.

Чудный младенецъ.

Не давно умеръ въ Гакне (въ Англїи) шестилѣтнїй младенецъ, Томасъ Малькинъ, который былъ чудомъ понятїя

и разума. Онъ зналъ совершенно природный языкъ свой, писалъ и говорилъ имъ очень пріятно; разумѣлъ Французской, Латинской; читалъ съ великою охотою Цицерона и былъ такъ свѣдущъ въ Географіи, что не только отвѣчалъ безъ ошибки на всѣ вопросы о положеніи земель, городовъ, о теченіи главныхъ рѣкъ и проч., но могъ даже на память рисовать географическія карты съ удивительною точностію; самоучкою прекрасно списывалъ Рафаелевы головы, и лучше Академическихъ воспитанниковъ выражалъ характеръ ихъ; но всего болѣе изумлялъ чудеснымъ умомъ своимъ и быстрымъ пониманіемъ самыхъ трудныхъ, метафизическихъ идей.

Не смотря на чрезмѣрную склонность его къ ученью, онъ былъ здоровъ, веселъ, дѣятеленъ; никогда не имѣлъ важнаго вида, кромѣ тѣхъ минутъ, въ которыя занимался ученьемъ, и охотно оставлялъ книгу, когда его звали гулять въ поле или рѣзвиться съ товарищами.

Томасъ сотворилъ въ воображеніи своемъ землю, подобную Утопіи, хотя и никогда не читалъ сего философическаго романа; наименовалъ ее Аллестоною и пожаловалъ себя въ Короли ея; написалъ исторію сего Королевства и сочинилъ

весьма остроумную и любопытную карту его, назвавъ аллегорическими именами главныя мѣста, горы, рѣки; и любивъ отмѣнно науки, учредилъ вездѣ Университеты, Академїи; писалъ статуты, избиралъ Профессоровъ, награждалъ таланты, и проч.

Въ болѣзнь свою онъ доказалъ рѣдкое терпѣнїе, и собранными имъ богатствами ума старался утѣшать себя, чтобы менѣе чувствовать боль; воспоминалъ все то, что зналъ, читалъ или слыхалъ въ жизни своей; разсуждалъ спокойно, и въ самыхъ жестокихъ мукахъ вдругъ предлагалъ Доктору какой нибудь ученой вопросъ; любилъ говорить о выздоровленїи, но безъ всякаго нетерпѣнїя, и за полчаса до смерти съ удовольствїемъ разсматривалъ свои географическїя карты.

Не входя въ подробности его болѣзни, скажемъ только, что смерть сего удивительнаго младенца ни мало не доказываетъ истины общаго мнѣнїя, будто раннїй умъ вреденъ для здоровья. Томасъ умеръ отъ простуды. Медики вскрыли голову его и съ великимъ вниманїемъ разсматривали. Мозгъ былъ необыкновенной величины и ни мало не поврежденъ.

IV.

Завѣщаніе Ариѳметика.

Фортунатусъ Нулусъ, Сіпразбургскій Ариѳметикъ, оставилъ завѣщаніе, въ которомъ сказано слѣдующее:

„Достойный дѣдъ мой, Просперусъ Нулусъ, училъ меня грамотѣ и Ариѳметикѣ. Еще осьми лѣтъ я узналъ отъ него, что естьли ежегодно прикладывать проценты къ капиталу, то черезъ 100 лѣтъ онъ умножится во 150 разъ. Видя мое удивленіе, доброй старикъ вынулъ изъ кармана 24 ливра, и сказалъ съ жаромъ: „Другъ мой! помни во всю свою „жизнь, что для Ариѳметика и бережливаго человѣка нѣтъ въ свѣтѣ ничего „невозможнаго. Дарю тебѣ 24 ливра: „отдай ихъ купцу, моему другу; всякой годъ прибавляй къ нимъ проценты, „и со временемъ, въ глубокой старости, „употреби эту сумму на какое нибудь „богоугодное дѣло, спасительное для „моей и твоей души.“

„Я исполнилъ его повелѣніе. Изъ 24 ливровъ въ 62 года родилось 500, которые дѣлю на пять равныхъ частей, и навсегда отдаю въ ростъ, подобно начальной суммѣ дѣда моего, однакожь съ тѣмъ, чтобы всякія сто лѣтъ *пятую часть* вы-

нимать изъ капитала и употреблять на добрыя дѣла. *Первая* доля въ теченїе вѣка составитъ 13,000 ливровъ, на которые должно высушить вредное болото подлѣ нашей деревни. Черезъ 100 лѣтъ *вторая* пятая доля составитъ миллїонъ семь сотъ тысячь ливровъ: назначаю употребить ихъ на разныя заведенїя въ пользу наукъ, земледѣлїя, и проч. *Третья* доля черезъ 100 лѣтъ возрастетъ до 220 миллїоновъ, на которые должно учредить въ государствѣ сто *патрїотическихъ* заемныхъ *банковъ*, чтобы всякому доброму, трудолюбивому гражданину давать деньги безъ процентовъ, и еще завести въ главныхъ городахъ 12 Музеевъ и 12 публичныхъ библїотекъ. Каждый Музей и каждая библїотека будетъ имѣть ежегоднаго доходу 100,000 ливровъ для содержанїя сорока бѣдныхъ ученыхъ людей. — Черезъ 100 лѣтъ *четвертая* пятая доля составитъ 50 миллїардовъ, на которые должно выстроить сто новыхъ городовъ; и поселить въ каждомъ 150,000 жителей. Можно возразить, что во всей Европѣ не найдется столько наличныхъ денегъ; но я душеприкащикамъ своимъ даю право обратить деньги въ недвижимое имѣнїе.

„Наконецъ послѣдняя доля черезъ вѣкъ возрастетъ до 3900 миллїардовъ,

которыми повелѣваю заплатить государственный долгъ Англїи (естьли ихъ достанетъ на то), изъ благодарности за прекрасный Невтоновъ трактатъ *о всеобщей Ариѳметикѣ*. Въ душеприкащики избираю шесть добрыхъ гражданъ, изъ которыхъ всякой при смерти назначитъ себѣ преемника, съ сообщенїемъ ему всѣхъ правъ своихъ. За труды ихъ должно дать имъ изъ *послѣдней доли* 36 миллїоновъ."

Вотъ что можно бережливому человѣку сдѣлать изъ 24 ливровъ! — Но шутку въ сторону: такому примѣру иногда въ самомъ дѣлѣ хорошо слѣдовать; чему доказательствомъ служитъ истинный случай, извѣстный намъ по Англїйскимъ вѣдомостямъ. Одинъ судья въ Норвичѣ умеръ въ 1724 году и въ завѣщанїи своемъ велѣлъ отдать въ ростъ 4000 фунтовъ стерлинговъ, съ тѣмъ, чтобы по истеченїи шестидесяти лѣтъ учредить на сїи деньги школу, въ которой можнобъ было учить, одѣвать и кормить безденежно 120 питомцевъ. Въ душеприкащики избралъ онъ Епископа и другихъ знатныхъ людей. Срокъ вышелъ въ Маѣ мѣсяцѣ 1784 года, и отданныя въ ростъ 4000 составили тогда 74000 фунтовъ стер-

линговъ, на которыя дѣйствительно завели въ Норвичѣ такую школу.

(*Изъ Нѣм. Жур.*)

V.

Письмо къ Издателю изъ Тулы отъ 13 Февраля.

Читая разсужденіе Г. Жордана объ избраніи Наполеона Бонапарте на всю жизнь въ Консулы, я соглашаюсь съ нимъ въ томъ, что національный характеръ, непорочность нравовъ и добродѣтель истинная не рѣдко обитаютъ въ хижинахъ поселянъ. Оставляя просвѣщеннымъ Французамъ описаніе великодушныхъ дѣлъ сего роду людей въ ихъ отечествѣ, всегда искренно радуюсь, когда узнаю добрыя дѣла нашихъ земледѣльцевъ, основанныя на благородныхъ движеніяхъ сердца, вопреки ихъ такъ называемому *низкому* состоянію. Съ душевнымъ удовольствіемъ описываю вамъ три извѣстные мнѣ случая.

Во время освященія церкви Одоевской округи, въ селѣ Жестовомъ, одинъ благочестивый поселянинъ, въ самую полночь, привезъ къ ней съ работникомъ въ 20

пудъ колоколъ, и въ тужь минуту уѣхалъ назадъ, запретивъ работнику говорить о семъ тайномъ дарѣ его усердія. Послѣдній не исполнилъ хозяйскаго приказанія, и крестьянинъ отпустилъ его отъ себя съ награжденіемъ, сказавъ сіи простыя, но трогательныя слова: „грѣхъ „тебѣ, что ты не смолчалъ о колоколѣ. „Мы отдали его Богу: начтожь о томъ „разсказывать людямъ?“

Во время пожара въ Бѣлевѣ одинъ зажиточной купецъ, видя мимо ѣдущаго крестьянина на трехъ подводахъ, остановилъ его и отдалъ ему сундуки съ имѣніемъ своимъ. Пламя исчезло; купецъ опомнился — хватился сундуковъ, и не зналъ, гдѣ найти ихъ; считалъ все имущество потеряннымъ, и провелъ цѣлую ночь въ крайнемъ безпокойствѣ. Вдругъ слышитъ стукъ въ окно. На вопросъ: кто тамъ? отвѣтствуетъ крестьянинъ: „развѣ ты забылъ про вчеранніе сундуки „свои? ради Бога возьми ихъ; мнѣ чужова добра не надо.“ Обрадованный купецъ принялъ ихъ, и съ благодарностію дарилъ ему 50 рублей. „Нѣтъ, нѣтъ, ничего не возьму: сохрани меня Господи брать съ пожарища!“ сказалъ великодушный земледѣлецъ.

Новосильской округи два брата, казенные крестьяне, представлены были по очереди въ рекруты. Младшій былъ статенъ, пригожъ, и съ веселымъ видомъ объявилъ свое желаніе служить Государю; но, къ сожалѣнію, не доставало въ немъ вершка противъ назначенной мѣры. Опредѣлили взять его старшаго брата. Тутъ младшій, забывъ свою молодую жену и малолѣтныхъ дѣтей, упалъ на колѣни передъ судьями, залился слезами и сказалъ: „сдѣлайте милость, примите меня, „а не его! Онъ былъ мнѣ не братъ, а „выпорой отецъ. Развѣ я не слуга Богу и „Государю? Кто идетъ охотой въ солдаты, тотъ будетъ и служить съ „охотой.“ Всѣ присутствующіе были до слезъ тронуты. Священный гласъ закона умолкъ въ минуту чувствительности: молодаго человѣка приняли — онъ въ ту же минуту съ радостію бросился обнимать брата... Однакожь нѣкоторые изъ чиновниковъ одумались и начали говорить, что вершокъ есть преступленіе закона. Губернаторъ, какъ другъ человѣчества, донесъ о семъ происшествіи Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Вселюбезнѣйшій Монархъ нашъ удостоилъ Своего вниманія великодушный поступокъ братской любви, утвердилъ приня-

тїе рекрута и наградилъ добродѣтельное чувствiво сего молодаго человѣка опредѣленїемъ его въ Лейбъ-Гвардїю, въ Семеновскїй Полкъ.

Естьли вы думаете, что простое, неукрашенное описанїе такихъ случаевъ можетъ быть прїятно читателямъ Журнала, то помѣстите его въ *Вѣстникѣ*. — Остаюсь, — и проч.

VI.

Амуръ и Дружба.

„Сестрица душенька!“ — Здорово, братецъ мой! —
„Леталъ, леталъ!“ — А я шаталась, ужь шаталась! —
„Гдѣ взять любовниковъ? всѣ сгибли какъ чумой!“ —
Гдѣ други? ни съ однимъ еще не повстрѣчалась! —
„Какой сталъ свѣтъ!“ — Давно ужь это говорятъ. —
„Всѣ клятвы на пескѣ!“ — Услуги въ обѣщаньѣ;
Подъ именемъ моимъ *корысть* боготворятъ. —
„А подъ моимъ *желанье*!“

* * *

VII.

Отрывокъ Делилева Диѳирамба на безсмертіе (*).

Въ странѣ, гдѣ чуждо разрушенье —
На вѣчности утверждено,
Средь мирной тишины въ себѣ погружено,
Безсмертіе, злымъ казнь, а добрымъ утѣшенье,
Гигантскій время бѣгъ, свершаемый предъ нимъ,
Отъ правыхъ сердцемъ отклоняетъ;
А изверга надеждѣ возбраняетъ,
Ничтожность страшную спасеньемъ чтить своимъ.

Такъ, грома вышняго ты, дерзкій похититель,
Низвергшій олтари предвѣчной Правоты!
Презрѣнный міра притѣснитель!
Дрожи! — безсмертенъ ты!
И вы, игралища, на время, лютой доли;
Чьи взоромъ отческимъ Господь блюдетъ главы;
Мгновенны странники въ безвѣстной слезъ юдоли!
Утѣшьтеся! безсмертны вы!

Ю. Н. М.

(*) Въ Вѣстникѣ было напечатано подражаніе Г. Лабзина симъ двумъ Делилевымъ строфамъ. Вотъ другой переводъ. Читатели рѣшатъ,

VIII.
СМѢСЬ.

Въ новой Физіологической книгѣ молодаго Доктора Биша, не давно умершаго въ Парижѣ, замѣтили мы слѣдующее мѣсто, которое показалось намъ весьма любопытнымъ. Оно содержитъ въ себѣ новую и блестящую теорію.

который щастливѣе. Всякой отгадаетъ имя, означенное внизу заглавными буквами. Для знающихъ Французской языкъ печатаемъ здѣсь и подлинникъ.

Dans ſa demeure inébranlable,
Aſſiſe ſur l'éternité,
La tranquille Immortalité,
Propice aux bons, et terrible aux coupables,
Du tems qui ſous ſes yeux marche à pas de Géant,
Défend l'ami de la juſtice,
Et ravit à l'eſpoir du vice
L'aſile horrible du néant.

Oui, vous qui de l'Olympe uſurpant le tonnerre,
Des eternelles loix renverſez les autels;
Lâches oppreſſeurs de la terre!
Tremblez!... vous êtes immortels!
Et vous, vous, du malheur victimes paſſagères,
Sur qui veillent d'un Dieu les regards paternels,
Voyageurs d'un moment aux terres étrangères:
Conſolez-vous!... vous êtes immortels!

„Въ существахъ одушевленныхъ мы „ясно видимъ два *начала* жизни разнаго „цвѣта: одно *красное*, и дѣйствуетъ во „всемъ царствѣ животныхъ, а другое „*голубое*, и дѣйствуетъ въ царствѣ ра„стѣній; сіе послѣднее еще не довольно „занимало Натуралистовъ. Весною, когда „солнце приближается къ знаку Овна, „оно изливаетъ, кажется, на міръ нашъ „стихіи небесной атмосферы. Согрѣтыя „его лучами, *желтыя* сущности земли „ожидаютъ голубыхъ изліяній лазуре„ваго свода, чтобы произвести сію любез„ную зелень, которая украшаетъ поля, „и своею различною густотою изобра„жаетъ соразмѣрную ей силу растѣній. „Когда солнце, вступая въ знакъ Вѣсовъ, „удаляется отъ нашихъ климатовъ, то„гда и голубыя изліянія удаляются отъ „деревъ и травъ, которыя немедленно „блекнутъ; листъ, не питаемый уже „голубымъ *началомъ*, желтѣетъ, вянетъ „и падаетъ на землю. — *Красное* начало „столь же дѣйствительно и важно въ „царствѣ животныхъ; оно есть душа „жизни и всѣхъ ея дѣйствій. Земле„дѣлецъ не ошибается въ знакахъ, кото„рые обѣщаютъ ему плодородіе: онъ уга„дываетъ его по *густому* цвѣту зелени, „доказывающей, что въ ней много *голу*-

„*баго* начала. Такъ и красный цвѣтъ въ „животныхъ есть знакъ здоровья и силы. „Въ молодости мы всегда богаты алою „кровью. Извѣстно, что въ старикахъ „пульсовыя жилы (artères) бываютъ го„раздо уже, а кровяныя (veines) шире. „Кровь, текущая изъ сердца черезъ „пульсовыя жилы, наполнена красными „частицами; а та, которая возвращается „къ нему черезъ кровяныя жилы, безъ силы „и біенія, наполнена черными шариками. „Легкое, вбирая въ себя воздухъ, от„дѣляетъ отъ него животворныя части„цы, краситъ ими блѣдную кровь и бы„ваетъ чрезъ то орудіемъ животнаго „храненія. Какъ *начало красное* питаетъ „жизнь, такъ она немедленно исчезаетъ „съ его отсутствіемъ. Сердце и мозгъ „въ одно мгновеніе умираютъ, какъ ско„ро лишаются красной, чистой крови; „одна капля черной приводитъ въ онѣ„мѣніе всю мозговую систему.“

Слѣдующій анекдотъ показываетъ, какъ любятъ благопристойность нынѣшнія модныя Парижскія дамы! Прекрасная Госпожа Рекамье давала блестящій балъ для всѣхъ лучшихъ людей въ Парижѣ. Въ одной комнатѣ былъ альковъ съ шел-

ковымъ занавѣсомъ, сквозь который госпи передъ разсвѣтомъ увидѣли блескъ огня, и хотя не смѣли заглянуть во внутренность святилища, однакожь любопытство привело въ сїю комнату множество людей. Вдругъ съ шумомъ поднялся занавѣсъ — и что же? Прелестная хозяйка уже была на постелѣ, и въ самомъ живописномъ положенїи, съ великою любезностїю, принимала учтивости госпей своихъ!

Юмова Исторїя Англїи сдѣлала такую прибыль Лондонскимъ книгопродавцамъ, что они не давали Автору покоя и безпрестанно требовали отъ него продолженїя. Онъ жилъ тогда въ Шотландскомъ своемъ помѣстьѣ — и сперва отговаривался учтиво; наконецъ же, потерявъ терпѣнїе, написалъ имъ въ отвѣтъ: „Ни теперь, ни впредь не исполню вашего желанїя по четыремъ, весьма основательнымъ причинамъ: *я старъ, толстъ, лѣнивъ и богатъ!*“

Одинъ почтенной сельской Дворянинъ пишетъ къ Издателю *Вѣстника* слѣду-

„ющее: „Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, въ „артикулѣ *Смѣси*, напечатано, что Ан„глійскіе экономы недавно нашли способъ „кормить скотъ и лошадей паренымъ „картофелемъ; а я, покорный вашъ слуга, „въ Тульской деревнѣ моей, Ефремовска„го Уѣзда, въ селѣ Знаменскомъ, уже „болѣе шести лѣтъ кормлю имъ завод„скихъ и ѣзжалыхъ лошадей, рогатой „скотъ, барановъ и птицъ безъ всякой „примѣси хлѣба. Они сыты и жирны. „Въ Московскихъ газетахъ истекшаго „Генваря мѣсяца было отъ меня объ„влено о продажѣ птицъ, выкормленныхъ „картофелемъ и отмѣнно отъ того вку„сныхъ. Слѣдственно и Россіяне умѣютъ „пользоваться дарами Натуры. Карто„фелю у меня родится около двухъ ты„сячь четвертей; онъ во многомъ замѣ„няетъ хлѣбъ, и потому какъ у меня, „такъ и крестьянъ моихъ, всегда до„вольно сего послѣдняго въ запасѣ, на „случай неурожая. Не разсудите ли за „благо, М. Г. мой, помѣстить это из„вѣстіе въ *Вѣстникѣ*?" — Съ удоволь„ствіемъ помѣщаю.

ПОЛИТИКА.

I.

О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи.

24 Января державная рука АЛЕКСАНДРА подписала безсмертный указъ о заведеніи новыхъ училищъ и распространеніи Наукъ въ Россіи. Сей щастливый Императоръ — ибо дѣлать добро миліонамъ есть главное на землѣ блаженство — торжественно именуетъ народное просвѣщеніе важною частію государственной системы, любезною сердцу ЕГО. Многіе Государи имѣли славу быть покровителями Наукъ и дарованій; но едва ли кто нибудь издавалъ такой основательной, всеобъемлющій планъ народнаго ученія, какимъ нынѣ можетъ гордиться Россія. ПЕТРЪ Великій учредилъ первую Академію въ нашемъ отечествѣ, Елисавета первый Университетъ, Великая ЕКАТЕРИНА городскія школы, но АЛЕКСАНДРЪ, размножая Университеты и Гимназіи, говоритъ еще: *да будетъ свѣтъ и въ хижинахъ*! Новая, великая эпоха начинается отнынѣ въ Исторіи моральнаго образованія Россіи, которое

есть корень государственнаго величія, и безъ котораго самыя блестящія царствованія бываютъ только личною славою Монарховъ, не отечества, не народа. Россія, сильная и щастливая во многихъ отношеніяхъ, унижалась еще справедливою завистію, видя торжество просвѣщенія въ другихъ земляхъ и слабый, невѣрный блескъ его въ обширныхъ ея странахъ. Римляне, уже побѣдители вселенной, были еще презираемы Греками за ихъ неѣжество, и не силою, не побѣдами, но только ученіемъ могли наконецъ избавиться отъ имени варваровъ. Не одно народное славолюбіе — хотя оно, вопреки коварнымъ лицемѣрамъ смиренія, есть душа Патріотизма — не одно народное славолюбіе терпитъ отъ недостатка въ просвѣщеніи: нѣтъ, онъ мѣшаетъ всякому дѣйствію благодѣтельныхъ намѣреній Правителя, на всякомъ шагу останавливаетъ его, отнимаетъ силу у великихъ, мудрыхъ законовъ, раждаетъ злоупотребленія, несправедливости и — однимъ словомъ — не позволяетъ государству наслаждаться внутреннимъ, общимъ благоденствіемъ, которое одно достойно быть цѣлію истинно великаго, то есть добродѣтельнаго Монарха. АЛЕКСАНДРЪ, пылая святою ревностію ко щастію вѣ-

ренныхъ ЕМУ милліоновъ, избираетъ вѣрнѣйшее, *единственное* средство для совершеннаго успѣха въ СВОИХЪ великодушныхъ намѣреніяхъ: ОНЪ желаетъ просвѣтить Россіянъ, чтобы они могли пользоваться ЕГО человѣколюбивыми уставами, безъ всякихъ злоупотребленій и въ полнотѣ ихъ спасительнаго дѣйствія.

Ревностная признательность наша къ дѣламъ сего Монарха не должна казаться неблагодарностію въ разсужденіи ЕГО славныхъ и великихъ Предшественниковъ. Имя ПЕТРА и ЕКАТЕРИНЫ будутъ вѣчно сіять въ заглавіи Исторіи ума и просвѣщенія въ Россіи; но чего Они не могли сдѣлать, то дѣлаетъ АЛЕКСАНДРЪ, Который имѣетъ щастіе царствовать послѣ Нихъ, и въ девятомъ-надесять вѣкѣ. Небо оставило ЕМУ славу и возможность увѣнчать Ихъ безсмертныя творенія. Патріоты съ гордостію указывали иностранцамъ на великолѣпныя палаты столицъ, на знаки богатства и промышленности многочисленнаго купечества; съ гордостію вводили ихъ въ блестящія собранія нашего дворянства, въ Университеты, въ Академіи, въ Гимназіи; но искреннїе, разумные иностранцы говорили намъ: „въ Россіи уже *много* просвѣщенія, но еще *не довольно*; въ не-

„измѣримыхъ странахъ ея мы находили „милліоны жителей, осужденныхъ на „вѣчное невѣжество: они еще не умнѣе „своихъ предковъ и не имѣютъ никакихъ „способовъ умножать свои идеи, научать„ся опытами, успѣвать въ искусствѣ „жизни и благородныхъ наслажденій.“ Рускіе отвѣтствовали имъ, что сей родъ людей по самымъ связямъ гражданскаго общества кажется осужденнымъ на печальное варварство и невѣжество; но иностранцы звали насъ въ свои земли — и мы съ изумленіемъ видѣли въ разныхъ государствахъ Европы земледѣльцевъ трудолюбивыхъ, но просвѣщенныхъ, живущихъ съ пріятностію, вкусомъ, мирно и щастливо — тѣмъ щастливѣе, чѣмъ они просвѣщеннѣе (*): мы видѣли заведенныя въ деревняхъ школы и дѣтей поселянина награждаемыхъ за прилѣжность къ ученью; видѣли въ хижинахъ (не отвратительныхъ, но опрятныхъ и чистыхъ) книги и добрые нравы; говорили съ земледѣльцами и слышали, что они благословляютъ скромную долю свою въ гражданскомъ обществѣ, считаютъ себя не жерти-

(*) Можно поставить въ примѣръ Швейцарскихъ, многихъ Нѣмецкихъ (особливо Голштинскихъ) и Англійскихъ земледѣльцевъ, которые имѣютъ библіотеки, сами работаютъ и богаты.

вами его, а благополучными подобно другимъ состоянїямъ, которыя всѣ должны трудиться, хотя разнымъ образомъ, для пользы отечества и собственной. Рускїе Патрїоты, убѣжденные очевидною истиною, что человѣкъ и въ хижинѣ и за плугомъ можетъ не обманывать видомъ своимъ, а быть въ самомъ дѣлѣ человѣкомъ, вѣрили тогда, что отечество наше имѣетъ право ожидать новыхъ, еще великихъ благодѣянїй отъ Трона въ разсужденїи государственнаго просвѣщенїя; они желали ихъ — и добродѣтельный АЛЕКСАНДРЪ, слѣдуя влеченїю прекрасной души СВОЕЙ, исполнилъ ихъ желанїе. — Предупредимъ гласъ потомства, судъ Историка и Европы, которая нынѣ съ величайшимъ любопытствомъ смотритъ на Россїю; скажемъ, что всѣ новые законы наши мудры и человѣколюбивы, но что сей Уставъ народнаго просвѣщенїя есть *сильнѣйшее* доказательство небесной благости Монарха, Который во *всѣхъ* СВОИХЪ подданныхъ желаетъ найти признательныхъ, *всѣхъ* равно любитъ и *всѣхъ* считаетъ людьми.

Теперь Дворянство Россїйское имѣетъ случай доказать свое усердїе къ отечеству; доказать, что мы достойны такого Монарха и нашихъ предковъ, и что

польза общая намъ всего любезнѣе. Заведенїе и надежный успѣхъ сельскихъ училищъ зависятъ отчасти отъ патрїотической ревности Дворянъ: они безъ сомнѣнїя изъявятъ ее всѣми возможными способами, и посредственность будетъ спорить съ избыткомъ въ знакахъ великодушной щедрости. Самая вѣрнѣйшая опора политическихъ или государственныхъ правъ есть государственная добродѣтель; мы желали бы возвысить ее названїемъ *безкорыстной*: но Небу угодно было во всемъ соединить съ нею награду, какъ въ Морали, такъ и въ Политикѣ. *Дворянство никогда не упадало тамъ, гдѣ оно любило жертвы для общаго блага.* Можемъ вспомнить нашу Исторїю: во времена бѣдствїй Россїи, когда самозванцы и Поляки терзали ея внутренность, народъ изъявлялъ удивительную привязанность къ Рускимъ Боярамъ, охотно слѣдовалъ ихъ волѣ и за ихъ знаменами — отъ того, что Бояре трогательнымъ образомъ доказывали свою любовь къ отечеству, первые жертвовали имѣнїемъ и жизнїю, забывали самую фамильную вражду (которая была тогда во всей силѣ) и думали единственно о спасенїи Россїи. Нынѣ, благодаря Провидѣнїю! времена спокойны, и мы не въ *печальной*, но въ *ра-*

достной одеждѣ можемъ служить отечеству или АЛЕКСАНДРУ (къ щастїю, великїя имена Ихъ имѣютъ для насъ одно значенїе); можемъ и должны исполнить надежду Монарха, Котораго человѣколюбивая Политика удаляетъ отъ насъ кровопролитїе войны, но не для того, чтобы мы въ мирной тишинѣ жили только для удовлетворенїя прихотямъ безразсудной роскоши, всегда не-моральной; можемъ старанїями, прїятными для благородной души, и частїю доходовъ своихъ способствовать славнѣйшему дѣлу въ свѣтѣ: просвѣщенїю народа и благу потомства. Чье сердце не трогается сею великою мыслїю, тотъ безъ сомнѣнїя живетъ не въ свое время, и намъ остается жалѣть объ его нещастїи; но о комъ изъ истинныхъ Дворянъ Рускихъ осмѣлимся такъ подумать? Кто изъ нихъ захочетъ обратить въ истину злословїе многихъ чужестранныхъ Писателей, представляющихъ насъ эгоистами и варварами? Нѣтъ, усердїемъ своимъ къ народному просвѣщенїю докажемъ, что мы не боимся его слѣдствїй, и желаемъ пользоваться единственно такими правами, которыя согласны съ общимъ благомъ государства и съ человѣколюбїемъ.

Учрежденіе сельскихъ школъ несравненно полезнѣе всѣхъ Лицеевъ, будучи истиннымъ *народнымъ* учрежденіемъ, истиннымъ основаніемъ государственнаго просвѣщенія. Предметъ ихъ ученія есть *важнѣйшій* въ глазахъ Философа. Между людьми, которые умѣютъ только читать и писать, и совершенно безграмотными гораздо болѣе разстоянія, нежели между неучеными и первыми Метафизиками въ свѣтѣ. *Исторія ума* представляетъ двѣ главныя эпохи: изобрѣтеніе буквъ и типографіи; всѣ другія были ихъ слѣдствіемъ. Чтеніе и письмо открываютъ человѣку новый міръ, особливо въ наше время, при нынѣшнихъ успѣхахъ разума. Сверхъ того мудрое Правительство еще умножаетъ пользу сельскаго ученія, соединяя съ нимъ начальное основаніе Морали, простой, ясной, истинно человѣческой и гражданской (*). Дерзну сказать, что сочиненіе *нравственнаго Катихизиса* для приходскихъ училищъ достойно перваго Генія въ Европѣ: такъ оно важно и благодѣтельно! — Можно предвидѣть затрудненія въ началѣ такого новаго для Россіи учрежденія, особливо въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ Губерніяхъ; но время,

(*) См. 32 статью Устава.

опыты и великія выгоды грамотнаго человѣка во всѣхъ отношеніяхъ сельской жизни наконецъ убѣдятъ земледѣльцевъ въ необходимости ученія — и мѣры кроткаго понужденія уступятъ дѣйствію искренней охоты. Всего же болѣе отвѣтствуетъ за успѣхъ то, что мудрое наше Правительство соединяетъ уважаемый народомъ санъ духовныхъ Пастырей съ должностію сельскихъ учителей (*).

Главнымъ благодѣяніемъ сего новаго Устава останется (какъ мы сказали) заведеніе сельскихъ школъ; но онъ представляетъ еще другія, великія пользы. Городскія школы, Гимназіи, Университеты, теперь умноженные числомъ, оживленные лучшимъ внутреннимъ образованіемъ, будутъ сильнѣе прежняго дѣйствовать на воспитаніе умовъ въ Россіи. Мысль отдѣлить ученіе отъ другихъ частей государственныхъ, какъ систему особенную и цѣлую, есть мудрая и благодѣтельная мысль; ученыя мѣста должны зависѣть только отъ ученыхъ — и Ректоръ, глава ихъ въ каждомъ округѣ, будучи самъ питомцемъ Наукъ, тѣмъ ревностнѣе и дѣйствительнѣе можетъ стараться объ ихъ успѣхѣ. Довѣренность, изъявляемая

(*) Статья 33.

Монархомъ къ собранію Профессоровъ, которые избираютъ своего начальника и правятъ не только Университетомъ, но и всѣми окружными Гимназіями и другими школами, еще болѣе возвышаетъ сей истинно-благородный санъ. Лучшій способъ сдѣлать людей достойными уваженія есть уважать ихъ. Новыя выгоды и почести (право избранія есть великая), данныя ученому состоянію, большее число Профессоровъ и другихъ людей, къ нему принадлежащихъ, отнынѣ твердо и надежно основываютъ его въ Россіи.

Должно замѣтить еще двѣ важныя, новыя идеи Устава. Великая ЕКАТЕРИНА знала необходимость образовать собственныхъ учителей для государства, которому назначено просвѣтиться — и мы имѣли уже нѣкоторыя педагогическія заведенія; но Кандидаты сего важнаго состоянія людей рѣдко оставались въ ихъ званіи, находя въ другихъ болѣе личныхъ выгодъ. Теперь мудрый Законодатель взялъ мѣры для отвращенія сего великаго зла: Кандидатъ педагогическій долженъ по крайней мѣрѣ 6 лѣтъ быть учителемъ, чтобы перейти въ другую службу (*). Ободренія, назначаемыя для тѣхъ,

(*) Статья 40.

которые отличатся въ сей должности, могутъ также имѣть весьма полезныя дѣйствія (*); сверхъ того всякой изъ нихъ по достоинству награждается пенсіею (**). Вторая великая идея есть побудить къ законовѣдѣнію всѣхъ молодыхъ людей, желающихъ вступить въ гражданскую службу. Черезъ 5 лѣтъ никто уже не будетъ опредѣленъ къ должности, требующей юридическихъ и другихъ познаній, не доказавъ, что онъ пріобрѣлъ ихъ систематическимъ ученіемъ. Нужно ли описывать всѣ хорошія слѣдствія такого закона? Правосудіе есть душа государственнаго порядка: не говоря о томъ, что Науки вообще благодѣтельны для Морали, скажемъ, что не столько злое намѣреніе, сколько грубое невѣжество бываетъ причиною неправосудія.

Вообще сей великій планъ народнаго просвѣщенія славенъ не только для Россіи и Государя ея, но и для самаго вѣка; не только Россія, но и Европа и цѣлый свѣтъ долженъ гордиться Монархомъ, который употребляетъ власть единственно на то, чтобы возвысить достоинство человѣка въ неизмѣримой Державѣ Своей. Естьли всѣ просвѣщенныя

(*) Статья 22.
(**) Ст. 23.

земли съ особеннымъ вниманіемъ смотрятъ на сію Имперію (въ которой творческая сила человѣколюбиваго Генія дѣйствуетъ нынѣ живѣе, нежели гдѣ нибудь), то не одно любопытство раждаетъ его: Европа чувствуетъ, что собственный жребій ея зависитъ нѣкоторымъ образомъ отъ жребія Россіи, столь могущественной и великой. . . . . .

Здѣсь глубокомысленный, важный умъ долженъ обуздать нетерпѣливость добраго сердца, которое, плѣняясь намѣреніемъ, хочетъ немедленныхъ плодовъ закона благодѣтельнаго. Нѣтъ, великія государственныя творенія бываютъ медленны — такъ угодно Небу — и естьли Россія въ одномъ мыслѣ удивляетъ насъ своими быстрыми, щастливыми успѣхами, то съ другой стороны она же доказываетъ, сколь трудны, неровны и неспоры шаги государствъ къ цѣли гражданскаго просвѣщенія. Историкъ означаетъ эпохи *рожденія и новыхъ силъ*: надобны вѣки для полнаго образованія. Какъ безъ надежды нѣтъ щастія, такъ безъ будущаго нѣтъ великихъ дѣлъ: въ немъ хранится вѣнецъ ихъ. — Довольно, что сей безсмертный Уставъ для совершеннаго просвѣщенія Имперіи нашей требуетъ только — вѣр-

наго исполненія; а можно ли сомнѣваться въ исполненіи того, что Монархъ Россіи повелѣваетъ Россіянамъ?

II.

О криминальномъ судопроизводствѣ въ Англіи.

(Сообщено изъ Петербурга.)

Въ Англіи не судьи, опредѣляемые Королемъ, разсматриваютъ вѣроятность или основательность доноса въ уголовномъ преступленіи. Британская Конституція не дозволяетъ, чтобы сія важная и ужасная должность была отправляема всегда одними и тѣми же лицами и сдѣлалась бы преимуществомъ нѣкоторыхъ служителей Короны. Избранные изъ того самаго званія, въ коемъ числится обвиняемый — люди, пріобрѣтшіе всеобщее уваженіе и только на время одного *засѣданія* опредѣляемые, суть единственные судьи, которымъ законъ поручаетъ разбирательство дѣла и жребій обвиняемаго. Наученные примѣромъ Рима свободнаго и Рима порабощеннаго, Англичане чувствовали, сколь выгодно раздроблять и сопрягать разныя

части судебныхъ должностей, такъ, чтобы одна служила всегда уздою другой.

Въ каждомъ Графствѣ есть нѣсколько такъ называемыхъ *Мирныхъ Судей*. Должность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы принять жалобу или доносъ, собрать доказательства преступленія, задержать обвиняемаго для допроса; наконецъ взять его подъ стражу до перваго *засѣданія*, ежели преступленіе важное; или, естьли оно обыкновенное, то брать поручительство, что обвиняемый вѣрно явится въ судъ.

Засѣданія суть собранія судей, бываемыя всякія три мѣсяца въ каждомъ Графствѣ, и каждыя шесть недѣль въ столицѣ. Во всякомъ изъ сихъ засѣданій судья, который подъ именемъ Шериффа предсѣдательствуетъ въ судѣ Графства, назначаетъ сперьва *большое собраніе Присяжныхъ*. Должность сихъ *Присяжныхъ* оканчивается съ засѣданіемъ, для коего они назначены: ихъ перемѣняютъ черезъ каждые три мѣсяца. Шериффы опредѣляются по-годно. Сіе собраніе должно состоять не менѣе, какъ изъ 12, и не болѣе, какъ изъ 24 особъ, людей почтеннѣйшихъ того Графства. Должность ихъ есть разсматривать доказательства, представляемыя

на каждой доносъ, поступившій въ сіе засѣданіе.

Ежели сочтутъ доносъ основательнымъ и законнымъ менѣе *двенадцати Присяжныхъ*, то онаго числа къ утвержденію доноса не достаточно, и потому обвиняемый немедленно освобождается; но естьли точно 12 человѣкъ, или болѣе, изъ сихъ избранныхъ *Присяжныхъ* находятъ доказательства достаточными, то обвиняемый объявляется *состоящимъ подъ судомъ* и задерживается на все время судопроизводства, или отдается на поруки, какъ выше сего сказано.

Всѣ сіи обряды суть токмо предварительныя распоряженія закона, дабы невинный не былъ подверженъ опасностямъ и ужасу напраснаго судопроизводства. Для правильности доноса надобно, чтобы по крайней мѣрѣ двенадцать человѣкъ, испытанной честности, единогласно и безъ всякаго принужденія нашли его основательнымъ; онъ не имѣетъ никакой силы и дѣйствія, пока не утвердятъ его сіи Присяжные.

Какъ скоро доносъ признанъ основательнымъ, то обвиняемому объявляютъ, чтобы онъ приготовилъ оправданія свои, и назначаютъ день, въ которой *рѣшительно* опредѣленъ будетъ его жребій. Тогда обвиняемый является въ судилище,

гдѣ засѣдаетъ нѣсколько обыкновенныхъ судей, называемыхъ *мирными*, кои, такъ сказать, суть блюстители закона, но въ разбирательствѣ дѣла ни мало не участвуютъ. Разбирательство принадлежитъ совершенно другому собранїю гражданъ, называемому *малымъ собранїемъ Присяжныхъ*, коихъ тотъ же Шериффъ назначилъ для сего засѣданїя. Оно состоитъ изъ 12 человѣкъ одного званїя съ обвиняемымъ, избранныхъ въ томъ Графствѣ, гдѣ учинено преступленїе, и каждый изъ нихъ долженъ имѣть во владѣнїи землю, приносящую доходу 10 фунтовъ стерлинговъ. Единогласное рѣшенїе сихъ 12 Присяжныхъ опредѣляетъ истину или неправду доноса и обвиненїя, выводитъ истину и существо преступленїя, къ которому *Мирные Судьи* должны токмо подвести законы.

Сїи 12 гражданъ, коимъ ввѣряется самая важнѣйшая часть суда, не однимъ, такъ сказать, Шериффомъ назначаются; дабы обвиняемый могъ также имѣть нѣкоторое участїе въ выборѣ судей своихъ, то законъ повелѣваетъ, чтобы ихъ назначалось 48, а не менѣе, изъ коихъ тѣ 12 должны быть выбраны; обвиняемому же предоставляется право подъ разными видами ихъ отъ выбора удалять. Иногда

онъ можетъ отринуть все собраніе, и всегда имѣетъ право изключать изъ нихъ немалую часть, или по законнымъ причинамъ, или только по своему произволу: можетъ отринуть все собраніе, естьли имѣетъ справедливыя причины считать Шериффа, оное составившаго, подозрительнымъ; имѣетъ право по законнымъ причинамъ изключать всѣхъ тѣхъ, кои не имѣютъ предписанныхъ закономъ качествъ, или которые имѣютъ тайную вражду, явную ссору, связи родства, дружбу съ доносителемъ или съ истцемъ. Наконецъ онъ можетъ во всякомъ случаѣ изключить немалую часть сихъ *Присяжныхъ* по своему произволу; ибо законъ предоставляетъ ему *невозбранное изключеніе* двадцати Присяжныхъ, не обязывая его объявлять никакихъ причинъ. Законодатель, дозволяя обвиняемому сей послѣдній родъ изключенія, не только хотѣлъ избавить нещастнаго отъ ужаса, вселяемаго предубѣжденіемъ или тайнымъ отвращеніемъ отъ судьи, но онъ предвидѣлъ и то, что по стеченію обстоятельствъ иной *Присяжный* можетъ быть подозрителенъ для обвиняемаго безъ убѣдительныхъ законныхъ причинъ, и что въ семъ случаѣ обвиняемый будетъ конечно имѣть судъ по своимъ же-

пріятеля, желавъ удалить его отъ суда; слѣдственно единымъ способомъ къ его охраненію было то, чтобъ дать ему право невозбранно отвергать *Присяжнаго*, котораго бы онъ не могъ изключить по законнымъ причинамъ.

Самое наилучшее въ сей части Англійскаго законодательства есть точно то, что наиболѣе несогласно съ судопроизводствомъ уголовныхъ дѣлъ многихъ другихъ Европейскихъ народовъ; во многихъ судилищахъ, учрежденныхъ въ Европѣ для рѣшенія дѣлъ криминальныхъ, особенно же *въ оскорбленіи Величества*, таинственная завѣса закрываетъ всѣ дѣйствія судопроизводства. Страшное молчаніе оставляетъ родственниковъ и пріятелей обвиняемаго въ ужасномъ невѣдѣніи объ его участи и въ невозможности подать ему помощь; насильственно лишаютъ его употребленія естественныхъ правъ; безъ стыда, безъ угрызенія совѣсти жертвуютъ гражданскою свободою ложному понятію о спокойствіи общественномъ, которое въ Азіятскихъ правленіяхъ не иное что есть, какъ мнимая безопасность властелина (*). Слабые способы, предлагаемые

(*) Во многихъ земляхъ Государи, украшавшіеся человѣколюбіемъ и истинною мудростію, обращали власть свою на истребленіе намяш-

обвиняемому въ другихъ преступленіяхъ, не имѣютъ мѣста для сего рода обвиняемыхъ, коимъ въ Англіи законъ даетъ другія и сильнѣйшія средства къ защищенію.

Нещастный, обвиняемый въ заговорѣ противъ Короля или противъ государ-

---

никовъ невѣжества и тиранства. Инквизиціи, тайныя судилища, пытки, и другія исчадія адской политики во многихъ государствахъ уничтожены. Но Россія паче прочихъ можетъ хвалиться истребленіемъ сихъ золъ. Двѣ Императрицы, прославившія Россію и имена свои кроткимъ и мудрымъ царствованіемъ, поставляются примѣромъ человѣколюбія въ законодательствѣ. Елисавета отмѣнила смертную казнь. Славный *Бекаріа* говоритъ: L'expérience de tous les siècles prouve, que la crainte du dernier ſupplice n'a jamais arrêté les ſcélérats déterminés à porter le trouble dans la ſociété. L'exemple des Romains atteſte cette vérité. Elle eſt miſe dans ſon plus beau jour par vingt années du règne de l'Imperatrice de Ruſſie, Eliſabeth, pendant les quelles cette Princeſſe a donné aux péres des peuples une leçon plus belle que ces brillantes conquêtes, que la patrie ne ſaurait acheter qu'au prix du ſang de ſes enfans. (Des delits & des peines, § XXVII. *de la peine de mort.*) ЕКАТЕРИНА II отмѣнила пытку, и Провидѣніе, милующее Россію, возвело на престолъ АЛЕКСАНДРА, утверждающаго личную гражданъ въ Россіи безопасность силою закона. Въ самые первые дни царствованія СВОЕГО уничтожилъ ОНЪ Тайную Экспедицію, истребивъ слѣды сего судилища исторженіемъ послѣднихъ жертвъ онаго изъ заклеповъ ужаса. (*Манифестъ 2 Апрѣля 1801 года объ уничтоженіи Тайной Экспедиціи и Указъ 15 Сентября того же года о учрежденіи Коммисіи для пересмотра прежнихъ дѣлъ уголовныхъ.*)

ства, не токмо не лишается въ Англіи тѣхъ пособій, кои законъ даетъ ему въ обыкновенныхъ преступленіяхъ, но имѣетъ ихъ еще болѣе для своей безопасности. Въ другихъ преступленіяхъ онъ изключаетъ невозбранно 40 *Присяжныхъ*: въ преступленіи же сего рода можетъ изключать до 35; въ другихъ преступленіяхъ не можетъ принудить свидѣтелей явиться въ судъ для его защиты, а въ семъ случаѣ законы подаютъ ему всѣ средства къ принужденію; въ другихъ преступленіяхъ имѣетъ одного только защитника, а въ семъ избираетъ двухъ; въ другихъ преступленіяхъ онъ не знаетъ имени Присяжныхъ до самаго того дня, когда судъ долженъ быть открытъ, а въ семъ случаѣ законъ повелѣваетъ, чтобъ ему сообщены были ихъ имена, званіе и жилище за 10 дней до собранія, дабы онъ имѣлъ время размыслить о удаленіи кого изъ нихъ отъ суда. Въ сіе же самое время должно ему дать при двухъ свидѣтеляхъ копію со всѣхъ документовъ, кои доноситель представилъ въ его обвиненіе, и списокъ свидѣтелей, кои противъ него назначаются (*).

(*) La science de la Legislation par Mr. le Chevalier Gaetano Filangieri. Tom. 3.

Обратимся къ обыкновенному судопроизводству криминальному въ Англїи. Когда, по изключенїи или удаленїи судей, *собранїе Присяжныхъ* составлено, то начинаютъ собирать всѣ относящїяся до сего дѣла свѣдѣнїя; обѣ стороны представляютъ свои доказательства въ присутствїи *Присяжныхъ и Мирныхъ Судей*; выслушиваютъ свидѣтелей: обвиняемый споритъ съ обвинителемъ и со свидѣтелями; слушаютъ его или стряпчаго оправданїя; а потомъ одинъ изъ судей начинаетъ говорить, кратко повторяетъ все, что съ обѣихъ сторонъ было изъяснено, и объявляетъ Присяжнымъ свое мнѣнїе, не о истинѣ преступленїя, но токмо о законѣ. Послѣ сего *Присяжные* уходятъ въ особливую комнату; ее должно запереть; имъ не даютъ ни пить, ни ѣсть, ни огня, пока они не скажутъ единогласно, справедливо ли обвиненїе или лживо. Тогда судьи, по примѣру Римскаго Претора, объявляютъ только *невинность* или *вину* обвиняемаго.

Человѣколюбїе Англїйскаго законодательства простирается еще далѣе. Предвидя, что рѣшенїе двенадцати *Присяжныхъ* можетъ быть несправедливо, основано на обманѣ, подлогѣ, или какомъ нибудь противозаконномъ умыслѣ,

Англїйскїе Законодавцы открыли еще степень безопасности невинному и положили слѣдующее: когда *Присяжные* оправдаютъ обвиняемаго, то онъ уже не долженъ ничего опасаться, хотя бы и открылось послѣ, что рѣшенїе ихъ было несправедливо; но ежели они объявили *подсудимаго* виновнымъ, и послѣ откроется ясно несправедливость рѣшенїя, то остается еще средство охранить невинность обвиняемаго: хотя онъ и не имѣетъ уже права объявлять себя недовольнымъ судомъ, но судья можетъ отослать дѣло въ вышнее мѣсто, называемое *судилище Королевское*, которое, находя первое рѣшенїе несправедливымъ, приказываетъ назначить новыхъ *Присяжныхъ* для разсмотрѣнїя и рѣшенїя дѣла вновь.

Таковъ есть въ Англїи обыкновенной порядокъ *Юстицїи* по дѣламъ уголовнымъ; такова есть должность ея судей. Помысливъ о семъ прекрасномъ распредѣленїи судебныхъ должностей, всякой представитъ себѣ, какою безопасностїю наслаждается невинность въ семъ государствѣ. Надобно быть собранїю по крайней мѣрѣ двадцати четырехъ гражданъ, чтобы осудить обвиняемаго, и не болѣе двенадцати, чтобъ оправдать его. Довольно одного честнаго человѣка между 12 Присяжными,

чтобъ защитить невиннаго противъ вѣроломства прочихъ.

(*Переводъ съ Французскаго.*)

III.

Лондонскія извѣстія отъ 15 Февраля.

Полковникъ Деспардъ и совиновники его, обличенные въ зломъ умыслѣ противъ жизни Королевской и государственной безопасности, осуждены Присяжными на смерть, но поручены милости Его Величества. Сей гнусный заговоръ можетъ быть изъясненъ однимъ безумїемъ Деспарда. По нѣкоторымъ Лондонскимъ извѣстїямъ, онъ и прежде сходилъ съ ума. Однажды, встрѣтясь съ Жидомъ Давидомъ Леви, Деспардъ за тайну открылъ ему, что онъ Мессїя! Читая ужасный приговоръ судей, объявленный преступникамъ, всякой пожелаетъ, чтобы сїя старинная варварская форма осужденїя была отмѣнена въ Англїи. Слова: „васъ „повѣсятъ, но еще живыхъ снимутъ съ „висѣлицы, вырвутъ сердце, сожгутъ „его въ глазахъ вашихъ, и проч.“ недостойны языка человѣколюбивыхъ законовъ Англїи. Извѣстно, что это (къ

щастїю!) одни слова, которыя въ самомъ дѣлѣ не исполняются: преступниковъ только вѣшаютъ; но для чего же не уничтожить сей формы, напоминающей гнусное варварство старины? — Думаютъ, что Король, пользуясь славнымъ правомъ милости, избавитъ отъ казни сихъ безумныхъ злодѣевъ, и что они будутъ только на всю жизнь заключены въ темницу.

Слѣдующее извлеченїе изъ Лондонскаго Журнала the Sun даетъ понятїе о разныхъ нынѣшнихъ партїяхъ въ Англїи: „Издавна Парламентъ дѣлился на двѣ „стороны: на друзей и враговъ Министер„ства; а теперь видимъ множество пар„тїй. Нынѣшнїе Министры, вступивъ въ „должность, торжественно объявили, „что они одобряютъ систему ихъ пред„шественниковъ. Друзья Гренвилей при„стали къ нимъ. Питтъ объявилъ себя „защитникомъ Министровъ, и сдержалъ „слово; однакожь нѣкоторые изъ Питто„выхъ друзей не хотѣли слѣдовать его „примѣру. Фоксъ, Шериданъ и другїе „старинные непрїятели Министерства „почти не спорили съ нимъ; а нѣкото„рые изъ нихъ явно одобряли его систе„му: между прочими Г. Тирней. — По„слѣ того многое перемѣнилось. Гренвили

„и Виндамъ сдѣлались жаркими врагами „Министерства; а Фоксъ и Шериданъ „еще болѣе приближились къ нему въ „своихъ мнѣніяхъ. Что касается до са„михъ Министровъ, то они совершенные „друзья между собою, вопреки ложнымъ „слухамъ о раздорѣ Аддингтона и Гаке„сбури, которые по своему характеру „должны любить другъ друга и быть во „всемъ согласными. — Естьли бы слабое „здоровье не удалило Питта отъ Парла„мента, то онъ доказалъ бы неразрывность „связи своей съ Аддингтономъ и клевету „злыхъ людей, которые приписывали ему „тайное намѣреніе выгнать друга его изъ „Министерства. Въ присутствіи самого „Питта не осмѣлились бы друзья Грен„вилей грубо поносить Аддингтона, съ „намѣреніемъ разорвать дружбу сихъ „двухъ знаменитыхъ Англичанъ. Многіе „даже начинали сомнѣваться въ извѣст„номъ и всегда твердомъ великодушіи „Питта; но сей человѣкъ, столь великій „и славный, выше низкихъ замысловъ „коварства. Съ нѣкотораго времени вошло „въ моду все приписывать тайнымъ „видамъ личной пользы: ими хотятъ „изъяснить нынѣшнее согласіе съ Мини„стерствомъ старинныхъ его противни„ковъ; но оно есть явное слѣдствіе ихъ

„правилъ. Могутъ ли Фоксъ и Шериданъ „играть ролю недовольныхъ, когда Ми„нистры исполнили ихъ главное желанїе „и заключили миръ, котораго сїи Ора„торы десять лѣтъ требовали? Нужно ли „предполагать странныя условїя и новыя „связи тамъ, гдѣ все само по себѣ ясно? Ны„нѣшнее Правительство знаетъ силу свою „и можетъ обойтись безъ хитростей, поле„зныхъ только въ слабости. Связь между „имъ и друзьями Фокса можетъ быть „нужною только въ *одномъ случаѣ*, „о которомъ говорятъ въ Лондонскихъ „обществахъ, но который по сїе время „кажется намъ совсѣмъ невѣроятнымъ. — „Многїе упрекаютъ Аддингтона тѣмъ, „что онъ слабо оправдывалъ Питта въ „Парламентѣ; но у Питта довольно „друзей, которые во всякомъ случаѣ „могутъ отразить злословїе его непрїя„телей — а Министрамъ довольно быть „защитниками собственныхъ дѣлъ ихъ.

Новое собранїе Парламента открылось предложенїемъ Министровъ дозволить Банку еще нѣсколько времени не платить чистыми деньгами. Тирней сказалъ: „Естьли Банкъ, какъ увѣряютъ, имѣетъ „нынѣ въ пять разъ болѣе серебра и золо„та, нежели во время даннаго ему права „не выпускать ихъ: то для чего же „онъ не хочетъ платить деньгами? Безъ

„сомнѣнія для частныхъ выгодъ, о кото-
„рыхъ не надобно думать въ дѣлахъ
„государственныхъ. Требую, чтобы Пар-
„ламентъ назначилъ особенную Коммиссію
„для разсмотрѣнія дѣлъ Банка. Всѣ жалѣ-
„ютъ, что Г. Питтъ здѣсь не присут-
„ствуетъ; и я на сей разъ жалѣю о томъ,
„въ увѣреніи, что онъ согласился бы
„съ моимъ мнѣніемъ“.... (Тутъ Аддин-
гтонъ изъявилъ движеніемъ головы и
руки, что Ораторъ ошибается.)... „Я не
„вѣрю этому знаку (продолжалъ Тирней):
„Г. Питтъ думаетъ согласно со мною.“ —
Фоксъ также говорилъ противъ Мини-
стровъ и доказывалъ, что въ мирное и
спокойное время Банкъ не можетъ имѣть
основательнаго предлога не выпускать
золота. Гакесбури отвѣчалъ, что Англія
употребила много наличныхъ денегъ на
закупку хлѣба въ чужихъ земляхъ, и для
того надобно беречь золото, котораго
большая часть выдетъ изъ государства,
естьли Банкъ начнетъ платить деньга-
ми. „Учрежденіе Коммиссіи (сказалъ онъ)
„привело бы многихъ людей въ напрасное
„безпокойство; а за надежное состояніе
„Банка всякой изъ насъ можетъ отвѣт-
„ствовать.“ Тирнеево предложеніе не имѣло
слѣдствій, и Парламентъ согласился
съ Министрами.

Изъ картины доходовъ и расходовъ Англіи, представленной Министрами Парламенту, слѣдуетъ, что Великобританнія ежегодно должна была занимать около 220 милліоновъ рублей. Таможенные сборы составляютъ главный доходъ Англіи: онъ простирается до 70 милліоновъ рублей — доказательство, въ какомъ цвѣтущемъ состояніи находится Англійская торговля!

Сидней Смитъ, единственный побѣдитель Наполеона Бонапарте, отправляется въ Египетъ съ тайными порученіями отъ Правительства. Никто не думаетъ, чтобы Англія думала вывести оттуда войско свое.

IV.

Парижскія извѣстія.

На сихъ дняхъ умерли здѣсь, въ глубокой старости, три человѣка, славные авторскимъ талантомъ: Сен-Ламберъ, (осьмидесяти-пяти лѣтъ) творецъ Поэмы les Saisons и *Катихизиса общей Морали* — Касти (осьмидесяти двухъ лѣтъ), Италіянскій Стихотворецъ, который послѣ Метастазія былъ Вѣнскимъ придворнымъ Поэтомъ, — и славный Лагарпъ (шестидесяти-пяти лѣтъ). Сен-Ламберъ на-

чалъ первый изъ Французскихъ Поэтовъ описывать великолѣпныя и любезныя картины сельской Натуры, и Вольтеръ отдавалъ справедливость плѣнительной живописи его стиховъ. Сикаръ, другъ умершаго, безъ всякаго приготовленія говорилъ трогательную рѣчь на его погребеніи; плакалъ и заставилъ другихъ плакать. Касти прославился веселыми, остроумными сказками (Novelle) и большею аллегорическою Поэмою gli Animali parlanti, *говорящіе звѣри*, которая есть политическая сатира, иногда забавная, иногда довольно скучная. Онъ въ послѣдній день жизни свой обѣдалъ у Гишпанскаго Министра, простудился и скоропостижно умеръ коликою. Лагарпъ, ученикъ Вольтеровъ, хорошій Трагикъ, превосходный Стихотворецъ и Критикъ, нѣкогда другъ Философіи, а послѣ врагъ и Зоилъ ея, оставилъ такое завѣщаніе: „Будучи Христіяниномъ по милости Божіей, исповѣдуя Религію Католическую, Апостолическую и Римскую, въ которой я „имѣлъ щастіе родиться и въ которой „хочу умереть, объявляю торжественно, „что вѣрю совершенно всѣмъ догматамъ „Римской церкви, которая одна дѣйствительно основана Іисусомъ Христомъ, и „въ душѣ моей все осуждаю, что она

„осуждаетъ. Для того искренно уничто-
„жаю въ сочиненіяхъ моихъ всѣ мѣста,
„противныя Католической Вѣрѣ, и за-
„прещаю ихъ снова печатать или пред-
„ставлять на театрахъ. Умоляю согра-
„жданъ жить въ мирѣ и согласіи; умо-
„ляю оскорбленныхъ мною простить ме-
„ня, и самъ прощаю тѣхъ, которые ме-
„ня оскорбляли. — Отказываю 200 лив-
„ровъ бѣднымъ моего прихода, жалѣя,
„что не могу отказать имъ болѣе: ибо
„оставляю не много, а племянница моя
„ничего не имѣетъ. Напоминаю Францу-
„замъ, что Религія велитъ помогать
„бѣднымъ, какъ любезнымъ и нещастнымъ
„братьямъ. Благодарю Господина и Го-
„спожу Таларю за доказательства ихъ
„дружбы. Благодарю также почтенныхъ
„Медиковъ Малуэта и Порталя за ихъ
„усердное леченіе. Прошу Господъ Фон-
„тана, Шатобріана, Куртиврона, Ша-
„вана, Рекамье, Эреня, Линара, Ага-
„са и Мегере помнить, сколько я лю-
„билъ ихъ. Назначаю въ душеприкащи-
„ки Г. Булара, Нотаріуса, двадцати-
„лѣтняго друга моего. Да исполнитъ
„Провидѣніе все то, чего желаю для ща-
„стія Франціи! Да наслаждается оте-
„чество долговременнымъ миромъ и спо-
„койствіемъ! Святыя правила Евангелія
„да будутъ щастіемъ людей и граждан-

„скихъ обществъ!“ — Славный Астрономъ Лаландъ былъ при смерти, но теперь оправляется. Осьмидесятилѣтняя актриса Дюмениль умерла. Болѣзнь, которая нынѣ свирѣпствуетъ въ Парижѣ (la grippe), всего опаснѣе для стариковъ и очень молодыхъ людей. Парижскіе Медики приписываютъ ее частымъ и рѣзкимъ атмосферическимъ перемѣнамъ нынѣшней зимы. Они должны были издать описаніе сей болѣзни съ разными наблюденіями, чтобы успокоить публику, которая считала ее нѣкоторымъ родомъ чумы.

Бонапарте, переѣхавъ изъ Сен-Клу въ Тюльери, видится только съ родными и съ Членами Правительства. Парады нынѣ отмѣняются за стужею, которая, будучи всякой день между 10 и 15 градусами, несносна для Французовъ. Сена замерзла — и какая-то тишина царствуетъ въ городѣ. Театры пусты, но кофейные домы наполнены людьми, которые грѣются тамъ передъ каминами.

Генералъ Костюшко живетъ нынѣ весьма покойно въ сельскомъ домикѣ близь Парижа. Послѣ того, какъ судьба его отечества рѣшилась навѣки, онъ сталъ совсѣмъ другой человѣкъ: прежде былъ задумчивъ, блѣденъ, унылъ и не могъ наслаждаться ни жизнію, ни дружбою;

а теперь веселъ, здоровъ и крѣпокъ. Даже пересталъ носить и табакерку свою съ живописнымъ изображенїемъ утопающаго корабля и съ надписью: pauvre patrie (бѣдное отечество)! Многочисленные друзья всякой годъ празднуютъ день его рожденїя; въ нынѣшнюю зиму сей праздникъ былъ въ Шантильи.

Бонапарте велѣлъ повѣсить колокольчикъ въ горницѣ Секретаря своего, чтобы не посылать за нимъ всякой разъ, когда онъ ему надобенъ. Секретарь, увидѣвъ колокольчикъ, въ ту же минуту сорвалъ его съ досадою. Консулъ ни мало не разсердился и сказалъ ему: „я „думалъ, что это для насъ обоихъ луч„ше; а когда вы не такъ думаете, то „буду посылать за вами.“

Одному знатному иностранцу велѣно выѣхать изъ Парижа въ 24 часа за ѣдкую насмѣшку его надъ Консуломъ. Министръ Талеранъ не захотѣлъ быть исполнителемъ сего непрїятнаго порученїя. Послали Дюбуа, здѣшняго Префекта, который, изъявивъ обыкновенныя учтивости, спросилъ у путешественника, имѣетъ ли онъ дѣла въ Парижѣ, и можетъ ли ихъ окончать въ сутки? Иностранецъ отвѣчалъ, что ему едва ли можно кончить дѣла свои и въ три недѣли. „Подумайте, государь мой“ —

сказалъ Дюбуа — „что въ суткахъ 24 часа; естьли воспользуетесь всякою минутою, то сдѣлаете очень много.“ Иностранецъ не разумѣлъ его. Наконецъ осторожный Префектъ объявилъ ему повелѣнїе Консула, будучи крайне доволенъ своимъ тонкимъ искусствомъ смягчать строгїе приказы!

Госпожа Бонапарте окружаетъ себя художниками и Поэтами, заказываетъ картины, эстампы, статуи, бюсты и покупаетъ всѣ великолѣпныя Дидотовы изданїя. Недавно она съ нѣжнымъ великодушїемъ утѣшила Трагика Лемерсье. Публика освистала его новую трагедїю, и Авторъ былъ въ отчаянїи. Госпожа Бонапарте велѣла ему сказать, что она будетъ весьма довольна, естьли онъ напечатаетъ свою пїесу и припишетъ ей. Разумѣется, что Журналисты оставили Автора въ покоѣ.

V.

Выписка изъ Лондонскихъ вѣдомостей.

Всѣ славные Французскїе Генералы удалены отъ Консульскаго Двора. Ихъ можно раздѣлить на партїи такимъ образомъ: Моро и Макдональ главные между Генералами скромными или *умѣренными*;

къ нимъ, въ случаѣ нужды, могутъ пристать Бёрнонвиль, Дессоль, Дюмасъ, хотя они теперь и Члены Совѣты. Массена, Ожеро, считаются главою Республиканскихъ Генераловъ, ибо ихъ безразсудная пылкость имѣла влїянїе на нѣкоторыя эпохи Революцїи. Эта партїя нынѣ всѣхъ другихъ сильнѣе; Генералы ея занимаютъ важныя мѣста, коммандуютъ Дивизїями и въ самой Консульской Гвардїи имѣютъ многихъ друзей. Лекурбъ съ нѣкоторыми Генералами, отличившими себя въ послѣднюю Реинскую кампанїю, составляетъ особенную *группу*, отдѣленную отъ партїи Генерала Моро зависїтїю и видами корыстолюбїя, не привязанную къ Бонапарте, но продающую ему свои легкїя услуги. — Генералы сихъ партїй ведутъ себя въ разсужденїи Консула скромно и благородно; наблюдаютъ, ждутъ и хотятъ видѣть, подлинно ли нынѣшнее Правленїе есть (какъ ихъ увѣряютъ) только переходъ къ истинному, законному и надежному, которое должно утвердить права гражданъ, или дѣйствїе слѣпаго эгоизма и безразсуднаго властолюбїя. — Другїе Генералы, на примѣръ Келлерманъ, Лефевръ и проч., которые никогда не искали личнаго блеска и смиренно служили всякому революцїонному начальству, весьма довольны своими мѣстами

и всячески стараются умножать число вѣрныхъ слугъ Консула. — Массена и Ожеро не были ни въ Сен-Клу, ни въ Тюльери послѣ своей особенной конференціи съ Консуломъ. Они убѣгаютъ вечернихъ собраній Госпожи Бонапарте, но всякой разъ бываютъ у Камбасереса и Лебрюна, которые обходятся съ ними весьма почтительно.

Нещастное слѣдствіе Сен-Доминговской экспедиціи не перемѣнило мыслей Консула: онъ посылаетъ туда новую армію, которая будетъ новою жертвою. Люди, недавно пріѣхавшіе изъ Сен-Доминга, разсказываютъ ужасы. Негры вездѣ жгутъ и рѣжутъ; никто изъ Бѣлыхъ не смѣетъ выйти изъ города. Никакая варварская казнь не устрашаетъ Негровъ: они съ пѣснями идутъ на смерть, и говорятъ, что предпочитаютъ ее неволѣ.

Въ Парижѣ ходитъ изъ рукъ въ руки *тайная Консульская исторія.* Мы выпишемъ изъ нее одно мѣсто. „Бонапарте, „отправляясь въ Египетъ, требовалъ „отъ жены своей, чтобы она не вида„лась съ Ревбелемъ, его непріятелемъ. „Госпожа Бонапарте дала слово, однакожь „не сдержала его. Злословіе утверждало, „что Ревбель служитъ ей деньгами, въ „которыхъ она имѣла нужду для роскош„ной жизни своей. Генералъ, вышедши

„на берегъ въ Провансѣ, узналъ о томъ, „разсердился и нарочно поѣхалъ въ Па„рижъ не прямою дорогою, думая, что же„на захочетъ встрѣтить его, и желая „разъѣхаться съ нею. Онъ остановился „у своей матери и весьма холодно обо„шелся съ Госпожею Бонапарте, когда „она къ нему пріѣхала. Зная его харак„теръ, она молчала и черезъ нѣсколько „минутъ велѣла подвезти карету. *Какъ!* „*вы ѣдете?* спросилъ онъ. Это слово удер„жало ее. Началось изъясненіе, и Бонапарте „сказалъ: *Спроси у Бертье, люблю ли я те„бя, помнилъ ли въ степяхъ Африканскихъ, „и, слѣдуя первому движенію сердца, не тебѣ „ли назначилъ въ мысляхъ самое драгоцѣн„нѣйшее ожерелье Востока, которое по слу„чаю досталось мнѣ въ руки?* Бертье по„мирилъ ихъ. Бонапарте, сдѣлавшись „Консуломъ, не велѣлъ женѣ своей ви„дѣться съ Госпожею Тальень, первымъ „другомъ ея. Разсказываютъ, что онъ „даже выгналъ сію славную красавицу, „когда она къ нему пріѣхала. Съ того „времени Госпожа Бонапарте старалась „всячески заслужить его довѣренность и „дружбу. Въ чемъ не успѣетъ женщина „умная и хитрая? Она сдѣлалась повѣрен„ною намѣреній его и горестей, умѣя „отгадывать первыя, услаждать послѣд„нія, казаться ревностною къ славѣ мужа

„и брать всѣ возможныя предосторожно-„сти для храненія жизни его, которыхъ „онъ не можетъ себѣ дозволить, но кото-„рыя ему не противны. Часто Бонапарте „говоритъ друзьямъ своимъ: *увѣрьте „жену мою, что я не имѣю никакихъ причинъ „бояться; она мучитъ меня своими безпокой-„ствами и предосторожностями.* Будучи со „всѣми молчаливъ и скроменъ, онъ имѣетъ „нужду въ человѣкѣ, котораго щастіе со-„единено съ его судьбою; который толь-„ко имъ живетъ, восхищается его славою „и раздѣляетъ съ нимъ горе. Одной вѣрной „подругѣ, Консулъ можетъ открывать ду-„шу свою, согласно съ его характеромъ „и безопасностію. Онъ живетъ единствен-„но властолюбіемъ и не знаетъ любви, „питаемой *взаимными* жертвами; ему „нужно такое чувство, которое не имѣетъ „ни взыскательности самолюбія, ни без-„покойствъ любви. Такимъ образомъ Го-„спожа Бонапарте присвоила себѣ великую „власть надъ мужемъ, вопреки всѣмъ „злымъ насмѣшкамъ и тайному намѣре-„нію братій его, которые считаютъ ее „препятствіемъ для введенія наслѣд-„ственнаго права и для возвышенія ихъ „фамиліи; лѣта и слабое здоровье не „дозволяютъ ей имѣть дѣтей.“

Генералъ Моро былъ въ послѣднемъ собраніи у Камбасереса. Хозяинъ, услы-

шавъ объ его пріѣздѣ, выступилъ изъ круга на встрѣчу къ нему; но видя, что онъ въ простомъ фракѣ и въ сапогахъ, отвернулся съ видомъ досады. Бывшіе тутъ знатные иностранцы своими почтительными ласками наградили Героя за грубость Экс-Адвоката Монпельерскаго.

Моро давалъ балъ для именитыхъ чужестранцевъ въ Парижѣ въ одинъ день съ Камбасересомъ; чужестранцы предпочли зовъ Генерала, а Члены Правительства зовъ Втораго Консула. Балъ Генерала Моро былъ несравненно веселѣе.

VI.

Разныя извѣстія.

Изъ Мадрита пишутъ слѣдующее отъ 22 Января: „Извѣстно, что Папа издалъ три важныя Буллы въ угожденіе нашему Двору: первою онъ дѣлаетъ *Князя Мира* главою *всѣхъ* монастырей и духовныхъ обществъ въ Гишпанской Монархіи; второю дозволяетъ Правительству брать доходы съ церковнаго имѣнія; а третьею даетъ право Толедскому Архіепископу уничтожить въ Гишпаніи столько монастырей, сколько ему угодно. Сіи Буллы

еще не обнародованы, но Министры уже занимаются реформою монашескихъ Орденовъ, которыхъ число должно быть уменшено. Думаютъ, что Инквизицїя будетъ совсѣмъ уничтожена: ибо *Князь Мира* весьма того желаетъ. Освобожденїе Господина Урквїо, бывшаго въ немилости и ссылкѣ за его ненависть къ Святой Инквизицїи, дѣлаетъ сей слухъ весьма вѣроятнымъ."

Министры Россїи и Францїи въ Регенсбургѣ сообщили Имперской Депутацїи новое прибавленїе къ общему плану вознагражденїй, съ означенїемъ того, что по условїю, недавно заключенному въ Парижѣ, отдается еще бывшему Герцогу Тосканскому изъ владѣнїй Баварскаго Курфирста, который получитъ въ замѣну другїя мѣста. Бывшїй Тосканскїй Герцогъ будетъ называться также Курфирстомъ. Нота Министровъ заключается сими словами: „Члены Имперской „Депутацїи близки къ цѣли, и скоро на„сладятся плодами трудовъ своихъ, *одоб„ренныхъ*, къ удовольствїю Имперїи, ея „главою."

Въ Швейцарїи, гдѣ прежде воровство и разбои были почти совсѣмъ неизвѣстны, теперь вездѣ грабятъ, и въ малыхъ и въ большихъ Кантонахъ. Французскїй Генералъ Ней возвратилъ поселянамъ

оружїе, чтобы они могли обороняться отъ разбойниковъ. Временное Гельветическое Правительство не имѣетъ никакой силы. Депутаты скоро прїѣдутъ изъ Парижа съ новою Конституцїею; но возвратятся ли съ ними щастїе, спокойствїе и нравы?

Не смотря на труды Французскихъ Ученыхъ въ Египтѣ, любопытные могутъ еще искать тамъ важныхъ открытїй. Такимъ образомъ Англїйскїй Офицеръ Дондасъ нашелъ, что славная *Помпеева колонна*, въ противность всѣмъ древнимъ мнѣнїямъ, воздвигнута въ честь Дїоклетїану Египетскимъ Префектомъ. Время такъ загладило надпись, что Дондасъ могъ угадывать буквы только по тѣни солнца на ихъ мѣстѣ, и то не всѣ: ибо нѣкоторыя совершенно исчезли. Г. Гельсъ, разбирающїй въ Неаполѣ манускрипты Геркуланскїе, дополнилъ смыслъ, и такъ ясно, такъ убѣдительно, что не льзя сомнѣваться въ его истинѣ. Вотъ переводъ сей надписи: „Дїоклетїану Августу, Императору обожаемому, Генїю „хранителю Александрїи, Понцїусъ, „Египетскїй Префектъ, посвятилъ сей „монументъ.“

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАРТЪ 1803.

№ 6.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Молодой Философъ.

ПОВѢСТЬ.

(*Окончаніе.*)

Не будемъ томить читателей. Эмиль могъ быть Философомъ на *древнюю стать*: Лина была Аспазіей новыхъ временъ. Онъ ожидалъ щастія вѣчной привязанности: она искала удовольствія одной минутной страсти; уже онъ обожалъ ее какъ нѣжную подругу сердца, какъ будущую мать семейства, какъ милую участницу во всѣхъ радостяхъ и прискорбіяхъ жизни: она любила его какъ пламеннаго любовника, какъ прекраснаго юношу, какъ предметъ романическихъ удовольствій. Онъ читалъ на устахъ ея безмолвный обѣтъ вѣрности: она едва вѣрила громкой и

торжественной его клятвѣ. Къ щастїю, доброе, чувствительное женское сердце, которое безъ порочнаго воспитанїя бываетъ святилищемъ всѣхъ добродѣтелей, искренно привязывало ее по крайней мѣрѣ на то время къ скромному, почтительному, нѣжному Эмилю.

Какъ бы то ни было, Лина согласилась съ Эмилемъ укрыться на лѣто въ сельскомъ уединенїи. Пригласили нѣсколькихъ прїятельницъ для удаленїя всякаго подозрѣнїя; и наружная благопристойность, которая, по мнѣнїю наблюдательныхъ Философовъ, замѣняетъ всегда отсутствїе истинной скромности, служила для нашихъ любовниковъ эгидою, правда, не совсѣмъ непроницаемою.

Уже черезъ два дни молодой Философъ жилъ подъ одною кровлею съ Линой, въ прекрасномъ сельскомъ домикѣ, на берегу свѣтлой рѣки — гулялъ съ обожаемою красавицею по лугамъ и рощамъ, и не представлялъ себѣ ничего достойнѣе Лины, ничего сладостнѣе своего жребїя. Въ двадцать лѣтъ любовь имѣетъ всю свѣжесть и цвѣтъ сего возраста. Тогда всѣ мысленныя совершенства украшаютъ въ глазахъ нашихъ любимѣйшее существо на землѣ; самая тягостная жертва добродѣтели, въ уго-

жденіе сему сладкому чувству, дѣлается для насъ легкою; тѣни горести сливаются тогда на картинѣ жизни съ лучами радости; и человѣкъ дышетъ, кажется, въ новой, священной атмосферѣ. Сіе небесное чувство наполняло душу Эмиля, который любилъ въ первый разъ въ жизни, съ живостію новаго сердца и съ мечтами романическаго воображенія. Уже каждый день сближалъ нашихъ любовниковъ; уединенная звѣзда ночи не одинъ разъ застала ихъ въ нѣжныхъ, но только *душевныхъ* упоеніяхъ страсти.

Между тѣмъ Эмиль удивлялся, что Лина, терпя легкія права любовника, еще не позволяла ему торжественнаго имени супруга; но думая въ простотѣ своего сердца, что она хотѣла испытывать его честность, онъ обѣщалъ себѣ быть гораздо терпѣливѣе въ надеждахъ любви и воздержнѣе въ ея движеніяхъ.

Въ одинъ день, когда прекрасная Лина, освѣженная сладкимъ сномъ, въ небреженіи утренняго наряда, съ румянцемъ на щекахъ оживленнымъ, вышла въ садъ къ Эмилю, впечатлѣніе ея красоты привело его чувства въ волненіе. Не такъ пріятно цвѣли въ саду розы, какъ нѣжное лице ея; черные волосы, развѣваясь, ложились съ нѣжностію, казалось, на

бѣлизну полной шеи; неосторожной вѣтерокъ, подкравшись подъ згибы легкаго флера (*), открывалъ взору такія прелести, которыхъ мы не смѣемъ описывать, но которыя должны были наконецъ воспламенить молодаго Философа. Молнія сверкала въ глазахъ его; движеніе чувствъ изображалось на огненномъ лицѣ; онъ затрепеталъ — устремился къ Линѣ — и . . . . вдругъ остановился. Черезъ минуту молчанія, онъ сказалъ дрожащимъ голосомъ: „Лина! не хочу употреблять во зло твоей довѣренности и великодушія. Прости минутное заблужденіе. Могу еще повелѣвать собою. Ахъ! мое щастіе должно единственно отъ тебя зависѣть!“ — „Такая честность, воскликнула изумленная Лина, достойна всей моей благодарности и требуетъ награды . . . Эмиль! . . . даю тебѣ всѣ права надъ собою!“ . . . И молодой человѣкъ сдѣлался щастливымъ обладателемъ своего предмета.

Прекрасное дѣйствіе добродѣтели никогда не теряетъ силы своей надъ сердцемъ, для нее сотвореннымъ. Лина чувствовала цѣну невинности и великодушія Эмилева: за нѣсколько лѣтъ прежде онъ могъ бы обра-

(*) Слѣдственно это было уже очень давно, а не въ наше время, когда легкой зефиръ унесъ далеко всѣ косынки и покрывала.

тить ее къ добронравію; но тогда уже порокъ глубоко вкоренился въ душѣ ея!

Зная власть свою надъ сердцемъ Эмиля, Лина захотѣла показать обществу зрѣлище славнѣе того, которое нѣкогда представляли древніе Римскіе побѣдители; захотѣла привести на сцену свѣта плѣннаго Философа, за блестящею колесницею прелестницы — увѣнчать славу свою трофеями новой побѣды и цѣпями новаго невольника. Гордая побѣдительница возвѣстила волю свою, и смиренный плѣнникъ былъ тотчасъ готовъ украсить ея торжество. Назначили черезъ недѣлю возвратиться въ городъ.

Наступилъ день отъѣзда. Эмиль разстался съ блаженнымъ жилищемъ, какъ съ половиною жизни своей. Во время дороги онъ наблюдалъ сердечныя движенія своей красавицы, глядѣлъ ей въ глаза съ любовію и любопытствомъ, и въ первый разъ не могъ прочесть въ нихъ ничего яснаго, ничего такого по крайней мѣрѣ, что они прежде выражали. Не мудрено: Лина возвращалась къ своему истинному характеру. Едва они успѣли въѣхать въ заставу, едва обвѣялъ ихъ городской воздухъ, уже свѣтская героиня заговорила языкомъ совсѣмъ новымъ для Философа, не съ гибкостію придворнаго

льстеца, который прежде угождалъ всѣмъ желаніямъ своего повелителя, но съ гордостію деспота, котораго воля должна служить закономъ. — „Любезный Эмиль!“ сказала она твердымъ голосомъ: „я жила для твоего удовольствія въ уединеніи: ты долженъ жить для моего въ обществѣ. Обычаи, ничтожные для мудраго, важны для женщины. Сверхъ того имя мудреца и званіе свѣтскаго человѣка не могутъ быть никогда согласны. Общежитіе имѣетъ свои законы; кто входитъ съ нимъ въ обязательство, тотъ безмолвно соглашается на его условія; и среди другихъ людей надобно всегда слѣдовать общему примѣру. И такъ ты долженъ перемѣнить образъ жизни, обхожденія и самую одежду. Естьли снисходительность общества позволяетъ въ нѣкоторыхъ бездѣлкахъ свободу выбора, то строгость моды предписываетъ въ другихъ вещахъ непремѣнные законы; не льзя удалиться отъ того, не нарушивъ благопристойности. Повторяю, что это необходимо. Ты будешь носить въ свѣтѣ имя любовника моего и долженъ исполнять обязанности, которыя оно налагаетъ.“ — Прекрасная Лина! отвѣчалъ Эмиль по нѣкоторомъ молчаніи: въ первой разъ выраженія твои для меня темны. Изъясни мнѣ свои мысли. Что

значитъ носить въ свѣтѣ имя твоего любовника? Какая связь между мнѣнїемъ людей и чувствомъ нашихъ сердецъ? — „Другъ мой! я признавалась тебѣ въ своей вѣтрености; не скрываю и того, что я имѣла слабости..... Свѣтъ угадаетъ тайну нашей связи..... Когда первые люди считали за славу быть моими плѣнниками; когда блескъ моего торжества изумлялъ взоры свѣта: могу ли представить на его сценѣ обожателя недостойнаго моей славы?“ — Ахъ, Лина!.. твоя искренность открываетъ мнѣ жестокїя истины; но чувствую.... что все поздно! Въ угодность тебѣ всѣ жертвы для меня возможны, кромѣ того, чтобъ перестать любить тебя и отказаться отъ щастїя быть тобою любимымъ!.... Естьлижъ Лина моглабъ когда нибудь забыть меня.... — Она не дала договорить Эмилю, прижала его къ своему сердцу и успокоила нѣжными ласками.

Вѣтреная красавица, какъ разсказываетъ Мармонтель, перемѣнила законы одного царства: наша героиня переломила скипетръ Философїи. Эмиль, еще покорнѣе Солимана II, на другой день принесъ къ ногамъ Лины — не величїе царскаго сана, но гордость, достоинство и щастїе мудраго, и, по словамъ Амура, бывшаго

свидѣтелемъ сцены, лобызалъ ту руку, которая розовыми гирляндами привязывала его къ торжественной колесницѣ, между тѣмъ, какъ Граціи съ улыбкою указывали Минервѣ на торжество свое. Это былъ уже не воспитанникъ Сократовъ въ философской мантіи, но другой Альцибіадъ, убранный рукою искусства, который черезъ нѣсколько дней показался съ Аспазіею на театрѣ учтиваго свѣта, блисталъ между щеголями и услуживалъ женщинамъ — правда, съ неловкостію новаго ученика!

Не взирая на пріобрѣтенные имъ опыты, успѣхи его въ обществѣ были не весьма щастливы. Одинъ разъ онъ вздумалъ въ кругу молодыхъ красавицъ разсуждать о пріятности лѣтнихъ полевыхъ работъ: всѣ засмѣялись; красавица его нахмурилась, и въ тотъ же вечеръ запретила ему навсегда хвалить деревню въ городѣ. Въ другой разъ, сидя въ гостяхъ у знатнаго человѣка и видя въ окно нищаго старика, дрожащаго на жестокомъ морозѣ, онъ бросился на улицу, привелъ его въ домъ къ хозяину и согрѣлъ передъ каминомъ; но возвратясь домой, Лина сказала ему такимъ голосомъ, который привелъ его въ трепетъ, что онъ сдѣлалъ бѣду; что никогда свѣтскіе

обычаи не позволяютъ вводить бѣднаго къ вельможѣ въ палаты, и что такое человѣколюбіе было не у мѣста; оскорбительно для хозяина и противно правиламъ вѣжливости. Наконецъ, къ дополненію всѣхъ бѣдъ, случилось однажды въ домѣ у Лины, гдѣ собралися всѣ блестящіе молодые люди — случилось, говорю, что Эмиль началъ доказывать съ жаромъ строгаго Моралиста щастіе супружеской любви и зло женскаго непостоянства. За то, для оскорбителя славныхъ жрицъ Пафосскихъ, два дни не отворялся храмъ любви и наслажденія: наказаніе, соразмѣрное конечно преступленію; но бѣдной Эмиль не могъ угадать причины его. Такія странности, гнѣвъ красавицы и всегдашнее ея молчаніе о бракѣ, не рѣдко терзали Эмиля; но когда земная богиня, украшенная Венериным поясомъ, съ ласкою принимала его въ *будуарѣ*, тогда всѣ облака исчезали, и мудрость засыпала на розахъ.

Жесточайшіе опыты ожидали Эмиля. Въ одинъ день, когда онъ входилъ въ театръ съ Линою, одинъ зритель, указавъ на нихъ своему сосѣду, сказалъ: *вотъ Сократъ и Аспазія!* Эмиль бросилъ на него презрительный взглядъ: Лина

притворилась, что она не слыхала насмѣшки; но во время спектакля глазами искала наглаго и, къ досадѣ своей, узнала въ немъ молодаго Эраста, славнаго красавца въ городѣ и перваго героя въ обществѣ. Когда они возвратились домой, Лина сказала Эмилю: „Другъ мой! этотъ дерзкой молодой человѣкъ *ужасно* оскорбилъ нашу честь. Я говорю *нашу*, будучи увѣрена, что между нами все общее. Такая наглость не должна остаться безъ наказанія.“ — Будь покойна! отвѣчалъ Эмиль: я наказалъ Эраста. — „Чѣмъ?“ — Самымъ презрительнымъ взоромъ, который чувствительнѣе всякой обиды для истинно-благороднаго человѣка. — „Хорошо; однакожь не довольно. Онъ будетъ торжествовать, хвалиться своимъ остроумнымъ словомъ и забавляться на счетъ нашъ. Свѣтъ судитъ легко. Въ глазахъ его тотъ правъ, кто смѣется; кто молчитъ, тотъ виновенъ.“ — Что значитъ пустое мнѣніе людей, прекрасная Лина? Собственное сердце есть важной судья для всякаго; мысли другихъ меня не тревожатъ. — „Эмиль! это одни софистическія разсужденія. Я терплю обиду: честь повелѣваетъ мстить.“ — Естьли честь твоя безъ пятна, то она страдать не можетъ; естьлижъ твое поведеніе могло бы когда

нибудь оправдывать обиду, то наказанїе не загладилобъ оскорбленїя. И какого мщенїя желаешь? — „Того, котораго требуетъ благородство сердца и храбрость духа.“ — Крови обидчика, или — моей собственной?... Ахъ, Лина! я готовъ умереть за тебя; но мнѣ ли повиноваться убїйственнымъ предразсудкамъ? Мнѣ ли забыть и долгъ мудрости и законы чувствительности? Могу ли твердою рукою сразить человѣка за одно нескромное слово, за легкую вѣтреность, которая при другомъ воспитанїи могла быть собственнымъ моимъ порокомъ? Къ тому жъ начто законы гражданскїе, естьли каждой имѣетъ самъ право мстить за обиду свою? И тебѣ ли, чувствительная Лина! тебѣ ли, которая не могла никогда глядѣть безъ содроганїя на птичку, лишенную жизни, требовать крови человѣческой? .... — „Другъ мой! Сен-Прё; образецъ рѣдкаго любовника, не такъ думалъ, когда онъ летѣлъ мстить за оскорбленную Юлїю.“ ... — Понимаю: ты сомнѣваешься въ любви моей! — Тутъ Эмиль замолчалъ, и подумавъ нѣсколько минутъ, уѣхалъ. Черезъ полчаса онъ возвратился. Ужинъ былъ готовъ. Ни тотъ, ни другая не сѣли за столъ и разстались до завтрашняго дня.

На другой день, какъ скоро Лина проснулась, отворяется дверь въ спальню — къ ней вносятъ на креслахъ блѣднаго Эмиля, въ окровавленномъ платьѣ. Она ахнула. Эмиль протянулъ къ ней руку и сказалъ: Щастливъ, естьли эта кровь докажетъ тебѣ сильную мою любовь, которой не могли доказать мои чувства. Я нашелъ средство согласить любовь и добродѣтель, угодить страсти и не оскорбить совѣсти. — „Боже мой! ты былъ на поединкѣ?“ — Былъ на поединкѣ и не дрался; раненный въ руку, я выстрѣлилъ на воздухъ. . . — Лина бросилась въ объятія къ Эмилю. Видя, что кровь лилась еще изъ руки его, она призвала Доктора, который объявилъ, что рана можетъ сдѣлаться опасною. Истинно тронутая Лина не отходила отъ вѣрнаго любовника, и нѣжными попеченіями награждала его за великую жертву. Эмиль до слезъ восхищался и говорилъ отъ глубины сердца: „Чувствую, прекрасная Лина, что я всею кровью своей не могъ бы заплатить судьбѣ за теперешнее мое щастіе. Тверди мнѣ чаще, что ты меня любишь: вотъ самое цѣлительное для раны моей лекарство! Благодарю судьбу и Лину за новой опытъ въ жизни. Прежде ужасался я твоей измѣны: теперь знаю,

какъ бы легко было мнѣ тогда разстаться съ жизнїю!“ —

Черезъ три дни опасность миновалась. Эмиль выздоровѣлъ тѣлесно, для того, кажется, чтобы страдать душевно. Истинная привязанность, оказанная ему во время болѣзни благодарною Линою, утвердила его въ одномъ пагубномъ заблужденїи. Безпокоясь прежде о томъ, что Лина никогда не хотѣла говорить съ нимъ о бракѣ, онъ увѣрился, послѣ сего послѣдняго случая, что нѣжная любовь ея, достойная совершенной довѣренности, хочетъ доказать, что она умѣетъ быть вѣрною и безъ торжественныхъ обѣтовъ. Въ самомъ дѣлѣ, сердце Лины, испорченное воспитанїемъ, но доброе отъ природы и плѣненное благодарностїю, готово было, казалось, навсегда покориться силѣ постоянной любви, какъ вдругъ новой случай не далъ времени утвердиться сему чувству.

У мужа Лины была тяжба, которая и по смерти его продолжалась. Наконецъ рѣшили ее въ пользу соперника самымъ несправедливымъ образомъ. Эмиль, сколько изъ усердїя къ Линѣ, столькожъ и по любви къ правосудїю, вздумалъ ѣхать въ тотъ городъ, гдѣ производилась тяжба, возобновилъ дѣло, нѣсколько мѣсяцевъ

былъ ходатаемъ любви и правосудія, и наконецъ, съ торжествомъ побѣдителя и съ новыми правами на благодарность Лины (которая черезъ письма звала его къ себѣ), летѣлъ нетерпѣливо въ ея объятія — приближался съ біеніемъ сердца, съ восторгами радости — летѣлъ по комнатамъ, гдѣ такъ часто душа его пылала отъ любви и нѣжности; вбѣжалъ въ спальню, и... увидѣлъ Лину, ласкающую Эраста, того самого человѣка, который казался ей нѣкогда дерзкимъ наглецомъ, и едва не сдѣлался убійцею ея друга... Отъ ужаснаго чувства онъ остановился неподвижно на одномъ мѣстѣ... Лина пришла въ замѣшательство.... Эрастъ хотѣлъ обнять его; но Эмиль, отступивъ нѣсколько шаговъ назадъ, сказалъ ему: „Скройся, недостойный! я имѣю право защитить эту слабую женщину отъ соблазна дерзкаго развратителя: знай, что она любитъ меня!“ .. Лина сказала Эрасту, чтобы онъ уѣхалъ; но, оставшись одна съ Эмилемъ, объявила ему, что связь ихъ перерывается; что она имѣетъ въ Эрастѣ новаго любовника — и сняла наконецъ темную завѣсу съ глазъ нещастнаго юноши.... Описывать ли его ужасъ?.. Нѣтъ! онъ самъ не могъ бы описать его. Скажемъ только, что

пламенныя слезы и мертвое отчаянїе Эмиля тронули сердце Лины, однакожь — не возвратили ее къ добродѣтели.

Пораженный любовникъ искалъ еще путей къ сердцу невѣрной; измѣнница написала къ нему рѣшительно о своей слабости къ Эрасту, и даже отказала ему навсегда отъ дому. Съ отчаянїемъ въ душѣ онъ удалился отъ стѣнъ развратнаго города, заѣхалъ взглянуть на мирное убѣжище, гдѣ онъ съ любовїю вѣрной Лины прожилъ такъ щастливо нѣсколько быстрыхъ мгновенїй, и наконецъ съ однимъ воспоминанїемъ минувшаго блаженства возвратился въ тѣ мѣста, откуда сладкїя надежды вывели его нѣкогда на театръ свѣта. Все перемѣнилось въ глазахъ его. Память прелестнаго образа затмѣвала для него мрачнымъ облакомъ жизнь, человѣчество, Природу, все, кромѣ сего самаго образа, который сїялъ передъ нимъ божественнымъ свѣтомъ. Нѣсколько мѣсяцевъ протекли для Эмиля въ живой сердечной горести; утѣшенїемъ его было читать Вертера, и онъ завидовалъ сему нещастному любовнику, которой, разставаясь съ жизнїю, не разстался съ чувствомъ быть любимымъ. Наступила мрачная осень. Онъ встрѣтилъ ее какъ друга, которому над-

лежало дѣлить его горести. Всегдашнее уединенїе, безмолвная скорбь, бури сердца и Природы гнали его изъ мѣста въ мѣсто и привели однажды на ту долину, гдѣ онъ за два года передъ тѣмъ гулялъ и бесѣдовалъ съ мудрымъ старцемъ. Это случилось также ввечеру. Тусклая луна едва проглядывала сквозь черное облако; все покоилось въ мертвомъ унынїи. — Вотъ точный образъ души моей! воскликнулъ Эмиль: какъ сладостно будетъ для меня пересстать наконецъ чувствовать страданїе и заснуть въ нѣдрахъ вѣчности! — Въ сїю минуту вышелъ изъ лѣсу престарѣлой Священникъ. „Это Эмиль!“ сказалъ онъ съ удивленїемъ: „въ какомъ состоянїи нахожу его! Доброй юноша! что съ тобою сдѣлалось?“ — Ничего, отвѣчалъ Эмиль съ холодностїю: я узналъ только свѣтъ, людей и самого себя. — „Другъ мой! что бы такое ни было, не забудь, что душа мудраго должна быть непоколебима среди ударовъ рока и превратностей щастїя.“ — Мечта! мечта! . . — Старецъ, видя отчаянїе молодаго человѣка, не раздражалъ его противорѣчїями, взялъ за руку и привелъ ночевать къ себѣ. На другой день бѣдной Эмиль нашелъ истинное утѣшенїе въ томъ, чтобы разсказывать о сво-

емъ приключенїи и плакать съ чувствительнымъ старцемъ. Все, что изливается изъ сердца, облегчаетъ его. Умиленїе смягчило горесть. Юноша нашелъ въ старцѣ друга и почти съ нимъ не разставался. Добрый Пастырь, наученный лѣтами, сердцемъ и Религїею, старался непримѣтнымъ образомъ возобновлять въ немъ влеченїе къ жизни, воскресить надежду и пробудить движенїе страстей благородныхъ; и въ самомъ дѣлѣ щастливо-образованный юноша, имѣя передъ глазами картину тихой, мирной добродѣтели, мало по малу исцѣлился отъ ненависти къ людямъ и возвратился къ чувству жизни. Наконецъ старецъ сказалъ ему: „Я ожидалъ смягченїя твоихъ горестей, чтобы говорить тебѣ о цѣнѣ бытїя. Болѣзненное сердце не можетъ пользоваться совѣтами здраваго разсудка. Теперь можешь внимать его благодѣтельному голосу. Ты намѣренъ удалиться отъ свѣта и заключиться въ совершенномъ уединенїи; но воля Провидѣнїя и польза человѣчества зовутъ тебя къ дѣятельности. Не за тѣмъ Природа даровала тебѣ бытїе, чтобы ты сокрылъ его въ ничтожествѣ; принятый даръ жизни есть нѣкоторымъ образомъ безмолвный обѣтъ сохранить

порядокъ міра. Ищи твоего назначенія на землѣ и живи по оному. Нѣкогда ты не вѣрилъ злу: теперь не вѣришь благу. Первое было дѣйствіемъ разгоряченнаго воображенія: послѣднее есть слѣдствіе оскорбленнаго самолюбія. Истинное познаніе о вещахъ примиряетъ мудраго съ жизнію. Другъ мой! возвратись къ семейству людей и братій; забудь имя недостойной, и старайся, сколько позволяетъ порядокъ земныхъ вещей, сближать свою нравственность съ тѣмъ образцемъ мысленнаго совершенства, который съ юныхъ лѣтъ плѣнялъ твое воображеніе." — Эмиль повиновался гласу безкорыстной дружбы и возвратился въ общество.

Юный мудрецъ сдѣлался наконецъ старымъ мудрецомъ. Умъ и сердце его примѣнились къ обычаямъ и мнѣніямъ. Онъ не могъ прежде не изъявлять досады своей при видѣ свѣтскихъ несправедливостей и коварства, а въ послѣдствіи времени терпѣлъ ихъ по крайней мѣрѣ въ безмолвіи; искалъ нѣкогда Элоизы, Клариссы, Юліи, и доживалъ вѣкъ свой съ однимъ ихъ мысленнымъ образомъ; хотѣлъ принести Философію къ людямъ, и скрывалъ ее въ тихомъ углу своемъ. Но сказываютъ, что до конца жизни онъ повторялъ всегда со вздохомъ: „ахъ!

для чего милыя надежды юности оставляютъ одни слѣды восхитительныхъ сновидѣнїй!"

Владимїръ Измайловъ.

II.

Похвала кокетству.

Какъ люди несправедливы! имя кокетства всегда напоминаетъ имъ нѣжной и милой полъ. Хочу въ невинности сердца моего бросить на бумагу нѣкоторыя мысли о семъ предметѣ, и вы уже думаете, государи мои, что я намѣренъ говорить только о женщинахъ! Нѣтъ, нѣтъ! и между нами довольно кокетства. *Скромный* Поэтъ отговаривается издать въ свѣтъ творенїе свое, котораго онъ сочинилъ — только титулъ; славный танцовщикъ медлитъ исполнить прозьбу блестящаго собранїя, которое желаетъ видѣть его *антрша*; придворный старается угодить всѣмъ важнымъ людямъ: одного ласкаетъ улыбкою, другова знакомъ, третьему жметъ руку — все это называю смѣло кокетствомъ!

Мущины и женщины, большїе и малые, старики и дѣти, придворные и

стихотворцы — всѣ, всѣ имѣютъ кокетство; всѣ хотятъ нравиться, и всякой идетъ къ цѣли своею дорогою. Естьли женщины успѣваютъ вѣрнѣе нашего въ семъ намѣренiи, то можно ли винить ихъ? развѣ отъ зависти?

Слышу возраженiе: не *искусство*, а *желанiе нравиться* предосудительно . . . . Но какъ искусству быть безъ желанiя? Не всѣхъ ли менѣе любезны тѣ люди, которые всего менѣе думаютъ казаться любезными? и когда читаю въ Руссо, что женщины родятся кокетками — когда Рошфуко говоритъ мнѣ, что кокетство есть характеръ жизни ихъ — не могу ли заключить, что онѣ по тому самому и дѣлаются любезными?

Естьли вѣрить нашимъ Катонамъ-Ценсорамъ, то нравиться есть зло, а старанiе нравиться — обида . . . Положимъ; но эта обида мила, и всякой желаетъ быть ея предметомъ. Она льститъ самолюбiю, иногда смѣшному, но часто благодѣтельному для удовольствiй жизни, весьма не богатой ими!

Всего болѣе бранятъ кокетство въ любви и называютъ его обманомъ: справедливо ли? Оно безъ сомнѣнiя под-часъ обманываетъ; но развѣ и самая мечта блаженства не есть для насъ, бѣдныхъ людей, нѣкото-

рый родъ щастія? Скажу еще болѣе: можетъ ли быть какое нибудь щастіе безъ обмановъ воображенія?

Я встрѣтилъ Сенвиля: онъ былъ внѣ себя отъ восхищенія. Что сдѣлалось? Конечно Бонапарте объявилъ при звукѣ трубъ и литавръ, что всѣ Французы отнынѣ будутъ щастливы? Нѣтъ, Сенвиль вчера за ужиномъ сидѣлъ подлѣ Аминты, которая дарила его нѣжными взглядами. Онъ не могъ ни объ чемъ иномъ думать, плѣнялся мыслію быть любимымъ, и (къ щастью!) не далъ мнѣ времени сказать ему, что Аминта даритъ Вальбеля не только нѣжными взглядами, но . . . .

Сенвиль побѣжалъ отъ меня разсказывать другимъ о своемъ щастіи. Онъ всю ночь безъ сомнѣнія не спалъ отъ радости, и можетъ быть еще пять, шесть дней останется въ миломъ заблужденіи. Что бѣды? кого обижаетъ Сенвиль? а ему весело! . . Неблагодарные! вы сочиняете книги, романы, стихи противъ кокетства, забывая, что оно дало вкусить вамъ, можетъ быть, самыя пріятнѣйшія удовольствія въ жизни!

Что любовь безъ кокетства? Не ему ли обязаны мы ея милымъ предисловіемъ и вступленіемъ? Не оно ли продолжаетъ

мгновенные восторги? Не часто ли отказы его бываютъ любезнѣе самыхъ даровъ? Не хвалю притворства, жеманства, румянъ и суетныхъ украшеній: истинное, умное кокетство презираетъ ихъ; но согласимся, что оно раждаетъ вкусъ, выдумываетъ хитрыя *покрывала*, которыя даютъ пріятную работу любопытному воображенію, и плѣняютъ видомъ любезной стыдливости. Лѣтописцы разсказываютъ, будто *въ старину* женщины такъ нелюбили кокетства, что на балахъ и въ театрахъ открывали свои тайныя прелести: всѣ Магистеры Кипридиной науки, всѣ Профессоры *Эротизма* могутъ только жалѣть о такихъ нещастныхъ временахъ! Ежели, по словамъ Вольтера, любовь справедливо называется *тканію Природы, вышитою воображеніемъ*, то честь и хвала искуснымъ швеямъ, которыя украшаютъ эту, нѣсколько грубоватую матерію!

Кокетство не рѣдко бываетъ лекарствомъ, и весьма пріятнымъ, отъ великихъ болѣзней. Лигдамонъ ступилъ за предѣлъ, отдѣляющій невинную юность отъ зрѣлыхъ лѣтъ, и вдругъ лишился той милой веселости, которая иногда очень долго не оставляетъ человѣка, но которая, однажды покинувъ его, весьма рѣдко возвращается. Лигдамонъ убѣгалъ

людей; чувствовалъ какое-то неизъяснимое безпокойство, и думалъ, что въ душѣ его раждается *новая жизнь*: онъ могъ бы лучше назвать ее *новою болѣзнїю*! Лигдамонъ конечно бы погибъ невозвратно, естьли бы онъ встрѣтилъ — нѣжное сердце; но онъ нашелъ Аглаю, и спасенъ!... Аглая хотѣла не столько любить, сколько нравиться. Ея *пылкая* душа, не смотря на то, была гораздо спокойнѣе меланхолической души Лигдамона и могла свободно заниматься его исцѣленїемъ. Когда онъ углублялся въ задумчивость, она брала его за руку, вела на середину комнаты, завязывала ему глаза платкомъ, и веселыми жмурками разгоняла его печальныя мысли. Какъ скоро нѣжная и томная Мальвина являлась въ обществѣ, Аглая спѣшила оградить Лигдамоново сердце отъ пламени вздоховъ ея; говорила остроумно, забавно — и видя легкую улыбку на лицѣ своего обожателя, дѣлалась еще во сто разъ любезнѣе.... Вы хотите, можетъ быть, знать слѣдствїе? Я, право, самъ не знаю всего; но то единственно знаю, что Лигдамонъ по крайней мѣрѣ не бросился въ рѣку!

Сколь часто хитрая кокетка обуздываетъ смѣлое движенїе страсти! Калиста непорочна, естьли мы, съ обыкновенною

грубостїю, не захотимъ назвать порокомъ взоровъ ея, излишно ободрительныхъ для любовниковъ; глаза Калисты все обѣщаютъ — но отдадимъ ей справедливость: она не исполняетъ ихъ обѣщанїя и тайно смѣется надъ легковѣрїемъ! Розель упалъ къ ногамъ ея... Другая женщина едва ли могла бы спастись отъ дерзкаго воина. Не гнѣвъ избавилъ Калисту отъ бѣды — думаю, что она не нашла бы въ немъ защиты — и не бѣгство, которое только отсрочило бы минуту побѣды — и не любовь, которая все бы испортила. Нѣтъ! одно кокетство могло сохранить ея добродѣтель. Калиста притворилась нѣжною; пожала тихонько руку любовника, подняла его, и съ томнымъ видомъ, голосомъ чувствительнаго сердца сказала: „и такъ вы не хотите любить меня?“... Розель болѣе прежняго влюбился, и не смѣлъ уже ни на что отважиться.

Но можно ли описать всѣ превращенїя кокетства: благоразумную скромность, его милое украшенїе; стыдливые взоры, которые воспламеняютъ любовь, изъявляя робость невинности; видъ откровенности, языкъ простосердечїя; строгость, которая все осуждаетъ, чтобы возвысить цѣну малѣйшаго снисхожденїя! Предметъ сихъ безчисленныхъ хитростей есть плѣ-

нить насъ; онѣ утѣшаютъ самолюбіе, питаютъ любовь, ея нѣжнѣйшія удовольствія, и всячески удаляютъ равнодушіе и скуку.... Одинъ безразсудной человѣкъ можетъ жаловаться на такое благодѣяніе.

Кокетству противополагаютъ обыкновенно истинную любовь. Правду сказать, ваша истинная любовь удивительна! Естьли исчислить всѣ глупости, до которыхъ она доводитъ человѣка, то выдетъ самая ѣдкая сатира, и гораздо длиннѣе похвалы моей. Что взыскательнѣе и безпокойнѣе страсти? Чувствительная женщина непремѣнно хочетъ быть либимою; кокетка желаетъ только быть любезною: одно легче другова. Всякому извѣстно, какъ скучны влюбленные! Одна ревность надѣлала въ свѣтѣ гораздо болѣе зла, нежели всѣ прочія страсти. Любовь терзаетъ себя и другихъ, а кокетство, лаская самолюбіе всякаго, дѣлаетъ всѣхъ щастливыми.

Прошу замѣтить, что, хваля кокетство, я хвалю осторожное благоразуміе: кокетка всегда осторожна; а какъ скоро влюбится, то (къ нещастію!) она уже не будетъ кокетка!

Кокетство, говорятъ, имѣетъ свои невыгоды: но что же не имѣетъ ихъ? Говорятъ, что всѣ побѣды его минутны и

не могутъ удовольствовать сердца; что кокетка бываетъ жертвою тѣхъ, которыхъ не удается ей заманить въ сѣти, и даже самыхъ плѣнниковъ своихъ; что въ свѣтѣ нѣтъ ничего смѣшнѣе старой кокетки и приманокъ, уже ни мало не опасныхъ; что кокетки скорѣе другихъ старѣются, и что нынѣ женщина хороша, а завтра увянетъ. . . Знаю все, и вотъ мое заключенїе: „естьли такъ мало выгодъ и такъ много опасностей „быть кокеткою, то ремесло сїе должно „назвать — героическимъ!“

(*Изъ Декады.*)

III.

О Путешествіи въ Малороссію.

(Статья присланная.)

Вышла новая книга: *Путешествїе въ Малороссїю*, изданное К. П. Шаликовымъ. Я читалъ ее съ примѣчанїемъ, съ удовольствїемъ, и желаю сообщить мысли, которыя при чтенїи родились въ головѣ моей, тому, кто захочетъ — узнать ихъ!

При самомъ началѣ путешествїя открывается цѣль Автора. Changeons de

lieu pour nous défaire du tems, говоритъ онъ, и ѣдетъ не съ тѣмъ, чтобы описывать города и провинціи, но съ тѣмъ, чтобы — уѣхать отъ времени, и естьли можно, увезти читателя съ собою.

Не будемъ же искать въ этой книгѣ ни географическихъ, ни топографическихъ описаній. . . . . Авторъ думалъ объ одномъ удовольствіи читателя. Изъ отрывковъ его (сія книга составлена изъ отрывковъ) мы не узнаемъ, сколь многолюденъ такой-то городъ, могутъ ли ходить барки по такой-то рѣкѣ, и чѣмъ больше торгуютъ въ такой то провинціи — мы будемъ бродить вмѣстѣ съ странникомъ, куда глаза глядятъ; взойдемъ вмѣстѣ съ нимъ на крутой берегъ шумящаго Днѣпра, послѣдуемъ глазами за бурнымъ теченіемъ рѣки, вздохнемъ близь могилы его друга, освѣщенной лучами заходящаго солнца, и вмѣстѣ съ нимъ вспомнимъ о прошедшемъ, которое невозвратно — которое быстро сокрылось и, можетъ быть, унесло наше щастіе. —

Кого не трогаетъ чувствительность? Кто не предавался меланколіи? Кто не мечталъ въ тишинѣ уединенія о своей участи, не строилъ воздушныхъ замковъ, не бросалъ унылаго взора на минувшее время юности? Молодой человѣкъ,

съ пламенною душею хотѣлъ бы, кажется, всю Натуру прижать къ своему сердцу. Всюду летаютъ за нимъ мечты, сіи метеоры юнаго воображенія. Взоръ его стремится въ будущее; надежды, желанія волнуютъ его сердце; онъ вопрошаетъ судьбу; хочетъ узнать, что готовится ему за таинственнымъ покровомъ, которымъ закрыта она отъ взоровъ любопытныхъ; самъ за нее отвѣчаетъ себѣ; играетъ призраками, и щастливъ. Но какъ скоротечна сія пылкая, живая молодость! Увядаютъ чувства, и бѣдной человѣкъ, лишенный магической силы, которая прежде созидала вокругъ него волшебный міръ, напрасно унылымъ взоромъ ищетъ прелестей въ пышной, великолѣпной Натурѣ: вокругъ него — развалины! Гробъ и смерть остались для него въ будущемъ; воспоминанія — въ прошедшемъ, воспоминанія прелестныя и вмѣстѣ печальныя...

Ce peu d'inſtans, helas! et ſi chers et ſi courts,
Ces fleurs dans un deſert, ces temps où le ramêne
Le regret du bonheur et même de la peine!

Ахъ! кому не дороги сіи минуты слишкомъ быстрыя, сіи цвѣты увядшіе? — И чтобы осталось намъ въ этомъ мірѣ, когдабъ, заранѣе положивъ во гробъ свое сердце, мы не могли... Но я, кажется,

хотѣлъ говорить о путешествіи Господина Щаликова? Возвратимся къ нему.

Всякой скажетъ со мною: пріятно путешествовать! Единообразная, сидячая жизнь наскучитъ; душа наша любитъ перемѣны; одни и тѣ же предметы дѣйствуютъ на нее часъ отъ часу слабѣе, наконецъ перестаютъ дѣйствовать, и она засыпаетъ; всегда новые предметы, безпрестанно ее возбуждая, не даютъ ей притти въ разслабленіе, питаютъ ея силу. Правда, мы можемъ и не выходя изъ горницы быть дѣятельны и всегда находить новыя занятія для ума, души и сердца; не спорю — но естьли путешествіе доставляетъ намъ новое, пріятнѣйшее средство занимать свою душу, то мы не должны презирать его, и можемъ имъ воспользоваться.

Путешественникъ съ образованною душею, съ чувствительнымъ сердцемъ никогда не узнаетъ скуки. Сцены Природы, которая, какъ будто на показъ, выставляетъ передъ нимъ свои богатства; сцены городовъ шумныхъ, въ которыхъ тонкой, наблюдательной взоръ его будетъ слѣдовать за человѣкомъ по лѣстницѣ гражданскихъ состояній, отъ степени работника до степени законодателя — вотъ

предметы, которыми займется душа его. Иногда, наскучивъ пестротою городскихъ обществъ, сойдетъ онъ съ блестящаго, многолюднаго театра, удалится въ мирное село, въ хижину земледѣльца, и опытомъ повѣритъ слова сердца своего, что *щастїе живетъ — въ объятїяхъ Природы, въ простотѣ и невинности нравовъ.* Скопивъ сокровище новыхъ, разнообразныхъ идей и чувствъ, возвратится къ своимъ Пенатамъ, поставитъ свой посохъ въ уголъ своей хижины, и смотря на него, будетъ веселиться воспоминанїями. Онъ будетъ щастливъ, или по крайней мѣрѣ — достоинъ щастїя. Кто украсилъ свою душу цвѣтами мудрости, тотъ имѣетъ право не бояться рока, или ожидать его благодѣянїй...

Но я опять забылъ свой предметъ, и думаю, что наскучилъ читателю, естьли, разумѣется, имѣю читателя. Терпѣнїе!

Я читалъ, повторяю, Путешествїе Г. Шаликова съ удовольствїемъ, и взялъ перо не съ тѣмъ, чтобы написать на него критику, а желая единственно сказать, что я . . . . . читалъ его. Человѣкъ, не слишкомъ строгой, не станетъ бранить меня за то, что отнимаю у него двѣ или три минуты, которыя, можетъ

быть, и безъ меня были бы потеряны для его удовольствія. Совѣтую всякому любителю Рускихъ книгъ познакомиться съ нашимъ Путешественникомъ и замѣтить особенно главы: *Могила друга*, *Яковъ садовникъ*, *Физіономія*, *Послѣдній взглядъ на Днѣпръ*, *Монастырь*, *Лѣтній вечеръ въ Малороссіи*; ручаюсь, что онѣ многимъ полюбятся; а между тѣмъ могу и выписать одну изъ нихъ — на примѣръ....

„*Лѣтній вечеръ въ Малороссіи.*

„Ежели въ теченіе дня сердце ваше „было грустно, печально, то вышедъ „при захожденіи солнечномъ въ поле, вы „пьете въ здѣшнемъ вечернемъ воздухѣ „спасительныя струи Леты — забвенія „всего, кромѣ щастія. Какая тишина, „какой миръ льется въ душу! Какое „благоуханіе, какая прохлада освѣжаетъ „чувства! Сладкой *восторгъ объемлетъ* „сердце ваше; цвѣтущія фантазіи окру„жаютъ воображеніе — вы щастливы, и „признаетесь въ щастіи своемъ!

„Нѣтъ! на уныломъ вашемъ Сѣверѣ „такихъ лѣтнихъ вечеровъ, какъ здѣсь, не „бываетъ! Тамъ безконечной день исто„щитъ всѣ силы, и минутной вечеръ не

„успѣетъ предложить вамъ своихъ пріятностей: здѣсь — посреди лѣта — въ семь часовъ уже вечеръ — уже время прохлады, свѣжести и щастія.

„Одинъ съ моими мечтами, съ моимъ сердцемъ, иду въ поле или рощу, наслаждаться вечернею Природою. Заботы и прискорбія дня исчезаютъ мгновенно въ животворныхъ объятіяхъ ея — подобно какъ въ объятіяхъ страстной любовницы или нѣжнаго друга; душа моя освобождается отъ всѣхъ тяжелыхъ узъ рока — и я благословляю участь свою.

„Смотря на прекрасной разноцвѣтной западъ — на солнце, которое, въ видѣ алаго яхонтоваго шара, съ величественнымъ спокойствіемъ опускается ниже — ниже, думаю о томъ времени, когда смотрѣлъ я на сіе великолѣпное зрѣлище Природы изъ оконъ Д* или Т . . .; множество сладкихъ воспоминаній мнѣ представляется; съ благодарнымъ чувствомъ говорю *прости* миловидному солнцу; оглядываюсь кругомъ; ищу новыхъ прелестей, и вижу въ противоположности его другой, ему подобный шаръ — блѣдную луну, которая — по мѣрѣ того, какъ опускается и тускнетъ

„затмѣвающее ее свѣтило — возвышается „и получаетъ сїянїе . . . Такъ щастїе „одного смертнаго зиждется на бѣдствїи „другаго! такъ меркнетъ одинъ, и уступаетъ блескъ другому!

„Люди! вотъ образъ судьбы вашей!" — А мы примолвимъ: читатели! вотъ примѣръ слога нашего Путешественника! Иной, прочитавъ эту статью, скажетъ самому себѣ: *поѣду въ Малороссїю; тамъ такїе прекрасные вечера! Ахъ! естьлибъ скорѣе пришло лѣто!* Но я скажу ему на ухо: не ѣзди въ Малороссїю для однихъ лѣтнихъ прекрасныхъ вечеровъ; они и здѣсь, въ Москвѣ, прекрасны. Выдешь на пространное Дѣвичье Поле; тамъ, гдѣ возвышаются гордыя стѣны Дѣвичьяго монастыря, сядешь на высокомъ берегу свѣтлаго пруда, въ которомъ, какъ въ чистомъ зеркалѣ, изображаются и зубчатыя монастырскїя стѣны съ ихъ башнями, и златыя главы церквей, озаренныя заходящимъ солнцемъ, и ясное небо, на которомъ носятся блестящїя облака; сядешь, и съ тихимъ, спокойнымъ чувствомъ будешь смотрѣть, какъ солнце, приближаясь къ горизонту, начнетъ блѣднѣть, мало по малу терять свой ослѣпляющїй блескъ, и обратясь въ

багряный, пламенный шаръ, бросить послѣдній, умирающій взоръ на тихую рѣку, на отдаленный лѣсъ, на монастырскія стѣны, на золотыя главы церквей, и потухнетъ. А ты, мой любезной читатель, между тѣмъ будешь сидѣть задумавшись, мечтать, прислушиваться къ тихому гласу вечера, къ журчанію водъ, къ дыханію вѣтра, которой будетъ колебать тростникъ, растущій на берегу пруда, и струить зеркальную воду; плѣнишься вечеромъ и . . . забудешь о Малороссіи!

В. — ій.

IV.

О Тайной Канцеляріи.

Левекъ говоритъ, что Царь Алексѣй Михайловичь учредилъ Тайную Канцелярію, и, какъ легкій Французскій Авторъ, прибавляетъ: „жаль! онъ былъ впрочемъ хорошій Государь!“ Мы знаемъ, какъ по большой части Французы пишутъ Исторію, и не удивляемся. Гораздо важнѣе то, что Г. Шлецеръ, бывшій нѣсколько лѣтъ Профессоромъ Руской Исторіи въ нашей Академіи — (иностранный Профессоръ Руской Исторіи!!) — шутя надъ Леве-

комъ, и называя его не *Историкомъ*, а *гравёромъ* - Левекомъ, также приписываетъ учрежденїе Тайной Канцелярїи Алексѣю Михайловичу. „Ужасъ ея, говоритъ онъ, такъ поразилъ умы, что перо выпало изъ рукъ лѣтописцевъ, и всѣ лѣтописи перервались въ царствованїе сего Государя.“ Это, на примѣръ, очень любопытно, естьли справедливо; но могъ ли Г. Шлецеръ, ученый Критикъ и страстный любитель нашей Исторїи, не усомниться въ истинѣ такого случая (fait)? Естьли и словесная критика важна въ Исторїи, то философическая еще важнѣе. Какъ! Царь Алексѣй Михайловичь, доброй и человѣколюбивой, основалъ страшное судилище? и для чего? какїя чрезвычайныя опасности и заговоры могли оправдать сїе учрежденїе? Въ царствованїе славное и кроткое подняло голову чудовище?? при Государѣ, котораго Бояре Рускїе окружали съ любовїю и почтенїемъ (ибо Онъ не казнилъ и не душилъ ихъ подобно Ивану Васильевичу, не боялся ихъ подобно Годунову, не равнялся съ ними подобно Шуйскому, и царствовалъ смѣлѣе, надежнѣе своего родителя) — при Государѣ, который иногда (на примѣръ во время Новогородскаго и Псковскаго мятежа, во время двухъ бунтовъ Мо-

сковской черни) умѣлъ быть правосуднымъ, но всегда любилъ прощать и миловать?? Ктожь были жертвами Его Тайной Канцеляріи? Развѣ Онъ учредилъ ее для того, чтобы она дремала въ бездѣйствіи? Олеарій (*), Маербергъ, говоря о происшествіяхъ (и самыхъ маловажныхъ) Его времени, безъ сомнѣнія разсказали бы нѣкоторые анекдоты *Руской жестокости* (**), которую иностран-

---

(*) Олеарій, *какъ извѣстно*, былъ Секретаремъ Посольства, отправленнаго Голштинскимъ Герцогомъ въ Персію черезъ Москву въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Алексѣй Михайловичь, восшедши на престолъ, звалъ Олеарія въ Россію, и въ письмѣ своемъ, учтивомъ и ласковомъ, называетъ его *Географусомъ небеснаго бѣга*. Honny soit qui mal y pense! Довольно, что Онъ любилъ ученыхъ людей, въ такое время, когда въ Россіи не умѣли еще и называть ихъ.

(**) Надобно замѣтить, что всякой народъ въ Европѣ ославленъ съ какой нибудь дурной стороны, и что всѣ обыкновенные путешественники основываютъ наблюденія свои на предразсудкѣ: во Франціи они ищутъ легкомысленныхъ, въ Италіи злобныхъ и мстительныхъ, въ Гишпаніи лѣнивыхъ, въ Англіи чудаковъ, въ Германіи педантовъ, а въ Россіи варваровъ. Случаи и характеры, которые несогласны съ общимъ предразсудкомъ о народѣ, остаются неуваженными. Гораздо легче твердить за другими, нежели наблюдать и мыслить. Люди, которые даже славятся умомъ своимъ въ Европѣ, не рѣдко судятъ такимъ образомъ о народахъ, и Виндамъ сказалъ въ Парламентѣ,

цы всегда любили изображать яркими красками. Самое преданїе сохранило бы для потомства память начальныхъ ужасовъ тайнаго судилища, естьли бы они и въ самомъ дѣлѣ заставили молчать лѣтописцевъ. Но можно доказать, что царствованїе Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича было, напротивъ того, цвѣтущимъ временемъ Рускихъ лѣтописей, перерванныхъ нещастїями Россїи. Естьли имѣемъ описанїе временъ Царя Ивана Васильевича, Годунова, Димитрїя самозванца, Шуйскаго и славныхъ патрїотическихъ дѣлъ междуцарствїя, то мы обязаны тѣмъ спокойному вѣку великихъ Романовыхъ. Добрые монахи, которые въ нашествїе Поляковъ служили для Рускихъ не только примѣромъ любви къ отечеству и къ Вѣрѣ, но и примѣромъ храбрости, могли

что Рускїе варвары; что солдаты наши разбойники, грабители! Сей Ораторъ-Донъ-Кишотъ повторилъ фразу своего дѣдушки, не заботясь о томъ, справедлива ли она въ наше время; иначе, узнавъ, что въ Италїи, Швейцарїи и Нѣмецкой землѣ говорятъ о дисциплинѣ Англїйскихъ и Рускихъ солдатъ, онъ нашелся бы принужденнымъ назвать варварами первыхъ. Какъ люди, такъ и народы должны презирать клевету. Устыдить можно единственно тѣхъ, которые имѣютъ стыдъ; а клеветники, по щастїю, не знаютъ его въ глаза.

тогда снова обратиться къ мирнымъ упражненіямъ благочестивой жизни и къ похвальной охотѣ своей быть Историками отечества. Смѣло требую свидѣтельства всѣхъ знакомыхъ съ манускриптами нашихъ монастырскихъ библіотекъ: на многихъ историческихъ рукописяхъ именно означено время ихъ сочиненія, и сіе время есть — царствованіе Михаила и великодушнаго Сына Его. Я самъ имѣю одну лѣтопись, тогда писанную и доведенную до начала Польской войны при Алексѣѣ Михайловичѣ; въ концѣ ея поставленъ 1664 годъ. Гдѣ же страхъ, произведенный Тайною Канцеляріею? гдѣ онѣмѣніе лѣтописцевъ? спрашиваемъ у Г. Шлецера; но онъ развертываетъ первый томъ Татищева, показываетъ намъ страницу 59 — и мы оставляемъ въ покоѣ сего ученаго иностранца, достойнаго нашей искренней благодарности за то, что онъ во многихъ случаяхъ умною своею критикою способствуетъ основательности Руской Исторіи.

Такъ, Г. Татищевъ ввелъ въ заблужденіе и Левека и Шлецера; онъ именно говоритъ, что Царь Алексѣй Михайловичь, основавъ Тайную Канцелярію, устрашилъ лѣтописцевъ и заставилъ ихъ безмолвствовать. „Могъ ли грубо оши-

биться нашъ умной, трудолюбивой Историкъ?" скажутъ нѣкоторые: „онъ конечно написалъ то, что зналъ, и что въ самомъ дѣлѣ было." — Вы не совсѣмъ ошибаетесь, милостивые государи: *Тайная Канцелярія* точно была при Алексѣѣ Михайловичѣ. . . . „Слѣдственно Татищевъ правъ?" . . . Нѣтъ! *тайная* значила *домашняя* или *приватная* (*): въ сію канцелярію входили экономическія дѣла Государевы; подъ ея вѣдѣніемъ находились нѣкоторыя села и деревни, которыя Онъ считалъ собственными: на примѣръ, село Алексѣевское, Тайнинское; и когда Царь хотѣлъ изъявить Свое отмѣнное благоволеніе къ какому нибудь монастырю, онъ подчинялъ его Тайной Канцеляріи: на примѣръ, Савинскій, котораго всѣ расходы и счеты въ ней повѣрялись (**). Дьякъ или Секретарь управлялъ ею, всюду ѣзжалъ съ Государемъ и писалъ *личные* царскіе указы. Однимъ словомъ, она была Кабинетомъ и никогда не занималась наказаніемъ государственныхъ преступниковъ. Имя *тайной* обмануло Татищева: онъ вообразилъ то гибельное судилище, кото-

(*) Chancellerie privée. По-Руски называемъ мы и Conseiller privé Тайнымъ Совѣтникомъ.

(**) Вамъ скажутъ объ этомъ и въ Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ и въ Савинскомъ монастырѣ.

рое прославилось, къ нещастію, въ новѣйшія времена; а находя, что лѣтописи идутъ по большой части не далѣе кончины Михаила Ѳеодоровича, заключилъ, что монахи не смѣли писать ихъ при Его сынѣ, и догадку свою выдалъ за историческую истину, вмѣстѣ съ лѣтописію Іоакима и многими любопытными анекдотами, которыхъ источника мы никогда не узнаемъ.

Но отъ чего же монахи не описывали правленія Алексѣя Михайловича? Они, можетъ быть, не успѣли описать его, или думали, что современникамъ надобно готовить только матеріалы, и что всякое царствованіе должно быть изображено по смерти Царя. Вотъ вѣроятная причина и того, что многія лѣтописи кончатся Княженіемъ Василья Ивановича! Не думаю, чтобы ужасы Царя Ивана Васильевича заставили монаховъ бросить перо; они конечно при немъ описали дѣла отца его. Лѣтописцы наши не Тациты: не судили Государей; разсказывали не всѣ дѣла ихъ, а только блестящія — воинскіе успѣхи, знаки набожности, и проч. *Левъ не раззѣвалъ челюстей за такими Историками*, и Царь Иванъ Васильевичь могъ бы съ удовольствіемъ читать описаніе своихъ побѣдъ, путешествій къ Троицѣ

и въ другїе монастыри. Только славной Бояринъ Курбскїй не утѣшилъ бы его своими записками: за то сей достойной мужъ убрался въ Польшу, чтобы оставить намъ *вѣрное*, но едва *вѣроятное* изображенїе Государя своего. — Однакожъ мы обязаны вѣчною благодарностїю добрымъ монахамъ за Рускїя лѣтописи. Безъ ихъ труда исчезла бы и память старой Руси; они сохранили по крайней мѣрѣ нить случаевъ — и когда время ПЕТРА Великаго и строгїя, взятыя имъ мѣры противъ монаховъ отняли у нихъ не только охоту, но и самую возможность продолжать лѣтописи, Исторїя наша не обогатилась лучшими собранїями матерїаловъ. Кто у насъ думалъ заготовлять ихъ для описанїя временъ Екатерины I, Петра II, Анны, Елисаветы? Правда, есть Архивъ иностранныхъ дѣлъ; но собранїя трактатовъ и дипломатическихъ бумагъ не довольно для Историка. Надобно будетъ читать иностранцевъ; а какъ вѣрно описываютъ они случаи и людей, мы знаемъ по ихъ извѣстїямъ о нашихъ временахъ! Надобно будетъ обратиться къ преданїямъ: но скоро исчезнетъ слѣдъ ихъ. Гдѣ старцы, которые еще не давно говаривали со слезами о ПЕТРѢ Великомъ? Не много уже и такихъ, которые гово-

рятъ о правленіи Анны, о нещастіи Долгорукихъ, о лютостяхъ Бирона, о весельяхъ Двора Елисаветы — и кто ихъ слушаетъ со вниманіемъ? У насъ заняты головы такими важными дѣлами!!....

Обратимся къ Тайной Канцеляріи. Желаете ли видѣть ея *первую* сцену? Подите въ село Преображенское, которое надѣляетъ Москву хорошею водою — тамъ, среди огородовъ, укажутъ вамъ развалины небольшаго каменнаго зданія: тамъ Великій Императоръ, преобразуя отечество, и на всякомъ шагу встрѣчая неблагодарныхъ, злые умыслы и заговоры, *долженъ былъ* для Своей и государственной безопасности основать сіе ужасное судилище... Такъ, *Петръ* Великій былъ его учредителемъ; но Исторія не дерзнетъ обвинять славнаго Монарха: жестокія обстоятельства заставили Его прибѣгнуть къ жестокому средству.... Я видѣлъ глубокія ямы, гдѣ сидѣли нещастные; видѣлъ желѣзныя решетки въ маленькихъ окнахъ, сквозь которыя проходилъ свѣтъ и воздухъ для сихъ государственныхъ преступниковъ. Воспоминаніе конечно горестное; но въ ту же самую минуту вы произносите имя АЛЕКСАНДРА, и сердце ваше отдыхаетъ!

Я чувствую великія дѣла ПЕТРОВЫ, и думаю: „щастливы предки наши, которые были ихъ свидѣтелями!“ однакожь — не завидую ихъ щастію! Гораздо веселѣе жить въ то время, когда въ Преображенскомъ поливаютъ землю не кровію, а водою для произведенія овощей и салата!

Естьли бы кто нибудь въ царствованіе АЛЕКСАНДРА могъ быть еще недоволенъ — (но мы для одной риторической фигуры предполагаемъ сію возможность) — то я желалъ бы въ лѣтній вечеръ сводить его въ Преображенское!

У. Ѳ.

V.

Письмо одного Руского изъ Бююк-Дери отъ $\frac{16}{18}$ Сентября, 1802 года.

$\frac{10}{22}$ Сего мѣсяца я возвратился въ Константинополь, бывъ цѣлые три мѣсяца въ отсутствіи. Вамъ извѣстно, что я ни мало не располагался такъ долго быть въ Архипелагѣ; но противные вѣтры задержали меня около 50 дней въ дорогѣ — l'homme propose & Dieu dispose!

Съ какимъ удовольствіемъ вижу себя на мѣстѣ! ибо путешествіе мое было не совсѣмъ пріятно. Я поѣхалъ съ радостію, но часто раскаивался, и теперь сули золото, не ворочусь. Благодаря Бога, здоровье мое не потерпѣло отъ моря!

Пріѣхавъ въ Дарданеллы, я перебрался тотчасъ въ Трою, сіе столь прославленное Гомеромъ мѣсто. Признаюсь, что я ничего не видалъ, или, лучше сказать, все видѣлъ воображеніемъ (*). Тамъ нѣтъ ни малаго остатка, ознаменованнаго человѣческою рукою; видны одни разсѣянные по обширной площади *Пумулусы*, или курганы. — Сей быстрый и страшный въ Гомерѣ Симоисъ, соединяющій воды свои съ тихими струями Скамандра, превратился въ ручеекъ. Теплые источники Скамандра (**) показались мнѣ довольно прохладными; а на горѣ, гдѣ возвышалъ главу свою *Иліумъ*, не видалъ я ни одного выработаннаго камня. — Какъ бы то ни было,

(*) Еще Геродотъ сказалъ, что землетрясенія истребили уже всѣ слѣды Трои; но Французской путешественникъ Шевалье доказываетъ, что Геродотъ ошибся, и что ихъ еще много и въ наше время. — К.

(**) По словамъ Гомера, Вулканъ излилъ пламя на пѣнистыя волны Скамандра. — К.

но давъ волю воображенію, можно защищать топографію Гомера.

Оттуда проѣхалъ я въ Александрію-Трою (*) сухимъ путемъ, и — въ сторону воображеніе — видѣлъ прекраснѣйшіе остатки великолѣпнаго города. Большая часть городскихъ стѣнъ еще цѣла; разсѣянные внутри ихъ огромные монументы — какъ-то храмы, бани, публичныя школы, упавшія колонны и гробницы — покоятся подъ тѣнью *Валонея*, или дуба. — Архипелагъ показалъ мнѣ свои острова, ихъ богатство, и неумѣніе имъ пользоваться.

Наконецъ Аѳины и теперь можно еще назвать сокровищемъ всѣхъ художествъ. Храмы: Минервинъ, Эрехтеевъ и Тезеевъ, суть и будутъ вѣчные памятники несравненныхъ Аѳинянъ, образцами для нынѣшнихъ Артистовъ и удивленіемъ всѣхъ знатоковъ. — Средина храма Минервина разорена, но фасады остались, и суть конечно неподражаемыя. — Я остолбенѣлъ отъ радости и восхищенія, увидѣвъ барельефы, украшающіе фризы храма сего; они безъ сомнѣнія одной Фидіевой

(*) Сія новая Троя построена Лисимахомъ, Александровымъ полководцемъ, ближе къ морю, нежели старая. — К.

руки достойны: какая работа! какія мысли! все дышетъ и *стремится*! Словомъ, я не могу вообразить ничего совершеннѣе. Колоссальныя фигуры на фронтисписѣ суть всѣ Бельведерскіе Аполлоны; жаль, что многіе испорчены временемъ! — Извѣстный храмъ Эрехтеевъ состоитъ изъ трехъ: Эрехтеева, Минервина и Нептунова (*); съ одной стороны онъ поддерживаемъ вмѣсто колоннъ шестью каріатидами, работы удивительной; отдѣлка архитекторская неподражаема: это прекрасная игрушка. Храмъ Тезеевъ совершенно цѣлъ, и плѣняетъ своею соразмѣрностію, твердостію и простотою; но время не пощадило украшавшихъ его барельефовъ. — Артисты Лорда Эльджина уже около трехъ лѣтъ тамъ работаютъ; а нынѣ сей Министръ въ проѣздъ свой успѣлъ взять оттуда все лучшее: снялъ всѣ статуи, обобралъ барельефы. Къ щастію, я успѣлъ почти все видѣть, хотя съ большимъ

(*) Не ошибается ли Авторъ письма? Эрехтей есть одно изъ именъ Нептуновыхъ. Намъ извѣстно изъ Анахарсиса, что сей Аѳинскій храмъ былъ посвященъ только двумъ, а не тремъ божествамъ: Минервѣ-Поліадѣ и Нептуну-Эрехтею. — К.

трудомъ: ибо Посолъ таитъ свое похищенїе. Блистательная Порта и до сихъ поръ ничего не знаетъ. Аѳины потеряютъ теперь много какъ со стороны Скульптуры, такъ и Архитектуры. — Я весьма недоволенъ Милордомъ; онъ всячески старался отнять у меня всѣ способы удовлетворить любопытству, однакожь не успѣлъ.

N.

VI.

Лавры.

(Переводъ съ Французскаго.)

Лавровое дерево, всѣмъ извѣстное, было въ великомъ почтенїи у Древнихъ. Они награждали имъ достоинство и добродѣтель. Оно было знакомъ славы, употреблялось въ ихъ таинственномъ богослуженїи, и листъ его считался орудїемъ божественнаго вдохновенїя: естьли онъ трещалъ на огнѣ, то предзнаменовалъ успѣхъ; а естьли горѣлъ тихо, то бѣду. Чтобы умилостивить и задобрить человѣка, сажали лавровое дерево передъ его домомъ; чтобы имѣть прїятныя сновидѣнїя, надлежало хотя одинъ листокъ

его положить себѣ въ головы. Оно имѣло столько цѣлебныхъ силъ, что изъ его нѣжныхъ вѣтвей плели вѣнки для Эскулапа, бога Медицины. Не смѣли жечь его даже и на олтаряхъ; въ немъ таились духъ пророчества и восторги пїитическїе.

Пуки или связки, носимыя въ Римѣ передъ главными чиновниками, Диктаторами, Консулами, Преторами, были увѣнчаны лаврами.

Все измѣняется и проходитъ; что вѣкъ, то новыя идеи, и мнѣнїя людей покорны времени. Что уважалось Древними, то въ презрѣнїи у Новыхъ. Мало по малу вышло изъ обыкновенїя украшать вѣнками геройство, и мы видимъ ихъ только на актрисахъ. Лавровое дерево утратило священную важность свою, и — что еще оскорбительнѣе — сдѣлалось принадлежностїю нашей поварни!

Однакожь, не уважая дерева, и переставъ украшать имъ безсмертїе, мы все еще уважаемъ его имя, и называемъ лаврами славу, побѣду, великїе таланты. Слушая повѣсть о дѣлахъ Скиѳа Суворова, Корсиканца Бонапарте и другихъ Героевъ, воображаемъ, что они, слѣдуя обычаю Древнихъ, заснули на лаврахъ, увидѣли

миѳологическїе сны, и вздумали наяву превратить ихъ въ чудесную быль!

Но Философїя хотѣла бы различать лавры Героевъ, Поэтовъ, Ученыхъ, Ораторовъ и гражданъ благодѣтельныхъ для отечества. Лавръ Августовъ не могъ быть одного роду съ Цицероновымъ: первый обагренъ кровїю, омоченъ слезами; вторый блисталъ своею чистотою.

Имя лавра заключаетъ въ себѣ какое-то волшебство и вселяетъ великїя намѣренїя. Къ нещастью, разныя дороги ведутъ къ славѣ; одна черезъ добродѣтель, другая черезъ злодѣйство, третья черезъ смѣшенїе добра и зла; и всякой, выходя изъ круга обыкновенныхъ людей, требуетъ лавровъ. Справедливое потомство часто срываетъ вѣнки, сплетенные ласкателями. Смерть Клитова и другїя дѣла изсушили нѣкоторые лавры Александра Великаго. Чело Марїя и Августа *обнажилось* отъ многочисленныхъ убїйствъ; но рука нечистая могла ли прикоснуться къ вѣнку Тита и Генриха IV?

Масличное дерево, образъ мира, не такъ славно, какъ его совмѣстникъ, но полезнѣе людямъ, и листы его никогда не обагрялись кровью, никогда не орошались слезами. Блаженъ, кто довольствуется

смиренною оливою, символомъ частнаго и государственнаго благоденствія!

Не рѣдко передъ моимъ воображеніемъ отверзается храмъ *великихъ воспоминаній* и вѣчной славы: я вхожу — и безчисленное множество памятниковъ представляется моему взору; лавры и пальмы осѣняютъ ихъ — рѣдкіе изъ первыхъ не блѣднѣютъ отъ времени, вторые всѣ пріятно зеленѣютъ; многія надписи стерты рукою древности, но взоръ мой отъ первой до послѣдней буквы читаетъ слѣдующую: *Другъ человѣчества на тронѣ, и въ порфирѣ труженикъ для блага общаго — изумленный своею великою властію, пылалъ ревностію оправдать волю Провидѣнія, которая вручила Ему судьбу милліоновъ — всего болѣе старался о томъ, чтобы государство для своего всегдашняго щастія могло впредь обойтися безъ великихъ и чрезвычайныхъ добродѣтелей Вѣнценосца: ибо великія добродѣтели рѣдки во всякомъ состояніи — Законодатель, Просвѣтитель народа — ясная, тихая душа Его не знала ни страха, ни подозрѣнія — не воевалъ, но славился и рѣшилъ судьбу государствъ мудрою Политикою — пріялъ вѣнецъ безсмертія въ 691 году Христіянскаго лѣтосисленія*, тридесятое *Февраля*, въ тринадцатомъ *часу утра*, и *народъ сказалъ*

въ умиленіемъ: „отнынѣ Государи наши могутъ быть только блюстителями, а не творцами нашего благоденствія!“

Блаженъ Государь, достойный такой надписи! Блаженъ народъ, достойный такого Государя! — Кто знаетъ Исторію седьмаго вѣка, тотъ знаетъ имя сего Монарха.

Лажье.

VII.

Эпитафіи Поэту Богдановичу.

(NB. Изъ присланныхъ осьми сообщаемъ четыре.)

1.

Привѣсьте къ урнѣ сей, о Граціи! вѣнецъ:
Здѣсь Богдановичь спитъ, любимый вашъ пѣвецъ.

* * *

2.

Въ спокойствіи, въ мечтахъ текли его всѣ лѣта;
Но онъ внимаемъ былъ Владычицей полсвѣта,
И въ памяти его Россія сохранитъ.
Сынъ Феба! возгордись: здѣсь Музъ любимецъ спитъ.

* * *

3.

Любовь у Душеньки въ плѣну любви была,
А *Душеньку* душа Его произвела:
Чтожь былъ Онъ для сердецъ? . . Пусть сердце отвѣчаетъ
Тому, кто истинныхъ талантовъ цѣну знаетъ!

Кн. III — въ.

4.

Вы мраморомъ его могилы не тягчите,
Но только *Душеньку* на гробѣ положите (*).

К. Н. Ку — ш — въ.

VIII.

Загадка.

Нѣтъ голоса во мнѣ, а все я говорю,
И худо и добро: сержусь, благодарю,
Хвалю, браню, и ложь и правду разглашаю,
И въ тысячи мѣстахъ вдругъ слышенъ я бываю;
Всегда и важенъ и шутливъ,
Уменъ и глуповатъ, и дуренъ и красивъ.
Еженедѣльно я иль въ мѣсяцъ возраждаюсь,
И только лишь рожусь, въ продажу отпускаюсь.

(*) Въ сей эпитафіи Издатель осмѣлился перемѣнить слова два.

Я братьями богатъ: названье намъ одно,
Однако въ свѣтѣ мы зовемся не равно. —
Узнали? нѣтъ? — Еще прибавимъ:
У насъ нѣтъ матери; за то
Мы сотни двѣ отцовъ представимъ.
Я бѣлъ и сѣръ, легокъ, бездушенъ, и собою
Во многомъ сходствую съ молвою.

* * *

IX.

Рѣчь, произнесенная на погребеніи Сен-Ламбера Гражданиномъ Сюаромъ, Секретаремъ втораго Класса въ Институтѣ (*).

Мы собралися оказать послѣднюю, горестную честь знаменитому товарищу, который своими талантами прославилъ Францію, своими твореніями озарялъ умы, благороднымъ характеромъ своимъ возвеличилъ достоинство Авторское, и доживъ до 85 лѣтъ, не могъ укорять себя ни однимъ дѣломъ, оскорбительнымъ для нѣжной совѣсти, и предосудительнымъ въ глазахъ Моралиста.

(*) Къ которому принадлежитъ Французская Академія.

Образованный для воинской службы, онъ соединялъ въ себѣ пылкую дѣятельность съ тонкимъ умомъ, сражался — и любилъ Философію, занимался Искусствами. Въ свѣтѣ хвалили его за вѣрность въ дружбѣ и за пріятность въ обхожденіи. Имя Сен-Ламбера останется на ряду съ именами нашихъ первыхъ Стихотворцевъ, Философовъ и Писателей. Память его, любезная всѣмъ знакомымъ, почтена слезами и горестію старинныхъ друзей, которые въ долговременной связи имѣли болѣе случая видѣть его великодушіе, наслаждаться его любезностію. Ихъ нѣжное, постоянное дружество было и хвалою и наградою его талантовъ, характера и добродѣтелей.

Мы лишились Сен-Ламбера въ то время, когда надѣялись увидѣть его посреди насъ. Вмѣсто того, чтобы съ радостію принять великаго Автора во святилищѣ Словесности, которое воздвигнуто благодѣтельнымъ Правительствомъ на остаткѣ славныхъ развалинъ, мы съ горестію провожаемъ гробъ его въ жилище смерти, чтобы оросить слезами могилу, которая будетъ предметомъ уваженія для потомства.

X.

Рѣчь, произнесенная Фонтаномъ на погребеніи Лагарпа.

Словесность и Франція лишились великаго Поэта, Оратора, Критика. Лагарпъ двадцати-пяти лѣтъ доказалъ первымъ своимъ драматическимъ опытомъ, что онъ есть достойный ученикъ Геніевъ Французской сцены. Наслѣдство ихъ славы не умалилось въ рукахъ его: онъ съ вѣрностію сохранилъ для насъ ихъ образцы и правила; хвалилъ мужей, великихъ краснорѣчіемъ и Поэзіею: ихъ духъ и языкъ украшали всегда его творенія. Именемъ сихъ Геніевъ онъ до послѣдней минуты своей вооружался противъ ложныхъ мнѣній въ Словесности, и вся жизнь его была торжествомъ истинныхъ правилъ. Но такая рѣшительная твердость, прославляя умъ, не могла ощастливить сердца. Признаюсь, что искренность его характера и строгое сужденіе не рѣдко удаляли отъ его имени и произведеній не только благоволеніе, но и справедливость. Лагарпъ принуждалъ уважать себя, когда другой на его мѣстѣ заслужилъ бы громкую, усердную хвалу. Часто вопль его непріятелей заглушалъ

славу его успѣховъ. Но сей гробъ обезоруживаетъ непріятелей: тутъ конецъ злобѣ; одна истина остается.

Наконецъ не будутъ оспоривать талантовъ Лагарпа. Всѣ друзья Словесности, сколь ни различны ихъ мнѣнія, участвуютъ въ нашей горести. Обстоятельства, въ которыхъ смерть постигла его, умножаютъ сію горесть. Онъ былъ въ тѣхъ лѣтахъ, въ которыя мысль еще не теряетъ силы своей, и талантъ его возвеличился въ другомъ родѣ идей, произведенныхъ въ немъ чрезвычайными явленіями послѣдняго десятилѣтія. Лагарпъ не успѣлъ окончить нѣкоторыхъ твореній, отъ которыхъ ждалъ онъ вѣрнѣйшей для него славы въ потомствѣ. Хладѣющія руки его съ трудомъ отстали отъ послѣдняго монумента великихъ дарованій. Тѣ, которые знаютъ нѣкоторыя части сего творенія, признаются, что вдохновенія Религіи возвысили блескъ, силу и характеръ Поэта.

Извѣстно, что онъ съ великимъ усердіемъ принялъ сіи утѣшительныя мнѣнія, на которыхъ основывается вся система общества. Они не только обогатили мысли и слогъ его новыми красотами, но и были отрадою послѣднихъ его страданій. Богъ, Которому Фенелонъ

и Расинъ покланялись, утѣшилъ на одрѣ смертномъ ихъ краснорѣчиваго хвалителя и наслѣдника ихъ искусства. Друзья, видѣвшіе Лагарпа въ тѣ минуты, когда человѣкъ перестаетъ лицемѣрить, знаютъ, сколь истинна была вѣра, и сколь добра душа его, не смотря на клевету и злословіе. Уже сердце его, оскорбленное несправедливостями, наконецъ успокоилось. Уже мы готовились принять его во святилище вкуса, котораго онъ былъ вѣрнѣйшею опорою. Самъ Лагарпъ радовался сему новому союзу; но смерть обманула нашу и его пріятную надежду. По крайней мѣрѣ да хранятся во вѣки преданія великихъ образцевъ, изъясненныхъ имъ съ такимъ краснорѣчивымъ остроуміемъ! Образуя хорошихъ Писателей, достойныхъ замѣнить его, да озарятъ они новымъ блескомъ сію Французскую Академію, прославленную столь многими именами въ теченіе ста-пятидесяти лѣтъ, и возобновленную великимъ человѣкомъ, гораздо славнѣйшимъ ея перваго основателя!

ПОЛИТИКА

I.

Алойсъ Рединг, славный Патріотъ Швейцарскій.

Алойсъ Рединг есть одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые являются только во времена великихъ государственныхъ переворотовъ и назначены Провидѣніемъ укрѣплять слабѣющій характеръ народовъ.

Онъ самый тотъ Генералъ Рединг, который 23 Мая 1798 году, собравъ нѣсколько сотъ Швицскихъ гражданъ, далъ Французамъ сраженіе, со шпагою въ рукѣ пробился сквозь ихъ линію и выгналъ ихъ изъ долины Моргентенской, гдѣ предокъ его, Ландманъ Р. Рединг, въ 1515 году побѣдилъ Австрійцевъ.

Передъ симъ отчаяннымъ нападеніемъ онъ говорилъ рѣчь, которую сограждане его вытвердили наизусть и въ преданіи сообщатъ потомству — рѣчь, достойную Спартанца и Леонида... „Великодушные „товарищи, любезные сограждане! наста„ла рѣшительная минута. Окруженные „непріятелемъ, оставленные друзьями, „спросимъ у себя, можемъ ли слѣдовать

„примѣру великихъ отцовъ нашихъ, ко-„торые здѣсь же умерли за вольность. Не „будемъ обманывать себя въ сей торже-„ственный часъ: почти вѣрная смерть „насъ ожидаетъ.... Что касается до „меня, то даю слово быть съ вами во „всѣхъ опасностяхъ. *Смерть, а не бѣгство!*"

Смерть, а не бѣгство! воскликнули солдаты, и двое изъ нихъ выступили изъ шеренги, чтобы дать ему руку въ знакъ вѣрности. Сія горсть людей устремилась на побѣдителей Европы, и разбила ихъ въ одинъ день три раза. Но еще пять или шесть такихъ побѣдъ истребили бы всѣхъ жителей ихъ Кантона; другіе уже приняли новую Конституцію. Швицскій Герой, доказавъ, что народъ и чиновники оживлены духомъ согласія и великодушнаго патріотизма, совѣтовалъ имъ наконецъ уступить безчисленному множеству Французовъ. Онъ послѣдній сложилъ съ себя воинскую одежду, чтобы, спустя нѣсколько времени, снова и прежде всѣхъ вооружиться.

Историкъ, сохранившій для насъ славную рѣчь его (Г. Цшокке) пишетъ, что за нѣсколько времени до Революціи Алойсъ Рединръ, еще молодой человѣкъ, оставилъ Гишпанскую службу, желая совершенно посвятить себя уединенію

сельской жизни, дружбѣ и Музамъ; и что смерть нѣжной, любимой супруги погрузила его въ глубокую меланхолію, которая могла разсѣяться только отъ великихъ опасностей отечества. По увѣренію тогдашнихъ друзей его, онъ боялся не столько явнаго нападенія Французовъ, сколько тайнаго несогласія и раздора между гражданами и Правительствомъ Швейцаріи. Рединг ъ убѣдилъ другіе Кантоны спѣшить на помощь Берну, и въ то же самое время уговаривалъ тамошнихъ Аристократовъ отказаться отъ ихъ великихъ, изключительныхъ правъ, непріятныхъ народу. Всего болѣе не нравились ему торговыя особенныя выгоды городовъ, обращенныя въ законъ злоупотребленіемъ власти; и чтобы дать примѣръ другимъ Кантонамъ, онъ уговорилъ Швицскихъ гражданъ освободить отъ подданства нѣкоторыя долины и жителямъ ихъ сообщить права независимости. Однимъ словомъ, упомянутый Историкъ описываетъ его такими же красками, какими Англичанинъ Кларендонъ описалъ Лорда Фалькланда: и тотъ и другой жаловался на излишнія требованія несогласныхъ партій; оба предвидѣли нещастія, оба искали смерти, чтобы не быть свидѣтелями бѣдствій отечества.

Хотя Рединґъ, послѣ чиновника Штейгера, былъ единственною надеждою Швейцаровъ, привязанныхъ къ древней независимости отечества, однакожь самые друзья Французовъ изъявляли къ нему великое уваженіе. Отдавая справедливость достоинствамъ сего великаго гражданина, они укоряли его только одною излишнею набожностію. Журналисты сей партіи шутили надъ тѣмъ, что Рединґъ на Страстной недѣлѣ ѣздилъ въ Швицъ исповѣдываться, и съ насмѣшкою называли его всегда *благочестивымъ Ландманомъ.*

Сей твердый защитникъ Гельветическихъ Демократій снова явился на сценѣ послѣ трактата Люневильскаго, въ силу котораго Гельветическое Правительство созвало общій Сеймъ въ Бернѣ, чтобы предложить на его одобреніе планъ рѣшительнаго образованія Швейцаріи. Рединґъ вошелъ въ собраніе и сказалъ, что одно насиліе заставило демократическіе Кантоны принять Конституцію, несогласную съ ихъ нравами; что они требуютъ своей древней вольности, естьли Франція въ самомъ дѣлѣ хочетъ возвратить имъ независимость, и что онъ только на семъ условіи можетъ способствовать образованію союзнаго правленія въ Швейцаріи.

Какъ революцїонная партїя ни доказывала, что возобновленїе старинной Демократїи въ малыхъ Кантонахъ не сообразно съ единствомъ Гельветической Республики; но Рединтъ утверждалъ, что мѣстныя обстоятельства и древнїе обычаи непремѣнно требуютъ сего, и видя непреклонность своихъ многочисленныхъ противниковъ, уѣхалъ съ другими Депутатами малыхъ Кантоновъ.

Отъѣздъ ихъ имѣлъ важныя слѣдствїя. Многїе Депутаты объявили, что Сеймъ не представляетъ уже полнаго собранїя Швейцаровъ безъ трехъ главныхъ Кантоновъ, бывшихъ колыбелїю истинной Гельветической свободы. Черезъ нѣсколько дней большинство голосовъ перешло на сторону друзей независимости, которые спѣшили составить центральное Правительство изъ Сената и Совѣта исполнительнаго, удалили отъ него революцїонныхъ Демократовъ и выбрали въ Ландманы Рединга. Сей выборъ произвелъ всеобщую радость. Католическїе города изъявляли свое удовольствїе потѣшными огнями, а Цирихскїй Синодъ торжественно благодарилъ Сеймъ за то, что онъ вручилъ кормило Республики *гражданамъ благочестивымъ, которые всю надежду возлагаютъ на Бога.* — Между

тѣмъ Францїя медлила признать сїе новое Правительство, и Ландманъ рѣшился самъ ѣхать въ Парижъ. Бонапарте, зная его влїянїе на согражданъ, обошелся съ нимъ ласково; говорилъ долго, но по большой части мистическимъ языкомъ; наконецъ объявилъ, что онъ утвердитъ новое Гельветическое Правительство, естьли изберутъ въ Министры извѣстныхъ друзей Францїи. „Надобно смѣшать партїи,“ сказалъ Бонапарте: „это лучшая система.“ Рединг ъ и на то согласился, и въ кабинетѣ Консула написалъ условїя, сообразныя съ его требованїями, изъ которыхъ главныя состояли въ томъ, чтобы не возобновлять Бернской Олигархїи, объявить равенство закономъ Гельвецїи, и ввести въ Совѣтъ пять человѣкъ, назначенныхъ Консуломъ. Бонапарте казался весьма довольнымъ, и отпустилъ Рединга съ дружескими увѣренїями.

Ландманъ, возвратясь въ Бернъ, уговорилъ Патрїотовъ исполнить желанїе Консула, и три мѣсяца трудился надъ сочиненїемъ новой Конституцїи для своего отечества, согласной съ волею Французскаго Правительства. Уже она была обнародована, и Кантоны охотно приняли ее. Рединг ъ, окончавъ важное дѣло, распу-

стилъ Сенатъ на двѣ недѣли, и поѣхалъ въ Швицъ, за нѣсколько дней до Пасхи, отдохнуть въ объятіяхъ семейства.

Вдругъ случилась новая революція. Министры, введенные въ Совѣтъ по волѣ Консула, пользуясь отсутствіемъ Ландмана, собрались ночью, объявили себя Правителями, уничтожили Рединговy Конституцію, отрѣшили его и всѣхъ друзей Гельветической независимости, и выбрали *Нотаблей* для сочиненія новой Конституціи; а на другой день Министръ Французской торжественно одобрилъ ихъ дѣло. Напрасно Рединтъ, изумленный сею чудною перемѣною, писалъ къ Бонапарте, напоминалъ ему ихъ условія, жаловался на Верниняка, его Министра, который столько унизился, что вошелъ въ заговоръ съ Швейцарскими Демократами: Консулъ не отвѣчалъ ему, и черезъ нѣсколько времени объявилъ себя покровителемъ новаго Гельветическаго начальства. Неудовольствіе Швейцаровъ явно обнаруживалось во всѣхъ Кантонахъ, особливо въ горныхъ, гдѣ народъ обожаетъ Рединга; и какъ скоро Французское войско выступило изъ Швейцаріи, то всѣ добрые граждане возстали противъ Гельветическаго Правительства. Никогда потомки Телевы не изъявляли столько единодушія,

патріотизма и дѣятельности, какъ въ сіе время. Въ нѣсколько дней явилась армія, составленная изъ гражданъ всѣхъ Кантоновъ; молодые люди и старики спѣшили въ поле — и тогда же Депутаты Кантоновъ собрались въ отечествѣ Рединга, чтобы свободно и независимо утвердить навѣки политическую судьбу Гельвеціи. Сей знаменитый гражданинъ, избранный единогласно въ Президенты, всѣхъ одушевлялъ своимъ патріотизмомъ — и любопытные наблюдатели видѣли въ Швицѣ великое зрѣлище народнаго Сейма, который напомнилъ древнѣйшія, славныя времена Гельвеціи. Онъ собирался на открытомъ мѣстѣ — и Рединръ, говоря о благѣ отечества, одною рукою указывалъ на скалы, обагренныя кровію первыхъ Героевъ Швейцаріи, а другою на Небо, Которое одно могло даровать имъ успѣхъ. Усердіе гражданъ во всѣхъ Кантонахъ было такъ велико, что они хотѣли сражаться съ Французами; но Рединръ, предвидя напрасную гибель людей, заклиналъ ихъ уступить силѣ. Скромный въ торжествѣ добродѣтелей своихъ, когда всѣ Швейцары окружали его съ благоговѣніемъ и называли вторымъ Телемъ, онъ показалъ себя великимъ въ нещастіи. Друзья совѣтовали

ему удалиться, боясь Консульскаго мщенія. *Я не могу взять съ собою отечества*, говорилъ онъ: *а безъ него что мнѣ въ жизни и въ безопасности?* — Французскій Генералъ Ней взялъ подъ стражу Редингa, когда онъ шелъ домой изъ церкви. Сей истинный Патріотъ обнялъ друзей своихъ, и сказалъ: „Съ какою радостію „пожертвовалъ бы я своею личною вольнс„стію для свободы Швейцаріи! Во всякомъ „случаѣ хорошо исполнить долгъ вѣрнаго „гражданина, и сердце мое спокойно.“ — Его заключили въ Арбургскомъ замкѣ, и народная независимость Швейцаріи исчезла.

(*Изъ Нѣм. Журнала.*)

II.

Изображеніе состоянія Французской Республики, представленное Консулами Законодательному Корпусу при нынѣшнемъ его открытіи.

Происшествія не обманули ожиданій Правительства. Законодательный Корпусъ, возвращаясь къ трудамъ своимъ, находитъ Республику сильнѣе единодуши-

емъ гражданъ, дѣятельнѣе въ ея промышленности, надежнѣе на свое благоденствїе.

Исполненїе Конкордата, на которомъ враги общественнаго добра основывали еще гибельную надежду свою, имѣло *почти* везде щастливѣйшее дѣйствїе. Правила Религїи мудрой, гласъ верховнаго Начальника духовенства и твердость Правленїя уничтожили всѣ препятствїя; взаимныя жертвы соединили служителей Олтаря. Церковь Галликанская воскресаетъ мудростїю и согласїемъ, и щастливая перемѣна видна уже въ общественныхъ нравахъ. Мнѣнїя и сердца сближаются; дѣти охотнѣе повинуются гласу родителей, юноши власти чиновниковъ, и законъ рекрутскаго набора (*) вѣрно исполняется тамъ, гдѣ прежде одно имя его возмущало умы; служить отечеству есть также обязанность Религїи.

Въ Департаментахъ, обозрѣнныхъ Первымъ Консуломъ, онъ видѣлъ вездѣ обращенїе къ тѣмъ важнымъ правиламъ, которыя суть основанїе гражданскаго щастїя; вездѣ Французы гордятся народною славою, чувствуютъ выгоды равенства, благословляютъ миръ и возстановленїе

(*) Конскрипцїя, какъ говорятъ во Францїи.

Религіи; ихъ спасительное дѣйствіе привязало сердца къ Республикѣ и Конституціи. Долгъ Правленія есть питать сіе щастливое расположеніе.

Народное ученіе, необходимая подпора общества, есть предметъ ревностныхъ желаній. Уже открываются Лицеи; уже многія частныя школы заступаютъ мѣсто второстепенныхъ училищъ. Всѣ граждане знаютъ, что нѣтъ щастія безъ разума, и что безъ талантовъ и познаній можетъ быть только одно равенство бѣдности и рабства. — Воинская школа наполнится юными защитниками отечества. Они, какъ воины, привыкнутъ жить въ станѣ, въ трудахъ и дѣятельности; повинуясь, узнаютъ искусство начальствовать и войдутъ въ полки съ укрѣпленными силами, дисциплиною, знаніями и талантами. — Въ Лицеяхъ и въ воинской школѣ молодые люди вновь-присоединенныхъ Департаментовъ будутъ воспитываться вмѣстѣ съ юношами старой Франціи. Сліяніе умовъ и нравовъ, характеровъ и навыковъ, личныхъ выгодъ и надеждъ, произведетъ сіе братство, которое изъ разныхъ народовъ составитъ одинъ народъ, опредѣленный по его мѣсту, храбрости и добродѣтелямъ, быть связію и примѣромъ Европы. — Народный Инспи-

тутъ такъ преобразованъ, что онъ впредь долженъ имѣть болѣе влїянїя на характеръ народа, языкъ, науки, искусства и словесность.

Для твердости нашихъ учрежденїй и для удаленїя отъ взора гражданъ сего *фантома раздоровъ*, который еще являлся имъ при всякомъ новомъ избранїи верховныхъ чиновниковъ, друзья отечества желали утвердить Перваго Консула на всю жизнь въ семъ достоинствѣ; вопрошенный народъ согласился съ ними, и Сенатъ торжественно объявилъ волю Францїи.

Система избирательныхъ росписей (listes d'éligibilité) не могла выдержать дѣйственнїй опыта. Образованїе Сената было несовершенно. Народныя судилища не имѣли гармонїи и силы, а Францїя великаго *права миловать*, необходимаго въ судахъ человѣческихъ. Сколько нещастныхъ жертвъ погибло отъ непреклонной строгости, которою мудрые укоряли наши законы! Сколько виновныхъ осталось безъ наказанїя, отъ самой чрезмѣрной жестокости наказанїй! . . . Опредѣленїе Сената возвратило народу право избранїя, данное ему первымъ Собранїемъ Депутатовъ, но оградило его нужными предосторожностями, утвердивъ влїянїе собственности

и разума. Пусть Республика лишится теперь своихъ главныхъ чиновниковъ; должности и права Сената означены; надежные, законные уставы отвѣтствуютъ за мудрость и свободу его выбора; а скорость сего выбора отвращаетъ пронырство властолюбія и безпорядки анархіи. Время утвердитъ постановленіе, столь благотворное и спасительное; оно будетъ концемъ всѣхъ безпокойствъ, всѣхъ надеждъ, и славнѣйшею наградою, обѣщаемою заслугамъ и народнымъ добродѣтелямъ. — Правосудіе одною цѣпію обьемлетъ всѣ судилища; они свободны, независимы отъ власти людей, но всегда зависятъ отъ законовъ. *Право миловать* дано главному Чиновнику; но онъ пользуется имъ только въ глазахъ Совѣта. — Естьли объ уставахъ должно судить по ихъ дѣйствіямъ, то ничто не могло быть важнѣе *органическаго опредѣленія* (*) Сената. Оно успокоило народъ Французскій, возвратило собственности ея первобытную цѣну, оживило предпріятія торговли. Прежде все еще казалось невѣрнымъ; любили настоящее, но сомнѣвались въ будущемъ,

(*) Такъ называютъ актъ Сената, который распространилъ власть Консула и назначилъ, какъ избирать его преемниковъ.

и враги отечества надѣялись; съ сего времени они могутъ только ненавидѣть, но злоба ихъ безсильна.

Островъ Эльбы, уступленный Франціи, поддался ей съ народомъ добродушнымъ, промышленнымъ, съ двумя прекрасными гаванями и съ богатою миною; но отдѣленный отъ Республики, онъ требовалъ особеннаго образованія, и правила должны были уступить необходимости. — Король отказался отъ Піемонта: воля народа и обстоятельства подчинили его Франціи. Окруженный разными народами и составленный изъ частей разныхъ, Піемонтъ не могъ снести ни собственной независимости, ни издержекъ Монархіи. Соединенный съ Франціею, онъ будетъ наслаждаться безопасностію и величіемъ; его граждане, трудолюбивые, просвѣщенные, воспользуются своими талантами въ нѣдрахъ Искусствъ и мира.

Внутри Франціи царствуетъ тишина. Дѣятельность правленія и благоразумное усердіе гражданъ истребили разбойниковъ. Чужестранецъ завидуетъ безопасности нашихъ дорогъ и сей общественной власти, которая невидимо хранитъ его.

Въ теченіе года труднаго (*), среди общаго недостатка, бѣдный не сомнѣвался въ попечительности дѣятельнаго Правительства; терпѣливо сносилъ нужду и принялъ съ благодарностію вспоможеніе, котораго ожидалъ съ довѣренностію.

Наше земледѣліе успѣваетъ и можетъ равняться съ славнѣйшимъ земледѣліемъ въ Европѣ. Во всякомъ Департаментѣ есть искусные хлѣбопашцы, которые учатъ другихъ наставленіемъ и примѣромъ. — Наши фабрики размножаются и скоро могутъ спорить съ лучшими иностранными. Для успѣха ихъ недостаетъ только дешевыхъ капиталовъ; но съ нѣкотораго времени сіи капиталы выходятъ уже изъ опасной сферы лихоимства и обращаются на земледѣліе и полезныя предпріятія. Болѣе двадцати тысячь Французскихъ ремесленниковъ, разсѣянныхъ по Европѣ, возвращены отечеству благодѣяніями Правительства для оживленія фабрикъ. Главная изъ нихъ, воспитанная Геніемъ Кольбера, скрывалась подъ развалинами Лїонскими: Правительство всячески старалось воскресить ее. Лїонъ оживаетъ для блеска и роскоши:

(*) Во многихъ Департаментахъ пропалъ виноградъ и хлѣбъ дурно родился.

уже фабриканты его налагаютъ дань на избытокъ Европы; но только роскошь Франціи можетъ быть вѣрнымъ источникомъ его успѣховъ. Непостоянство вкуса и модъ нашихъ должно питать иностранную роскошь: оно есть душа и жизнь безчисленнаго множества людей, которые безъ того погрузились бы въ бездну разврата и нищеты.... (NB. *Слѣдуетъ описаніе всего, что Правительство сдѣлало и еще намѣрено сдѣлать для удобнаго сообщенія, сухопутнаго и водянаго, во Франціи; мы выпускаемъ сіи подробности.*)

Острова Мартиника, Табаго, Святая Луція, намъ возвращены со всѣми богатствами. Завоеванная, усмиренная Гваделуна воскресаетъ для промышленности. Гвіана выходитъ изъ своего долговременнаго дѣтства и примѣтнымъ образомъ возрастаетъ. Островъ Сен-Домингской былъ покоренъ, и главный мятежникъ находился во власти Франціи; но ужасная болѣзнь ввергла сію Колонію въ новыя бѣдствія, которыя должны скоро прекратиться. Корабли отправляются въ Ильде-Франсъ и въ Индію. Морская торговля наша возобновляетъ старыя связи свои, заводитъ новыя и дѣлается смѣлѣе отъ опытовъ. Марсель надѣется возвратить древнее свое первенство на Средиземномъ морѣ.

Въ арміяхъ нашихъ, сухопутныхъ и морскихъ, явны успѣхи знаній и дисциплины. *Семейственное* правленіе заступило мѣсто грабительства и разорительныхъ подрядовъ. Солдатъ, гораздо лучше одѣтый и питаемый, узналъ экономію, и деньги, имъ сберегаемыя, входя въ общественную казну, привязываютъ всякаго къ его знаменамъ, подобнымъ для воина семейству.

Всѣ доходы наши умножаются. Въ шестомъ году Республики было 50 милліоновъ въ недоимкѣ: нынѣ едва ли не достаетъ въ сборѣ и трехъ милліоновъ. Правительство печется о лучшемъ уравненіи налоговъ на земли, и скоро предложитъ Законодательному Корпусу убавить ихъ. Оно не имѣетъ большой довѣренности къ новымъ системамъ, вымышляемымъ часто неопытностію; ихъ основываютъ на примѣрѣ того народа, который чрезвычайными усиліями превысилъ всѣ мѣры налоговъ и государственныхъ издержекъ. Всякая перемѣна есть зло, когда нѣтъ очевидныхъ доказательствъ ея пользы. Только отъ времени и самаго основательнаго разсмотрѣнія Правительство ожидаетъ зрѣлости своихъ плановъ. Съ великимъ умноженіемъ доходовъ явились и великія потребности, которыхъ не льзя было предвидѣть: надлежало завоевать двѣ Коло-

нiи, надѣлить столицу и многiе Департаменты хлѣбомъ. По крайней мѣрѣ успѣхъ отвѣтствовалъ старанiямъ Правительства. — Счеты Министровъ Экономiи и Казначейства составятъ полную картину нашей *денежной системы*, которую Правительство съ равною довѣренностiю вручитъ друзьямъ и клеветникамъ своимъ, гражданамъ и чужестранцамъ.

Одобривъ будущiе расходы 12 лѣта, Законодательный Корпусъ займется важнѣйшими предметами. Надобно возстановить порядокъ въ нашей монетной системѣ; надобно издать новое учрежденiе для таможни; а всего нужнѣе издать наконецъ для Францiи *гражданское уложенiе*, давно обѣщанное, давно ожидаемое. Въ особенныхъ конференцiяхъ Членовъ Государственнаго Совѣта и Трибуната, одушевленныхъ одною любовiю къ истинѣ и благу, созрѣли мысли сего устава. То же чувство будетъ душею Законодателей, и Францiя получитъ законы мудрые и справедливые.

На твердой землѣ все обѣщаетъ намъ тишину и спокойствiе. Италiянская Республика, послѣ Лiонскаго собранiя, болѣе и болѣе утверждается братскимъ духомъ ея народовъ. Щастливое согласiе властей, внутреннее правленiе и воинская сила уже даютъ ей видъ и харак-

теръ долговременнаго политическаго бытія; и естьли мудрость сохранитъ ихъ, то благоденствіе ея должно возрастать въ теченіе временъ. — Лигурія, имѣя Конституцію *смѣшенную* (mixte), управляется гражданами извѣстными по ихъ добродѣтелямъ, свѣдѣніямъ и богатству. — Новые случаи потрясли Гельветическую Республику. Правительство долженствовало помочь сосѣдамъ, которыхъ спокойствіе важно для его спокойствія. Мы обязаны всячески утвердить успѣхъ нашего посредничества и щастіе народа, который, по его мѣстнымъ обстоятельствамъ, привычкамъ и выгодамъ, есть необходимый союзникъ Франціи. — Батавіи возвращаются нынѣ Колоніи, сохраненныя для нее миромъ. Она никогда не забудетъ, что Франція есть или полезнѣйшій другъ ея, или самый гибельный непріятель. — Въ Германіи исполняются послѣднія условія Люневильскаго трактата. Прусеія, Баварія и всѣ Принцы свѣтскіе, имѣвшіе владѣніе на лѣвомъ берегу Рейна, получаютъ на правомъ замѣны. Домъ Австрійскій пріобрѣтаетъ въ Зальцбургѣ, Айхштетѣ, Тридентѣ, Бриксенѣ и большой части Пассау, гораздо болѣе того, чего онъ лишился въ Тосканѣ. Такъ щастливымъ содѣйствіемъ Франціи и Россіи соглашены

всѣ надежныя пользы, и Нѣмецкая Имперія, столь необходимая для равновѣсія и спокойствія Европы, выходитъ изъ бурнаго смятенія (которое угрожало ей совершенною гибелію) гораздо сильнѣе прежняго, будучи нынѣ составлена изъ элементовъ сообразнѣйшихъ, лучше сліянныхъ и соглашенныхъ съ новыми обстоятельствами и мыслями нашего вѣка.

Французскій Посолъ въ Константинополѣ; онъ долженъ возобновить наши связи съ Имперіею, которая по видимому готова къ паденію, но которую мы обязаны для выгодъ своихъ поддержать и снова утвердить на ея основаніи.

Англійскія войска все еще въ Александріи и въ Мальтѣ. Правительство могло на то жаловаться; но ему сказываютъ, что корабли, назначенныя перевезти ихъ въ Европу, находятся уже въ Средиземномъ морѣ.

Правительство *ручается* народу за миръ твердой земли, и *можетъ надѣяться*, что онъ продолжится и на морѣ. Сей миръ есть потребность и желаніе всѣхъ народовъ: Правительство для сохраненія его употребитъ все согласное съ народною честію, существенно связанною съ вѣрнымъ исполненіемъ трактатовъ. — Но въ Англіи двѣ партіи спорятъ о власти.

Одна заключила миръ и желаетъ, кажется, сохранить его; другая клялась ненавидѣть Францiю: вотъ причина непостоянства во мнѣнiяхъ и въ Совѣтахъ, — то мирнаго, то грознаго расположенiя! Пока сiе несогласiе продолжается, благоразумiе требуетъ отъ насъ мѣръ осторожности. Пять сотъ тысячь воиновъ готовы быть защитниками и мстителями Республики. Странная необходимость, низкими страстями предписываемая двумъ народамъ, для которыхъ равно выгодно жить въ мирѣ, и которые равно желаютъ сохранить его! — Но какъ бы въ Лондонѣ ни успѣло пронырство, другiе народы не войдутъ въ новые ужасы войны; одна же Англiя — (что Правительство можетъ сказать съ благородною гордостiю) — одна Англiя не въ силахъ противиться Францiи. — Но будемъ лучше надѣяться, что въ Британскомъ Кабинетѣ послѣдуютъ только совѣтамъ мудрости и человѣколюбiя! —

Такъ конечно: миръ болѣе и болѣе долженъ утверждаться. Сношенiя двухъ Правительствъ примутъ характеръ благоволенiя, сообразный съ ихъ взаимными выгодами. Щастливая тишина истребитъ память долговременныхъ бѣдствiй ужасной войны. Англiя и Францiя, стараясь о внутреннемъ своемъ благоден-

сіпвіи, заслужатъ признательность цѣлаго міра.

Первый Консулъ Бонапарте.
Секретарь Маре.

III.

Извѣстія и замѣчанія.

Французскій Законодательный Корпусъ собрался при стрѣльбѣ пушечной, и Министръ внутреннихъ дѣлъ, Шапталь, открылъ его пышною рѣчью; но гораздо важнѣе рѣчи Министра есть *изображеніе Реслублики*, представленное Консулами Законодателямъ. Надобно признаться, что сія картина блеститъ живостію красокъ и плѣняетъ воображеніе добрыхъ людей, которые искренно — и всѣмъ народамъ въ свѣтѣ — желаютъ успѣха въ трудномъ искусствѣ государственнаго щастія. Бонапарте, зная сердца людей, весьма кстати даетъ чувствовать, что онъ не забываетъ смертности человѣка, и думаетъ о благѣ Франціи за предѣлами собственной жизни его. (Que les premieres magiſtratures viennent à vaquer, les devoirs & la marche du Sénat ſont tracés, etc.) Такія черты всегда имѣютъ сильное дѣйствіе: хочется вѣрить искренности говорящаго, чтобы любить въ немъ твердость духа и

добродѣтель. Можно осуждать Бонапарте въ системѣ его правленія; однакожь надобно согласиться, что онъ имѣетъ рѣдкой талантъ повелѣвать людьми и государствами. — Читая съ удовольствіемъ сіе *изображеніе Республики*, мы замѣтили двѣ мысли, которыя не всякому покажутся справедливыми. Бонапарте говоритъ, что Англія *одна* безъ союзниковъ не можетъ нынѣ противиться Франціи: на сухомъ пути, такъ; но Великобританнія есть морская держава, и сражается на моряхъ, гдѣ всѣ соединенные флоты Европы не могли бы безъ дерзости вступить въ бой съ ея непобѣдимымъ флотомъ. Не справедливѣе ли будетъ сказать, что нынѣ одна только Англія въ силахъ воевать съ Французами безъ союзниковъ? Она всегда, когда захочетъ, можетъ отнять ихъ колоніи и заперетъ гавани; правда, что и ничего болѣе не сдѣлаетъ. Давно уже Францію сравниваютъ со львомъ, а Великобританнію съ китомъ: одинъ грозенъ на берегу, а другой на волнахъ; они взаимною злобою своею не причиняютъ большаго вреда другъ другу. — Вторая мысль Консулова, нами замѣченная, рѣшитъ важный вопросъ государственной Морали о пользѣ роскоши: онъ явно возбуждаетъ къ ней Французовъ, для успѣха Діонскихъ фабрикъ!! Жаль, что нѣтъ

уже на свѣтѣ Дидрота и его товарищей *Философистовъ*: какъ они обрадовались бы сему мнѣнію, основанному на ихъ системѣ! Обширность и важность предмета не дозволяютъ намъ вступить здѣсь въ его изслѣдованіе; скажемъ только одно: естьли роскошь не совмѣстна съ чистыми нравами людей, то хорошо ли Законодателю ободрять ее? можетъ ли частное добро перевѣсить общій вредъ? Въ Брешіи многіе люди питаются тѣмъ, что дѣлаютъ прекрасные ножи и кинжалы; но зная, что Италіянскіе Бандиты по большой части тамъ запасаются смертоноснымъ оружіемъ своимъ, доброй человѣкъ не можетъ любить Брешіанскихъ фабрикъ. Нравы должны быть основаніемъ и частнаго и государственнаго щастія; а мы сомнѣваемся въ благонравіи роскошной жены и матери. Когда умѣренность справедливо называется добродѣтелію, то роскошь есть вѣрно порокъ. Ошибки въ системахъ Писателя и Правителя имѣютъ не одинакія слѣдствія: Дидротъ былъ смѣшенъ, утверждая, что мотъ гораздо благодѣтельнѣе того человѣка, который питаетъ нищихъ; но Бонапарте законодатель милліоновъ!

Наконецъ торжественно обнародована новая Конституція Швейцаріи или *Актъ посредничества великаго Консула*

Французской Республики между несогласными партіями Гельвеціи. Она есть слѣдствіе многократныхъ его свиданій и переговоровъ съ Депутатами Швейцарскими; въ послѣдній разъ онъ восемь часовъ не вставалъ съ креселъ, разсуждая съ ними. Сей новый политическій уставъ весьма близокъ къ древнему Гельветическому: въ большихъ Кантонахъ должно быть двумъ Совѣтамъ, а малые или демократическіе управляются народнымъ собраніемъ, какъ и прежде. Союзомъ Гельвеціи будетъ Сеймъ, который ежегодно присутствуетъ въ одномъ изъ главныхъ шести Кантоновъ, по очереди: въ Фрейбургѣ, Бернѣ, Солёрѣ, Базелѣ, Цирихѣ и Луцернѣ. Главный чиновникъ Кантона, гдѣ собираются Депутаты (всегда 1 Іюня) именуется въ тотъ годъ *Ландманомъ Швейцаріи*; къ нему относятся иностранные Министры. Всѣ общія дѣла Гельвеціи рѣшатся Сеймомъ; но всякой Кантонъ имѣетъ свое законодательство и правленіе. Сія Конституція безъ сомнѣнія лучше всѣхъ бывшихъ: жаль только, что она *дана* Швейцарамъ. Подданство и фамильныя права уничтожаются: вотъ единственное отличіе сего устава отъ древняго! Собственность заступаетъ мѣсто привилегій рода и служитъ основаніемъ гражданскихъ правъ. — Въ заключеніи

Бонапарте говоритъ: „Сей уставъ, слѣд-„ствіе многихъ сношеній и переговоровъ „между людьми благоразумными и друзь-„ями добра, кажется намъ всего сообраз-„нѣе съ миромъ и щастіемъ Гельвеціи. „Какъ скоро онъ придетъ въ дѣйствіе, „Французскія войска изъ нее выступятъ. „Мы признаемъ Швейцарію независимою; „обязываемся хранить какъ союзную Кон-„ституцію, такъ и Кантонныя Правле-„нія, отъ враговъ спокойствія Гельвеціи; „кто бы они ни были, и обѣщаемся про-„должать связь благоволенія, которая „нѣсколько вѣковъ соединяла Французовъ „съ Швейцарами.“ — Увидимъ, можетъ ли Гельвеція еще воскреснуть для бытія народнаго! По крайней мѣрѣ политическая независимость ея на первый случай будетъ однимъ пустымъ словомъ: Франція предпишетъ ей путь и систему, отъ которыхъ она не дерзнетъ уклониться.

Полковникъ Деспардъ и шесть другихъ заговорщиковъ казнены въ Лондонѣ при великомъ стеченіи народа. Сей человѣкъ хотѣлъ съ помощію трехъ сапожниковъ, двухъ портныхъ и семи другихъ пьяницъ взять штурмомъ Лондонскую крѣпость (гдѣ всегда бываетъ многочисленный гарнизонъ), разогнать Парламентъ, уничтожить Конституцію и, короче сказать, завоевать Англію. Надо-

бно признаться, что никогда злодѣйство не бывало безумнѣе! и краснорѣчивый Адвокатъ Деспардовъ всего болѣе старался оправдать его нелѣпостїю предпрїятїя. Деспардъ казался равнодушнымъ и говорилъ на эшафотѣ рѣчь къ народу, увѣряя его въ своей невинности. Видно, что и при дверяхъ гроба человѣкъ можетъ еще обманывать другихъ или себя!

Бонапарте одержалъ великую побѣду въ Лондонѣ. Пельтье, Эмигрантъ, Роялистъ, осужденъ Англїйскими Присяжными (въ слѣдствїе жалобы Французскаго Министра) за то, что сей Журналистъ листами своими возбуждалъ Французовъ къ бунту противъ Консула и даже къ убїйству. Вѣроятно, что его запрутъ въ тюрму на 6 мѣсяцевъ. Такъ Правосудїе торжествуетъ въ Англїи; оно не знаетъ ни враговъ, ни друзей, а смотритъ на дѣло. Уймутся ли Лондонскїе Журналисты? ни мало; и въ самой день Пельтьерова осужденїя они нарочно болѣе прежняго бранили Консула въ листахъ своихъ. Бонапарте долженъ съ каждымъ изъ нихъ въ особенности имѣть процессъ, естьли хочетъ ихъ наказанїя. По крайней мѣрѣ Консулъ обязанъ отдать справедливость Англїйскимъ Министрамъ: они не хотѣли защитить виновнаго.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

АПРѢЛЬ 1803.

№ 7.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

ГУЛЬКЕМЪ,

Повѣсть.

(Сочиненіе Нѣмецкаго Автора Августа Лафонтена.)

Козрой умеръ; 70 дней жилъ Эссидъ *въ домѣ слезъ*, надъ могилою родителя своего; восшелъ на тронъ отеческій, и восклицанія народа раздались на горахъ Испаганскихъ. *Да благоденствуетъ Эссидъ, радость Персіи!* воззвалъ онъ, упавъ ницъ предъ юнымъ Монархомъ. Вокругъ ступеней трона лежали вельможи и цѣловали землю. Эссидъ принялъ благословенія народныя съ веселымъ лицомъ чистаго сердца, съ пылающими глазами удовольствованнаго честолюбія и съ гордою

душею человѣка, хотящаго быть справедливымъ.

Онъ велѣлъ Гассану мудрому итти во дворецъ за собою — бросился тамъ въ его объятія и сказалъ: „ты былъ наставникомъ и другомъ Козроя: будь теперь моимъ!“ . . . . Гассанъ преклонилъ голову, отвѣтствуя: „Государь! я стою при дверяхъ гроба; скоро Ангелъ смерти проводитъ меня къ отцу твоему: что велишь ему сказать?“ . . . Эсидъ, подумавъ, отвѣчалъ: „скажи, что я хочу блаженствовать щастіемъ моихъ подданныхъ“. . . . „Всемогущій да исполнитъ твое желаніе! сказалъ Гассанъ: ты Царь, и твори щастливыхъ; ты человѣкъ, и будь щастливъ!“ . . . Эсидъ съ видомъ благоволенія подалъ руку Гассану, и мудрый поцѣловалъ ее съ умиленіемъ; но вздохнулъ и примолвилъ: „Государь! ты узнаешь, какъ трудно быть Царемъ и человѣкомъ!“ . . . Эсидъ отвѣтствовалъ съ улыбкою: „сыну Козроеву и другу Гассанову не трудно!“

Гассанъ жилъ еще мѣсяцъ, и готовясь заснуть сномъ вѣчнымъ, произнесъ тихимъ голосомъ: „будь человѣкъ для своего щастія!“ Эсидъ облобызалъ умирающаго, и Гассанъ отдалъ ему запечатанную харпію, говоря: „Когда не будешь щастливъ, то распечатай; и най-

дешь правила, которымъ слѣдуя, отецъ твой наслаждался жизнїю. Прости!" . . . Эссидъ со слезами закрылъ глаза мудрецу — и еще на могилѣ его повторилъ клятву творить людей щастливыми.

Онъ сдержалъ слово, и не только въ указахъ подписывался отцемъ народа, но и въ сердца подданныхъ впечатлѣлъ сїе имя. Самыя отдаленныя области цвѣли его благотворенїемъ, ибо Монархъ два раза въ годъ путешествовалъ по всему Государству, строго наказывалъ вельможъ неправосудныхъ и зналъ бѣдныя хижины не менѣе своего дворца великолѣпнаго. Лесть не дерзала забавлять его богатыми пиршествами, но вся Персїя торжествовала праздникъ общаго благоденствїя — и черезъ два года Эссидъ видѣлъ уже вездѣ людей щастливыхъ, которые справедливо именовали его творцемъ ихъ щастїя. Путешествїе Монарха въ третїй годъ царствованїя было торжественнымъ шествїемъ среди полей обработанныхъ, городовъ цвѣтущихъ, деревень веселыхъ и миллїоновъ радостныхъ, которые, упадая предъ нимъ, восклицали: *отецъ нашъ!* Эссидъ возвратился; спѣшилъ къ могилѣ Гассановой и сказалъ съ умиленїемъ: „Гассанъ! я не преступилъ клятвы; сдѣлалъ

Персовъ щастливыми, и самъ блаженствую!"

Онъ дѣйствительно чувствовалъ себя блаженнымъ, или, лучше сказать, совсѣмъ себя не чувствовалъ, занимаясь безпрестанно государственными дѣлами; но когда число ихъ уменшилось — когда добродѣтельные вельможи, имъ образованные, и самъ народъ облегчилъ трудъ его — тогда Эссидъ имѣлъ уже болѣе свободнаго времени. Любовь Персовъ веселила его, какъ и прежде; — сельскіе праздники, которые вездѣ сопутствовали ему въ путешествіяхъ, еще были пріятны душѣ Монарха; но они казались ему уже не наградою за труды, а только народнымъ веселіемъ, въ которомъ онъ могъ участвовать единственно по добротѣ своего сердца.

Эссидъ захотѣлъ особенныхъ, личныхъ наслажденій. Сераль его былъ наполненъ красавицами; но долго обычай, а не любовь приводила его къ красавицамъ. Наконецъ онъ бывалъ уже чаще съ ними. Всѣ желали страстно взоровъ его и пылали къ нему почтительною любовію. Эссидъ наслаждался — но скоро охладѣлъ въ душѣ, и долженъ былъ упрекать себя нечувствительностію къ любви прелестныхъ женъ своихъ.

Однажды Эссидъ, гуляя въ саду, увидѣлъ Заиду, юную невольницу, которая сидѣла на травѣ въ горестной задумчивости и плакала. Прежде онъ не замѣчалъ ее: блѣдное лицо, печальный видъ и слезы украсили невольницу въ глазахъ Монарха. „Заида! ты плачешь?“ сказалъ Эссидъ. . . Она спѣшила отереть покрываломъ слезы, и старалась весело улыбнуться. — Ты печальна? — „Можно ли, Государь, печалиться тамъ, гдѣ ты?“... Но Эссидъ видѣлъ еще новыя слезы въ глазахъ ея... „Развѣ тѣ одни нещастливы, которыхъ не удостоиваешь своего вниманія!“ . . . Эссидъ взялъ ее за руку, и съ улыбкою спросилъ: для чего же не старалась ты обратить его на себя?... Заида потупила глаза въ землю, тихонько отняла руку свою, и сказала: я не привыкла искать любви. . . . И такъ я прошу твоей! отвѣтствовалъ Эссидъ, и снова взялъ ея руку. Заида вздохнула, задумалась и тихо отвѣчала; „естьли ты найдешь ее.“ . . .

И Монархъ рѣшился найти любовь невольницы. Онъ всякое утро посылалъ ей богатые дары, давалъ въ честь ея великолѣпные праздники, велѣлъ Султаньшамъ чтить Заиду; но Заида казалась печальною. Наконецъ, осыпанная его

благодѣяніями, она сказала ему: „ты заслужилъ мое сердце; я люблю тебя!“... И Монархъ обнялъ ее съ живѣйшею радостію, воскликнувъ: о Гассанъ! теперь знаю, что есть щастіе! я люблю и любимъ!

Но первая Султаньша съ лукавою усмѣшкою сказала ему: „Заида любитъ не тебя, Государь, а твоего невольника Омара! вотъ причина ея всегдашней горести!“... „Омара? воскликнулъ Эссидъ съ великимъ гнѣвомъ: нещастная!... Гдѣ онъ? Да явится въ сію минуту для своей погибели!“

Омаръ пришелъ.... Между тѣмъ Эссидъ успокоился. Ты любишь мою невольницу? спросилъ онъ: какъ вы могли узнать другъ друга? — „Она дочь моего сосѣда. Мы всякой день видались въ саду отца Заидина.“ — Чѣмъ ты заслужилъ любовь ея? — „Любовію, почтеніемъ, горестію.“ — А естьли она измѣнила тебѣ? — „Невозможно, или мнѣ остается умереть.“... Эссидъ велѣлъ призвать Заиду и сказалъ ей: избери меня или его!... Заида поблѣднѣла; взглянула съ кроткимъ смиреніемъ на Царя, съ нѣжною горестію на Омара; упала къ ногамъ Эссидовымъ и сказала: „Государь! прости его и будь доволенъ моею смертію!“...

Она схватила кинжалъ; но Эссидъ и Омаръ вмѣстѣ вырвали его изъ рукъ ея... За что ты полюбила невольника? спросилъ Монархъ. — „За то, что онъ полюбилъ меня.“ — Для чего же моя любовь не могла тебя тронуть? — „Государь! дерзаю быть откровенною: любовь требуетъ равенства!“ — Но какъ же любятъ меня другія Одалиски? — Заида молчала. . . . Или ты думаешь, что онѣ меня обманываютъ? — „Я знаю только мое сердце“ . . . Знай же и сердце твоего Монарха! сказалъ Эссидъ съ жаромъ: возьми всѣ дары мои и будь супругою Омара. Юноша! ты заставилъ меня въ первый разъ позавидовать другому человѣку: ибо она хотѣла умереть за тебя. Поди и наслаждайся! . . . Царь остался наединѣ и мыслилъ: „Гассанъ! ты сказалъ правду: трудно быть Монархомъ — и щастливымъ! Можетъ быть Заида права; можетъ быть онѣ любятъ во мнѣ одного Царя. Завтра узнаю.“

На другой день Эссидъ съ ужасомъ вошелъ въ комнату нѣжнѣйшей своей любовницы и сказалъ: „Ради Аллы сокрой меня, или я погибъ!“ Любовница скрыла его. Въ сію минуту вбѣгаютъ два вельможи, приставляютъ кинжалъ къ Султаньщиной груди и восклицаютъ

съ гнѣвомъ: „гдѣ Эссидъ? онъ долженъ умереть!“ . . . *Здѣсь, здѣсь!* говоритъ Султаньша дрожащимъ голосомъ: *только пощадите меня!* . . . Эссидъ вышелъ и сказалъ ей съ холоднымъ презрѣніемъ: „удались навѣки! любовь въ устахъ твоихъ есть гнусное злословіе . . . О Заида! ты права!“ . . .

Эссидъ въ тотъ же день отпустилъ всѣхъ женъ своихъ. Онѣ пошли съ радостію, ибо онъ дозволилъ имъ взять сокровища. Гассанъ! Гассанъ! мыслилъ Царь: нѣтъ щастія на тронѣ! Но гдѣ же искать его? Я отдалъ бы всѣ богатства за одно сердце, меня любящее!

Потерявъ надежду имѣть любовницу, Эссидъ началъ сомнѣваться и въ искренности друзей своихъ. Ихъ почтеніе, ревность, усердіе, перестали ему казаться дружбою. Любезнѣйшему изъ нихъ онъ сказалъ въ одинъ вечеръ: „Ясуфъ! клянись быть истиннымъ моимъ другомъ; забудь во мнѣ Царя. Я для тебя человѣкъ, и никогда, никогда не буду Монархомъ!“ . . . Ясуфъ положилъ руку на сердце и клялся быть Эссидовымъ другомъ.

Черезъ нѣсколько дней Царь сказалъ ему: „Ясуфъ! сердце мое пылаетъ любовію къ юной супругѣ Галемовой: лети, и черезъ нѣсколько минутъ будь съ нею

во дворцѣ моемъ!“... Ясуфъ поблѣднѣлъ. Государь! отвѣтствовалъ онъ въ изумленіи: Галемъ есть добродѣтельный вельможа. Можешь ли ты, зерцало справедливости... „Я люблю, дражайшій Ясуфъ; и естьли ты мой другъ, то помоги мнѣ“ ... Я другъ твой, и не могу согласиться на дѣло постыдное. — — Эссидъ топнулъ ногою и грознымъ голосомъ воскликнулъ: „жену Галемову или твою голову!“ ... Ясуфъ скрылся, и черезъ нѣсколько минутъ привелъ въ Сераль жену Галемову. Монархъ велѣлъ ей немедленно возвратиться къ супругу; взглянулъ на Ясуфа съ горестію и сказалъ ему: „Ты не хотѣлъ сдѣлать для Эссида, что сдѣлалъ для Царя. Поди, Ясуфъ! ты не другъ мой, а рабъ Монарха Персидскаго!“ .... Иду, отвѣтствовалъ Ясуфъ съ трепетомъ: но естьли бы ты самъ любилъ во мнѣ друга, а не подданнаго, то не могъ бы столь равнодушно удалить меня отъ твоего сердца. ...

Эссидъ не хотѣлъ уже обходиться съ людьми, ибо самъ не могъ быть человѣкомъ. Съ того времени онъ былъ только Монархомъ и любилъ одну добродѣтель: правосудіе. Но благоволеніе и любовь не смягчали судовъ его, и справедливость Монарха казалась народу жесто-

костїю. Начали увеличивать его ошибки, уменьшать добродѣтели, и Царь гнѣвно воскликнулъ: „гнусныя души! вы недостойны ночей, проводимыхъ мною въ трудахъ для вашего блага!“... Онъ сдѣлался въ самомъ дѣлѣ жестокимъ, ибо возненавидѣлъ людей.

Открылся заговоръ въ столицѣ, и головы падали. Народъ изъявлялъ ненависть къ Монарху, и подъ щитомъ ея корыстолюбивые начали грабить, сильные угнетать слабыхъ, въ увѣренїи, что народъ будетъ винить только Государя. Эссидъ наказывалъ преступниковъ, но не могъ истребить преступленїя. Тронъ сдѣлался его нещастїемъ, ибо онъ обратился въ губительное судилище. Открылся явный мятежъ въ государствѣ: Эссидъ поразилъ мятежниковъ — и новые ожидали меча его въ столицѣ.

„Боже мой!“ воскликнулъ Монархъ въ одинъ вечеръ, послѣ казни многихъ бунтовщиковъ: „долго ли мнѣ наказывать? долго ли разить сихъ лютыхъ тигровъ? Пусть они терзаютъ другъ друга, когда ненавидятъ мое правосудїе!“... Онъ велѣлъ двумъ невольникамъ нести за собою мѣшки съ золотомъ и камнями драгоцѣнными, сѣлъ на лошадь, выѣхалъ изъ своей Имперїи, какъ заключенный

выходитъ изъ темницы, и спѣшилъ въ Аравію.

„Здѣсь буду жить!“ сказалъ онъ на цвѣтущей долинѣ, осѣненной пальмами: „здѣсь забуду, что есть на свѣтѣ люди, кромѣ меня“... Невольники разставили шатеръ въ тѣни четырехъ пальмъ; онъ далъ имъ часть своего золота и велѣлъ удалиться.

Эссидъ остался одинъ, взялъ сокровища и понесъ ихъ въ пещеру. Между ими нашелъ онъ Гассанову хартїю; вспомнилъ его слова; сѣлъ въ тѣни высокихъ пальмъ и читалъ слѣдующее:

„Эссидъ! Всевѣчный да исполнитъ мою надежду! Да будутъ миллїоны подданныхъ тобою щастливы, и смерть покажется тебѣ Ангеломъ райскимъ!... Ты недоволенъ рокомъ своимъ, когда читаешь мое письмо: сїя мысль для меня горестна. Я сказалъ тебѣ: будь человѣкомъ для своего щастїя! и теперь то же повторяю. Трудно быть человѣкомъ, а всего труднѣе на престолѣ. Блаженство жизни основано Всевѣчнымъ на *добродѣтели*, *любви и дружбѣ*. Добродѣтель требуетъ жертвъ собственности, а Монархъ отдаетъ не свое; будучи правосуднымъ, онъ исполняетъ только свою должность, и еще не можетъ назваться превосходнымъ

человѣкомъ. Для сердца твоего нужна любовь, для души святая дружба. Самовластитель окруженъ слугами; но слуги не друзья. Любострастїе предлагаетъ ему свои удовольствїя; но любострастїе не любовь. Умѣй заслужить друга и любовницу! Они должны забыть Царя въ человѣкѣ. Не давай имъ золота: оно не твое. Отдай, что единственно принадлежитъ тебѣ: сердце. Одною любовїю и дружбою купи любовь и дружбу. Естьли великая душа твоя можетъ обойтися безъ ихъ удовольствїй, то будь щастливъ мыслїю, что миллїоны тобою щастливы, и не требуй отъ нихъ никакой награды. Когда же сердце твое противъ людей ожесточится, то оставь престолъ и сокройся въ неизвѣстности: тамъ скорѣе можно быть щастливымъ, ибо тамъ живетъ добродѣтель, любовь и дружба. Прости, Эссидъ!"

Эссидъ два раза прочиталъ Гассаново письмо — и терялся въ лабиринтѣ мыслей: то желалъ возвратиться на тронъ, чтобы снова благотворить людямъ; то надѣялся въ неизвѣстности вкусить истинное щастїе смертнаго — воспоминалъ жизнь свою, видѣлъ заблужденїя и старался оправдать себя. Какъ! думалъ онъ: развѣ я не любилъ подданныхъ?

развѣ не жертвовалъ имъ всею жизнїю? Неблагодарные! чѣмъ они заплатили своему другу?... Но, можетъ быть, они раскаялись, потерявъ отца и Государя; можетъ быть, признательнымъ воспоминанїемъ награждаютъ теперь любовь мою!

Сїя мысль, лестная для Эссидова самолюбїя, такъ усилилась въ душѣ его, что онъ рѣшился тайно возвратиться въ отечество; зарылъ свое золото, выкрасилъ себѣ лицо и волосы, и подъ именемъ Гулькема явился въ Персїи. Несогласїе и раздоры царствовали въ государствѣ. Не многїе желали Эссидова возвращенїя; другїе только хвалили его или бранили, слѣдуя своимъ личнымъ выгодамъ; нѣкоторые называли тираномъ. Онъ пришелъ въ Испагань, думая, что многїе люди, осыпанные нѣкогда его милостями, благословляютъ тамъ Эссидову память; но къ изумленїю своему нашелъ въ столицѣ только одного друга — и сей другъ былъ Омаръ.

Хотѣли избирать новаго Царя. Одинъ Омаръ противился сему намѣренїю и требовалъ, чтобы еще годъ ожидали Эссидова возвращенїя. Царя избрали, и великодушный Омаръ воскликнулъ: „Естьли не могу служить Эссиду, то по крайней мѣрѣ могу быть его мстителемъ!“

Онъ махнулъ кинжаломъ — и вонзилъ его въ сердце новому Царю. Народъ въ ту же минуту растерзалъ убїйцу. Гулькемъ поднялъ глаза къ небу и тихо сказалъ: „у меня былъ другъ; но я узналъ и потерялъ его въ одно мгновенїе!“... Онъ спѣшилъ въ домъ къ Омару: Заида стояла у дверей, и сосѣдъ разсказывалъ ей о печальномъ концѣ мужа ея. Она воскликнула: „Слава Небу! и я могу умереть за Эссида!“... Заида пронзила грудь свою кинжаломъ.

Эссидъ, пораженный быстрыми ударами судьбы, стоялъ въ изумленїи. Сестра Заидина выбѣжала изъ дому, съ крикомъ бросилась на ея тѣло, обнимала, цѣловала мертвую и лишилась памяти. Никто не смѣлъ помочь ей, боясь родственниковъ умерщвленнаго Царя. Эссидъ взялъ нещастную на руки, вынесъ изъ города, сѣлъ подлѣ колодезя, окропилъ ее водою — и Зюлима открыла томные, прелестные глаза свои.

Эсеидъ сказалъ ей имя свое — имя Гулькема — звалъ ее жить съ собою въ пустыню, и клялся быть нѣжнымъ братомъ ея. Они черезъ нѣсколько дней пришли въ шатеръ Эссидовъ. Красавица занялась хозяйствомъ, и мало по малу облака горести исчезли на лицѣ ея.

Душа Зюлимы была одна изъ тѣхъ прелестныхъ, невинныхъ душъ, которыя не имѣютъ понятія о злѣ и считаютъ всѣхъ людей друзьями; хотятъ жить единственно для себя, но живутъ только для ближнихъ, и думаютъ о другихъ. Она видѣла Эссидово стараніе угождать ей, и ни мало не удивлялась. Онъ построилъ бесѣдку, украсилъ ее розами и ясминами, ввелъ Зюлиму въ сіе жилище, и надѣялся, что она хотя нѣжнымъ взоромъ изъявитъ ему благодарность; но Зюлима только сказала: „прекрасно! я буду здѣсь съ утра до вечера."

Всякой день, сдѣлавъ что нибудь для прелестной, онъ спрашивалъ: Зюлима! естьли бы Омаръ былъ живъ, то хотѣла ли бы ты возвратиться къ нему? и Зюлима отвѣтствовала: ахъ! съ какою радостію я возвратилась бы въ Испагань! — „И меня бы здѣсь оставила?" — Ты могъ бы итти со мною! — „Нѣтъ." — И такъ мы ходили бы къ тебѣ въ гости. — — Тулькемъ огорчался ея холодностію и думалъ: „О Гассанъ! гдѣжь любовь, которую ты обѣщалъ мнѣ въ неизвѣстности?" Онъ не видалъ, что Зюлима уже любила его; не видалъ, какъ она безпокоилась въ разлукѣ съ нимъ, и съ какимъ весельемъ всякой разъ летѣла

къ нему на встрѣчу! Зюлима хотѣла бы оживить Заиду, чтобы говорить съ нею объ одномъ Гулькемѣ! Но она говорила только о Заидѣ, и бѣдный любовникъ крушился.

Гулькемъ сидѣлъ подлѣ красавицы, взялъ ея руку, прижалъ къ своему сердцу — и Зюлима улыбалась. Онъ всталъ, устремивъ на нее мрачный взоръ безпокойной любви: Зюлима смотрѣла на него большими, свѣтлыми глазами, и засмѣялась. Онъ далъ ей шелковый поясъ: она носила его только одинъ день — и Гулькемъ сказалъ ей: ты не любишь меня! Зюлима отвѣчала съ усмѣшкою: ты не знаешь, что говоришь!

Гулькемъ занемогъ отъ горести, и Зюлима покойно спросила: „здоровъ ли братъ мой?“ Онъ подалъ ей руку, и сказалъ: „я боленъ, и скоро умру!“ Зюлима поблѣднѣла, затрепетала, и могла только отвѣтствовать: „нѣтъ, я умру прежде!“

Гулькемъ прижалъ ее къ своей груди, цѣловалъ съ восторгомъ и едва могъ успокоить. Она сидѣла подлѣ него и плакала отъ нѣжности. Мысль о смерти единственнаго друга оживила любовь ея. „Что мнѣ дѣлать безъ тебя въ свѣтѣ?“ говорила Зюлима: „одна мысль о разлукѣ съ тобою ужасна“.... Съ той минуты они

не разлучались, и ложе болѣзни сдѣлалось брачнымъ.

„Гассанъ! ты сказалъ правду!“ думалъ Гулькемъ, нѣжно обнимая супругу: „щастїе есть любовь; и клянусь Пророкомъ, что мнѣ уже ничего не надобно — ни друга, ни добродѣтели — для совершеннаго блаженства. Зюлима есть другъ мой, а любовь добродѣтель.“

Такъ жилъ щастливый Гулькемъ три года. Зюлима родила ему дочь: новый союзъ нѣжности!.. Хозяйственныя заботы умножились: мать занималась дочерью, и Гулькемъ не рѣдко оставался одинъ безъ дѣла.

Ближнимъ сосѣдомъ его былъ молодой Арабъ. Гулькемъ иногда ходилъ къ нему въ гости, и полюбилъ говорить съ нимъ. Они разсуждали о правилахъ мудрости и благоденствїи людей. Молодой Арабъ думалъ несогласно съ Гулькемомъ, и съ великимъ жаромъ утверждалъ свои мнѣнїя. Часто разставались они въ твердомъ намѣренїи никогда уже не видаться. Абулъ — такъ назывался Арабъ — мыслилъ, что надобно быть добродѣтельнымъ единственно для добродѣтели; что всѣ удовольствїя ничто; что дружба есть безразсудность, а любовь заблужденїе. „Я пекусь, о щастїи жены моей (говорилъ онъ)

не по любви къ ней, а для всемірнаго блага. У меня нѣтъ друзей; но я всегда пожертвовалъ бы другомъ своимъ непріятелю, естьли бы общая польза того требовала." Гулькемъ утверждалъ, что такая добродѣтель свойственна Божеству, а не людямъ, которыхъ чувствительное, но слабое сердце можетъ любить только по выбору, а не всѣхъ.

Хотя они съ великимъ жаромъ спорили, однакожь не могли жить другъ безъ друга. Абулъ, увѣряя, что онъ любитъ въ Гулькемѣ только человѣка и равно со всѣми, вдругъ переселился къ нему и разставилъ свой шатеръ подлѣ самаго жилища его. Гулькемъ твердилъ, что онъ не можетъ любить Абула; однакожь, не смотря на то, мучился во время болѣзни сего молодаго человѣка и не отходилъ отъ его ложа.

Наконецъ особенный случай открылъ имъ глаза. Персы напали на Арабскій караванъ, и всѣхъ людей умертвили: Арабы клялись отмстить Персамъ. Въ одинъ вечеръ Абулъ съ ужасомъ прибѣжалъ къ Гулькему и сказалъ ему: „мои братья хотятъ завтра умертвить тебя: спасайся!" Зюлима съ воплемъ бросилась въ объятія къ супругу, дочь обнимала колѣна отца. Въ ту же ночь Абулъ про-

водилъ ихъ за границу, и сказалъ: „Я исполнилъ долгъ человѣка и спасъ тебя; но впредь не кажись мнѣ на глаза, или заставишь меня пожертвовать тобою отечеству, котораго воля священна для гражданина.“ Онъ простился со слезами, и нѣсколько разъ возвращался увѣрять Гулькема дрожащимъ голосомъ, что ему должно будетъ выдать его Арабамъ.

Гулькемъ три дни прожилъ въ новомъ своемъ убѣжищѣ, и вдругъ ночью явился въ шатрѣ Абула, который съ радостнымъ изумленіемъ бросился къ нему въ объятія. „Я здѣсь, сказалъ Гулькемъ: мнѣ хотѣлось видѣться съ тобою. Предай меня, естьли хочешь!“ . . . „Тебя, моего друга? отвѣтствовалъ Арабъ: скорѣе самъ погибну! ты презираешь опасность, чтобы видѣть меня; а я навѣки оставляю страну свободы, чтобы жить съ тобою!“ Абулъ на другой день былъ уже за границею вмѣстѣ съ Гулькемомъ.

Они поселились въ окрестностяхъ Багдада, сдѣлались благотворителями людей и построили домъ, въ которомъ бѣдные находили пищу и отраду; двери его никогда не затворялись. Гулькемъ жилъ съ Зюлимою и другомъ въ хижинѣ, среди пальмовой рощи, на лугу ароматическомъ,

въ самой благословенной странѣ Азїатской. Онъ воспитывалъ дочь свою для любви и нѣжности.

Гулькемъ въ глубокой старости лишился Зюлимы и друга. Дочь осталась единственнымъ союзомъ его съ землею. Она была для него любезнымъ сновидѣнїемъ, которое отдаляетъ пробужденїе, украшая послѣднїя минуты утренняго сна.

Наконецъ дочь Гулькемова отдала сердце свое достойному юношѣ. Мудрый старецъ открылъ ему тайну щастїя и закрылъ глаза навѣки, утѣшаясь мыслїю, что оставляетъ сердце свое въ дочери, а богатства въ рукахъ благодѣтельнаго супруга ея, для утѣшенїя нещастныхъ.

Могила его видна близъ дороги Испаганской; на камнѣ вырѣзаны слова: *добродѣтель, любовь и дружество были моимъ щастїемъ.* Розы цвѣтутъ вокругъ могилы; изъ-подъ камня течетъ вода свѣжая и прозрачная. Тутъ построенъ большой Каравансерай, называемый и донынѣ *домомъ Гулькемовымъ.* На семъ мѣстѣ всѣ путешественники останавливаются, пьютъ чистую воду и благословляютъ память добродѣтельнаго.

II.

Меланхолическая прогулка одной молодой Россіянки.

(Издатель не знаетъ имени Сочинительницы, но знаетъ, что она умна и любезна; читатели то же узнаютъ. Вопреки всему, что сказано и написано противъ женщинъ-Авторовъ, ихъ творенія имѣютъ для насъ какую-то особенную пріятность.)

Въ половинѣ Августа 1800 году — въ то время, когда жестокая судьба ежедневно разила меня новыми ударами, и когда горести довели сердце мое до отчаянія — удаленная отъ свѣта, въ одинъ тихой и пріятной вечеръ ходила я въ полѣ, одна, далеко отъ дому, не чувствуя ни усталости, ни робости. Всѣ мысли мои были заняты бѣднымъ другомъ моимъ и нашими общими горестями. . . . Луна освѣщала неровные шаги мои; рѣдкія звѣзды блистали на темной тверди. Воображеніе мое устремилось наконецъ въ будущее; и мысль о вѣчности привела меня въ трепетъ. Я съ нѣкоторымъ ужасомъ измѣряла безпредѣльные милліоны вѣковъ. . . Но душа моя утѣшилась мыслію, что страданія наши временны. . . Временность! слово любезное, очаровательное для слуха нещастныхъ!..

И что есть нещастїе для смертнаго? минутная боль. . . Младенцы малодушные! (такъ называю всѣхъ людей) перестаньте жаловаться!

Правда, что судьба только манитъ человѣка удовольствїями, а въ самомъ дѣлѣ готовитъ ему на всякомъ шагу бѣдствїя; но довольно, что страданїя его временны, и что въ виду у насъ тихое пристанище. Взглянемъ впередъ и успокоимся!

Всесовершенному не угодно было произвести насъ для щастїя. „Люди живутъ и мучатся," сказалъ одинъ Философъ. Прибавимъ еще: „разсуждаютъ, умствуютъ, просвѣщаются" . . . Для чего? по крайней мѣрѣ не для щастїя! Сей великїй умъ, который паритъ подъ небесами, есть бѣдный рабъ земныхъ стихїй; головная боль можетъ въ одну минуту растопить крылья сего Икара: онъ упадетъ во прахъ ничтожества . . . Въ моей ли волѣ заставить молчать сердце, которое въ сїю минуту бьется гораздо сильнѣе обыкновеннаго? Отъ меня ли зависятъ даже собственныя мои желанїя? Могу ли перемѣнить свойства души моей, и сердцу, образованному для меланхолїи, сказать: „будь весело и беспечно?" . . . О Природа! ты конечно не велишь мнѣ отвѣтствовать за всесильный

произволъ твой — мнѣ, невольной исполнительницѣ каждаго твоего мановенія!... Естьли орудіе музыкальное испортится; естьли струны его порвутся, и весь искусный механизмъ разрушится: кто виновенъ? ... Къ щастію, не люди будутъ судить насъ; но Тотъ, для Кого причина и дѣйствіе есть одно! — — —

Стараніе избѣжать нещастій есть трудъ напрасный. По закону рока мы желаемъ, мучимся, наслаждаемся, вновь желаемъ, вновь мучимся, и цѣпь сія перерывается только во гробѣ. ... Мученія наши въ насъ самихъ, въ друзьяхъ нашихъ, въ злодѣяхъ и во всей Природѣ! Но, смертный, ожидай развязки!

Когда люди (твари чувствительныя и разумныя!) сверкаютъ кинжалами надъ головою другъ друга; когда злоба ихъ, подобно змѣѣ ядовитой, шипитъ, извивается вокругъ моего сердца; когда адскія Фуріи хохочутъ надъ моимъ отчаяніемъ: тогда — прости мнѣ, о Всевышній! — тогда бываю слаба; дерзаю роптать и жаловаться, смотря на небо! Но когда миролюбивая смерть, кроткая утѣшительница горестныхъ, явится моему воображенію съ видомъ ласковымъ и привѣтливымъ, съ обѣтомъ вѣрнаго успокоенія, съ надеждою темною, но милою

сердцу: тогда міръ съ его бѣдствіями кажется мнѣ только суетнымъ, а не ужаснымъ — люди нещастными, а не злобными. . . Смерть миритъ меня съ жизнію, и я повторяю: „что есть нещастіе временнаго человѣка?“ Скоротечны радости; но за то и горести не вѣчны! Самая причина ихъ истребляется отъ времени. . . Всегда ли сердце мое станетъ трепетать такъ сильно? Всегда ли обманчивыя надежды будутъ волновать слабую мою душу? . . . Нѣтъ! часъ разрушенія приближится, и пылкія страсти угаснутъ, воображеніе охладѣетъ и мечты оставятъ меня въ покоѣ. Придетъ время, и все минувшее забудется — еще здѣсь, на землѣ, забудется. . . Краска на щекахъ моихъ уже не будетъ изображать душевныхъ движеній; лучи глазъ моихъ притупятся, и всѣ прелести земныя лишатся для нихъ магической силы своей. . . . Прихоти сластолюбца и разумъ мудраго истощаются вмѣстѣ съ физическими силами и здоровьемъ. Такъ будетъ и со мною. Раздоры ума съ вѣтренымъ сердцемъ умолкнутъ. Повинуясь вѣчному уставу судебъ, охладѣю для горестей и радостей; наконецъ сіе *нѣчто мыслящее*, *умственное*, обратится въ нѣчто матеріальное; теплота, меня жи-

вящая, возвратится къ своему началу; а оставшійся тлѣнъ произраститъ розу или полынь!

Можетъ быть, въ сіе для меня спокойное, а для тебя горестное время, пойдешь ты, о мой другъ! въ ясную, лунную ночь питать свою меланхолію видомъ тихой Природы. Лучи кроткаго мѣсяца вольютъ въ твою душу томную нѣжность. Древесная тѣнь, пятнами лежащая на травѣ — мертвое безмолвіе — примѣтное колебаніе воздуха — все будетъ вмѣстѣ плѣнять и ужасать тебя. Внезапно листъ упадетъ съ вѣтьви и шорохомъ своимъ возбудитъ твое вниманіе. Ты скажешь: „Вотъ подобіе жизни человѣческой! Вчера свѣжая зелень его изображала здоровые соки; нынѣ время или случай отдѣляютъ его отъ жизненной системы дерева; но онъ не исчезнетъ въ мірѣ, и смѣшается съ прахомъ для новаго растительнаго образованія. Что жь будетъ съ нами по смерти?“... Тяжелый вздохъ твой отзовется въ тишинѣ воздуха, и милые глаза твои наполнятся слезами. Въ сію минуту блеснетъ огонь электрическій и освѣтитъ медленные шаги твоей задумчивости. Его пріятной, голубой цвѣтъ прельститъ тебя, и ты пожалѣешь, что онъ исчезъ такъ мгновенно. Случай предупредитъ

твое желанїе: вторичный блескъ его разольется въ воздухѣ, и блѣдныя уста твои оживотворятся улыбкою... Знаешь ли, о милой другъ! чѣмъ ты прельщаешься, и что столь прїятно вокругъ тебя свѣтится? Это части бытїя, нѣкогда любезнаго твоему сердцу; это послѣднїе его остатки.... Слушай... *Сей блескъ составился изъ минеральныкъ частицъ, излетѣвшихъ изъ могилы друга твоего, изъ его праха!..* Я окружаю тебя; ношусь надъ тобою; освѣщаю шаги твои; ты мною дышешь, и того не чувствуешь!.. О любезная! мы не исчезнемъ въ мїрѣ; но почто не дозволено мертвымъ сливаться мыслїю съ душею живыхъ друзей? Почто не дозволено открывать таинства, насъ за гробомъ ожидающаго? Почто желѣзная стѣна раздѣляетъ души единообразныя? Или сходство ихъ есть одна случайность? Не уже ли симпатїя, которая такъ мило влекла меня къ твоему сердцу, не только *здѣсь*, но и *тамъ* будетъ склонностїю запрещаемою? Безкорыстная связь сердецъ нашихъ, главная отрада жизни моей, уже ли не есть предопредѣленїе Вышняго? И я, окружая тебя, буду окована молчанїемъ? Никакое потрясенїе не возволнуетъ души твоей? никакая мечта не предстанетъ твоему

воображенію; и нѣжное чувство не скажетъ тебѣ о моемъ присутствіи?

Естьли душа и по разрушеніи тѣла сама въ себѣ не измѣнится, то съ какимъ веселіемъ буду слѣдовать за тобою и воспоминать всѣ милыя удовольствія, которыя находила я въ безцѣнной дружбѣ твоей — тѣ пріятныя бесѣды, гдѣ малое число людей, соединенныхъ искренностію, утѣшало меня въ горестяхъ, хотя часто и произвольныхъ, но съ другой стороны неизбѣжныхъ для слѣпой молодости и сердца неопытнаго! Я покупала дорогою цѣною сіи удовольствія въ жизни: но могу ли жалѣть о томъ? они были сердечныя! Нѣжная любовь и благодарность къ вамъ, друзьямъ чувствительнымъ, будетъ моимъ щастіемъ и по смерти! . . . Когда же тѣнь моя нечаянно приближится къ жестокимъ людямъ, которыхъ несправедливость и злоба губила меня — (ахъ! ни кроткое мое терпѣніе, ни беззащитное состояніе, не могли тронуть ихъ каменнаго сердца!) — тогда духъ мой содрогнется и, не желая мести, не требуя божественнаго правосудія, съ невольнымъ ужасомъ поспѣшитъ удалиться, благодаря Небо за то, что минувшая жизнь не есть уже для меня настоящая, и что бѣдствія мои съ раз-

рушеніемъ грубой тѣлесности пресѣлись навѣки! — —

III.

Великій мужъ Руской Грамматики.

Для успѣховъ всякой Науки, всякаго Искусства, надобно желать Педантовъ; они могутъ быть иногда смѣшны, но всегда полезны. Кто не знаетъ славнаго *трактата о соловьяхъ*, котораго Авторъ доказываетъ, что предметъ его важнѣе Философіи, нравственности, Политики, Богословіи? За то охотники до соловьевъ узнали, какъ надобно обходиться съ ними и спасать ихъ отъ болѣзней.

Такимъ образомъ я пользуюсь дружбою одного, крайне ученаго мужа, который живетъ единственно для *склоненій* и *спряженій*, божится *родами*, видитъ во снѣ *нарѣчія*; и естьли, марая бумагу, ошибаюсь менѣе другихъ — естьли умѣю иногда задуматься надъ словомъ, умѣю быть осторожнымъ — то конечно ему обязанъ сею выгодою. Всякой мѣсяцъ хожу къ нему раза два, и всякой разъ возвращаюсь домой съ новымъ почтеніемъ къ Грамматикѣ. На воротахъ его, всегда

запертыхъ, написано множество *вопросительныхъ знаковъ*??? Сіи *гіероглифы* извѣщаютъ гостей, желающихъ войти на дворъ, что хозяину надобно знать прежде: *кто они? за чѣмъ пришли?* и проч. — Въ домѣ видите вездѣ живописныя аллегоріи и эмблемы Грамматики. На примѣръ: женщина съ перомъ въ рукѣ и въ маніи, усѣянной буквами Ѣ, І и Ѳ, есть *Орѳографія*; другая, представленная въ родахъ, Этимологія; Геркулесъ, разящій палицею великана Альбіона, изображаетъ *удареніе*; маленькой человѣчекъ, съ ужаснымъ брюхомъ, *предлогъ*; камень, летящій между двумя деревами, *междометіе*; Нарциссъ, смотрящійся въ воду, *наклоненіе*; молодая женщина, которая дозволяетъ любовнику обнять себя, *падежъ*; старикъ, считающій деньги, *имена числительныя* — и проч. и проч. На дверяхъ его кабинета написано крупными буквами: *Человѣкъ всего болѣе отличается отъ другихъ животныхъ словомъ или языкомъ; слѣдственно наука языка есть истинно-человѣческая и важнѣйшая.* Въ самомъ кабинетѣ изображена Грамматика въ видѣ Египетской богини Изиды, закутанной въ пелены, и надпись говоритъ: *никто изъ смертныхъ не умѣлъ снять ихъ*; ибо хозяинъ думаетъ, что мы еще не имѣ-

емъ совершенной Грамматики — и когда я принесъ ему новѣйшую, онъ поблѣднѣлъ, увидѣвъ въ ней роспись глаголовъ: *калывать*, *гариватъ*, *баливать*, *жидать*, *лыгать*, *колебливать*, *трепливать*, и воскликнулъ голосомъ сокрушеннаго сердца: „О Небо! когда въ *семъ наклоненіи* бывали такіе глаголы въ языкѣ Рускомъ? „Можно ли *изъявительное* такъ своевольно обратить въ *неокончательное* и *глаголы недостаточные* въ *полные*? Можно „ли забыть, что нѣкоторые изъ нихъ „употребляются только съ *предлогами*, „какъ-то: *накалывать*, *ожидать*, *прилыгать*?" — Слезы текли ручьями по лицу чувствительнаго старца. Я не могъ видѣть его печали, ушелъ, и черезъ двѣ недѣли снова явился въ кабинетъ ученаго мужа.

Онъ казался уже гораздо спокойнѣе, самъ началъ говорить о новой Грамматикѣ, хвалилъ въ ней многія полезныя замѣчанія, но осуждалъ раздѣленіе глаголовъ по ихъ *неокончательному наклоненію*, доказывая его невѣрность и сбивчивость. „Мой другъ! сказалъ онъ: намъ даютъ „правила; но всякое изъ нихъ раждаетъ „исключеніе. Я могу вытвердить ихъ „наизусть и безпрестанно ошибаться: „слѣдственно правила неосновательны.

„На примѣръ: Авторы говорятъ, что гла-
„голы, которые въ *неопредѣленномъ на-*
„*клоненіи* оканчиваются на *ать*, перемѣ-
„няютъ сіи буквы въ *изъявительномъ*
„*наклоненіи перваго лица настоящаго вре-*
„*мени* на *ю*; но они должны тотчасъ
„примолвить, что глаголы *плакать*, *кли-*
„*кать* и многіе другіе уклоняются отъ
„сего закона! Не будемъ клеветать на
„языкъ: онъ имѣетъ вѣрные законы для
„измѣненія буквъ въ разныхъ случаяхъ
„*глаголя*, но мы только еще не открыли
„ихъ. Изъяснимъ *великое малымъ*, и ска-
„жемъ, что Натура во всѣхъ твореніяхъ
„и разрушеніяхъ слѣдуетъ вѣчнымъ,
„единообразнымъ законамъ, которые одна-
„кожь по большой части укрываются
„отъ Натуралистовъ. *Сряженія* во всѣхъ
„коренныхъ языкахъ составляютъ глав-
„ную трудность: кто приведетъ ихъ у
„насъ въ ясную систему, того ожидаетъ
„вѣнецъ безсмертія; но сей великій му-
„дрецъ, сей блаженный смертный, еще
„не родился. Я посѣдѣлъ надъ *глаголами*,
„и не дерзаю думать о системѣ!

„Однакожь Небо награждаетъ усердіе
„друзей истины, и естьли не совсѣмъ,
„то хотя сколько нибудь озаряетъ ихъ свѣ-
„томъ ея. Такимъ образомъ и мнѣ удалось
„открыть въ разсужденіи *глаголовъ* нѣкото-

„ное правило — *истинное*, говорю: ибо „оно не имѣетъ ни одного изключенія“ — Всякой догадается, что я нетерпѣливо хотѣлъ знать его. Хозяинъ мой улыбался съ гордостію — видно было, что онъ вспомнилъ славнѣйшую эпоху жизни своей — поправилъ на головѣ колпакъ, откашлялся, сѣлъ прямѣе на креслахъ, значительнымъ движеніемъ руки приготовилъ меня ко вниманію, и съ неизъяснимою важностію громко произнесъ слѣдующее: „Всѣ глаголы, которые въ настоящемъ „времени, въ третьемъ лицѣ единственнаго числа кончатся на *итъ*, должны „во множественномъ числѣ того же лица „и времени оканчиваться на *ятъ* или „*атъ* (*мчитъ*, *мчатъ*; *славитъ*, *славятъ*); „другое же окончаніе единственнаго числа „съ буквою *Е* вмѣсто *И* перемѣняется во „множественномъ всегда на *утъ* или *ютъ* „(*владѣетъ*, *владѣютъ*; *лжетъ*, *лгутъ*). „Теперь найдите, любезный другъ, хотя „одинъ *глаголъ*, который уклонялся бы „отъ сего правила! Даю вамъ часъ, годъ, „вѣкъ на размышленіе!“ . . .

Онъ снова поправилъ колпакъ свой, началъ тереть себѣ ладони пальцами, и не хотѣлъ смотрѣть на меня, чтобы не мѣшать мнѣ думать . . . Черезъ нѣсколько минутъ глубокаго молчанія я смиренно

объявилъ ему, что въ самомъ дѣлѣ не умѣю придумать ни одного изключенія, но что не вижу также и большой пользы сего правила. „Пользы?“ возразилъ онъ съ живостію: „а развѣ Авторы наши не „пишутъ *надѣятся* вмѣсто *надѣются*, *сѣ-* „*ятъ* вмѣсто *сѣютъ* и *стоютъ* вмѣсто *сто-* „*ятъ*? Самъ я, рожденный для Грамматики, „въ семъ случаѣ угадывалъ истину един- „ственно по щастливому вдохновенію При- „роды!... Выслушайте исторію. Паденіе „яблока съ дерева, въ глазахъ Невтона, „открыло намъ систему *тяготѣнія*: Грам- „матика обязана моимъ открытіемъ — „ржанію лошадей. Однажды кучеръ при- „шелъ ко мнѣ и сказалъ: *два дни сряду* „*у насъ безпрестанно* ржатъ *лошади*. Врешь, „отвѣчалъ я: надобно говорить *ржутъ*. „Упрямой кучеръ не хотѣлъ согласиться „со мною. Мы призвали другихъ людей: „выходила разноголосица. Я безпокоился, „ѣздилъ, бѣгалъ по улицамъ, останавли- „валъ знакомыхъ и незнакомыхъ, спра- „шивая: *ржутъ* или *ржетъ*? Не многіе по- „нимали важность моего вопроса; нѣко- „торые смотрѣли на меня съ удивленіемъ; „другіе смѣялись. Одинъ молодой человѣкъ, „которой ѣхалъ верхомъ съ дамою, будучи „такимъ образомъ остановленъ мною и „видя, что красавица его испугалась мо-

„его грамматическаго вопроса, махнулъ „хлыстомъ и — сдѣлалъ меня Циклопомъ „навѣки.“ (Надобно знать, что Грамматикъ нашъ кривъ.) „Это бездѣлица; но, „къ нещастью, я не могъ *употребленіемъ* „*языка* рѣшить спора моего съ кучеромъ: „одни соглашались со мною, другіе съ „нимъ. Надлежало искать правила — и „черезъ 6 мѣсяцевъ, самыхъ безпокойнѣй„шихъ въ жизни моей, я нашелъ его (оно „уже вамъ извѣстно): надобно говорить „*ржутъ*, ибо мы говоримъ *ржетъ*. *Е* пере„мѣняется только на *У* или *Ю*.“

Я слушалъ великаго мужа съ искреннимъ вниманіемъ и смотрѣлъ на кривой глазъ его съ почтеніемъ. Кто изъ смертныхъ приносилъ такія жертвы грамматическому любопытству?

Но сей великодушной человѣкъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ заплативъ глазомъ за открытіе истины въ *спряженіяхъ*, еще въ молодости лишился выгоднаго мѣста отъ усердія къ правильности *склоненій*. Мы въ другое свиданіе говорили съ нимъ объ *именахъ числительныхъ*: онъ доказывалъ, что наши Грамматики не даютъ вѣрнаго правила для сочиненія ихъ съ другими *именами*, и сказалъ: „Вы найдете „въ Грамматикахъ, что надобно говорить: „*два человѣка, семь рублей*: важное наста-

„вленіе! Кто изъ Рускихъ ошибается въ „этомъ случаѣ? Но гдѣ же узнаете, какъ „должно писать: *съ двумя стами Грана-„деръ или Гранадерами, съ двумя тыся-„чами рублей или рублями?* Вотъ камень „преткновенія! вотъ узелъ Гордіевъ!... „Любезной другъ! теперь сообщу вамъ „мое второе открытіе и разскажу еще „анекдотъ. Я былъ нѣкогда Секретаремъ „у Графа N. N. и пользовался его мило-„стію. Онъ приказалъ мнѣ однажды со-„чинить письмо къ Министру о важномъ „дѣлѣ. Я уже дописывалъ его, но вдругъ „остановился; надобно было сказать: *въ „осьмидесяти тысячахъ рубляхъ или руб-„лей*: какъ же правильнѣе? думалъ, ло-„малъ голову; часы и дни проходили. „Графъ требовалъ письма, и слыша все „одинъ отвѣтъ: *не готово!* наконецъ такъ „разсердился, что не велѣлъ меня вы-„пускать изъ горницы и осудилъ, какъ „Англійскаго Присяжнаго, на голодную „смерть, естьли не исполню своей дол-„жности. Неволя и голодъ безъ сомнѣнія „непріятны, но ужаснѣе всего ошибить-„ся противъ Грамматики, и я три дни „не пилъ, не ѣлъ, не спалъ, а въ чет-„вертой, по милости Неба, нашелъ пра-„вило — дописалъ письмо, и едва могъ, „отъ изнуренія силъ, дотащиться до

„Графскаго кабинета, чтобы вручить ему „бумагу. Онъ хотѣлъ знать причину „моего неизъяснимаго упрямства — и „душа моя, обрадованная великимъ от„крытіемъ, излилась передъ нимъ въ „искреннемъ признаніи. Графъ засмѣял„ся, подарилъ мнѣ осыпанную бриллія„тами табакерку, но велѣлъ искать дру„гова мѣста, сказавъ: *тебѣ и впредь мо„гутъ встрѣчаться грамматическія сомнѣ„нія, а бумаги мои требуютъ скорости.*"

Я желалъ свѣдать правило, которое выгнало его изъ Графской Канцеляріи. „Вотъ „оно," отвѣчалъ великодушный Грамматикъ (разумѣется, что онъ опять взялъ на себя видъ законодателя, который съ высоты трона даетъ уставы вселенной): „естьли *имя числительное* не имѣетъ *ро„да* (какъ-то: *два*, *пять*, *десять*, *сем„десять*), то *существительное* должно быть „съ нимъ въ одномъ *падежѣ*, и мы гово„римъ: *въ шестидесяти рубляхъ*, а не „*рублей*; когда же число имѣетъ *родъ* „(на примѣръ: *пятокъ*, *десятокъ*, *сотня*, „*тысяча*, *милліонъ*), то имя, за нимъ „слѣдующее, должно быть всегда въ *ро„дительномъ падежѣ*; и надобно говорить: „*тысячами рублей*, *въ милліонѣ душъ*, а „не *тысячами рублями*, не въ *милліо„нѣ душахъ*. Когда же за тысячами или

„за милліономъ слѣдуетъ число *безродное*, „то *существительное* принимаетъ его *ладежъ*, и надобно писать: *съ двумя тысячами двадцатью Гранадерами*, а не „*Гранадеръ*.“ — — Хорошо, сказалъ я: но число *сто* имѣетъ ли *родъ* по сему правилу, и какъ надобно сочинять его съ именами? — „Браво, браво, любезный „другъ!“ отвѣтствовалъ ученый мужъ: „этотъ вопросъ доказываетъ, что Геній „Грамматики, пролетая вселенную, ма„хнулъ крыломъ надъ твоею головою! „Такъ, число сто приводило меня въ со„мнѣніе; но я увѣрился наконецъ, что „оно имѣетъ *родъ*, когда мы говоримъ: „*первое* сто, *второе* сто, и когда оно „употребляется во множественномъ чи„слѣ: *пять сотъ*, *шесть сотъ*, и проч. „Это рѣшительно — и въ слѣдствіе мо„его правила должно говорить: *съ тремя „стами Рускихъ*, а не *Рускими*. — Такимъ „образомъ любовь къ *великой наукѣ* отъ „времени до времени производитъ откры„тія; но (говорю и повторяю), что Рос„сійская Грамматика есть донынѣ боги„ня Изида въ пеленахъ: никто еще не „обнажилъ всѣхъ ея *тайностей*. Мой другъ! „гораздо легче имѣть полную, ясную, „мудрую систему гражданскаго законо„дательства, нежели языка; гораздо легче

„сдѣлаться всѣмъ судьямъ правосудными, „нежели всѣмъ Писателямъ грамотны„ми“ . . . Тутъ я невольнымъ образомъ воскликнулъ: *увы!* . . . Грамматикъ мой продолжалъ: „Разумѣю ваше, любезный „другъ, *междометіе*; оно конечно горестно; „но такъ вѣчнымъ Судьбамъ угодно! . . .

O Grammaire, abyme immense!
Tu nous laisses sans clarté.
Notre sort est l'ignorance:
Le savoir est vanité (*)!

„Мы щастливы и тѣмъ, что можемъ „*надѣяться* — и я заказалъ уже первому „живописцу нашей Академіи представить „на картинѣ Минерву, выходящую въ „блестящихъ доспѣхахъ изъ Юпитерова „мозгу: она будетъ для меня образомъ „Грамматики, которая со временемъ вы„детъ изъ головы мудрецовъ Россійскихъ, „*вооруженная вѣрными правилами на всѣ* „*возможные случаи языка*. Въ послѣднюю „минуту жизни моей взгляну на эту „картину, и спокойно закрою глаза на„вѣки!“

Но сей огненный любовникъ правилъ не можетъ терпѣть излишно строгихъ. Онъ разсердился до крайности на сочини-

(*) Пародія Вольтеровыхъ стиховъ: O nature, abyme immense!

телей упомянутой новѣйшей Грамматики, которые говорятъ рѣшительно, что предлогъ *между* требуетъ всегда *падежа творительнаго*, и что *родительный* есть въ такомъ случаѣ ошибка. „Мой другъ!“ сказалъ онъ: „*употребленіе* есть избалованное дитя народовъ, съ которымъ нельзя обходиться сурово; надобно во многомъ щадить его. Давно уже Рускіе „говорятъ: *между полями* и *между полей*, „соображаясь иногда съ пріятностію слуха. Сохрани насъ Богъ отъ тиранства! Грамматикъ долженъ быть добродушнымъ и жалостливымъ, особливо „къ стихотворцамъ. Ахъ! они и такъ „не рѣдко стенаютъ отъ упругости длинныхъ словъ въ языкѣ Рускомъ: на что „ихъ обременять лишними слогами? „Нѣтъ, у насъ не каменныя сердца; „нѣтъ! Грамматикъ чувствительной, „и даже справедливой, съ обыкновенною „искренностію скажетъ имъ: пишите „смѣло *между ламповъ* и *лилей*, вы, „невинныя дѣти Аполлоновы! Пишите, „какъ вамъ угодно — какъ вамъ угодно, „друзья мои!“ . . .

Тутъ голосъ его такъ смягчился, на лицѣ изобразилась такая добродушная, милая, нѣжная улыбка, что слезы покатились изъ глазъ моихъ. . . . . О пор-

жество чувствительности даже и въ самой Грамматикѣ! . . . Одно воспоминаніе сей минуты трогаетъ мое сердце — и я долженъ бросить перо!!

А. Б. - В.

IV.

Письмо одного иностранца къ Издателямъ Парижскаго Журнала.

Государи мои! я давно зналъ, что люди въ Парижѣ живутъ не по солнцу, день обращаютъ въ ночь, а ночь въ день; но какъ и въ безпорядкѣ есть порядокъ, то мнѣ очень жаль, что я не могъ свѣдать его заблаговременно. Судите сами; разскажу вамъ мою вчерашнюю исторію. Мнѣ хотѣлось быть у моихъ знакомыхъ. Прочитавъ въ газетахъ, что модныя дамы принимаютъ гостей за туалетомъ и даже въ постелѣ, я въ два часа отправляюсь изъ дому къ Алинѣ, славной щеголихѣ; но она еще не вставала! — Будучи рекомендованъ одному доброму отцу семейства въ *Марѣ*, ѣду къ нему; но онъ сидитъ уже за обѣдомъ. Учтивость не велитъ тревожить людей: ѣду въ другую часть города — и нахожу хозяина также за сто-

ломъ; но онъ не обѣдаетъ, а завтракаетъ. Меня увѣряютъ, что могу смѣло войти; что въ это время никто не чинится съ гостями, и бываютъ имъ рады. Но я хочу уже обѣдать, и для того спѣшу домой, не зная, что въ Парижѣ называютъ обѣдъ завтракомъ. Въ 8 часовъ вечера пріѣзжаю къ одному банкиру въ *Антинской улицѣ*, и къ новой досадѣ своей нахожу его — за столомъ! Чтобы дать кончиться всѣмъ обѣдамъ въ Парижѣ, ѣду самою дальнею дорогою въ предмѣстіе Св. Жерменя, желая видѣться съ однимъ ученымъ. Бьетъ 9 часовъ. Стучусь въ ворота: хозяинъ уже спитъ! Конечно онъ боленъ? Нѣтъ, но таковъ обычай въ предмѣстіи Св. Жерменя! — Чтожь дѣлать? Къ щастію, я вспомнилъ, что меня звали пить чай въ улицѣ Сент-Оноре. „Не много поздно (думаю); однакожь тамъ еще вѣрно не спятъ, а развѣ только готовятся сѣсть за ужинъ.“ Являюсь въ 10 часовъ; но въ домѣ все темно. Конечно гости уже разъѣхались, и хозяйка легла спать? — „Нѣтъ, отвѣчаетъ мнѣ лакей: вы слишкомъ рано пріѣхали. Госпожа наша еще въ Оперѣ. Вечеръ обыкновенно начинается здѣсь въ полночь, а чай пьютъ въ первомъ часу.“ Это вывело меня наконецъ изъ терпѣнія. Я возвратился домой — и

на другой день призвалъ къ себѣ хозяина и хозяйку, чтобы узнать отъ нихъ вѣрно, въ какое время и куда ѣздить. Что же? и тутъ бѣда! Мужу 60 лѣтъ отъ роду, а женѣ 16; мужъ говоритъ то, а жена другое. Кому вѣрить? не знаю! Ради Бога, государи мои, посовѣтуйте какому нибудь Члену Института издать для насъ, бѣдныхъ иностранцевъ, таблицу обыкновенїй каждой части Парижа!

V.

ШВЕЙЦАРСКІЕ АПОЛОГИ.

1.

Левъ, змѣя и Сатана.

Левъ и змѣя спорили о превосходствѣ ихъ божественнаго рода.

Левъ говорилъ: „Великїй Юпитеръ далъ мнѣ ужасную челюсть и сердце безпечное, спокойное.“

Змѣя отвѣтствовала: „А мнѣ далъ онъ способность умерщвлять тайно и въ глубинахъ земли укрываться.“

Сатана подслушалъ ихъ и сказалъ: „Надобно признаться, что и тотъ и другая могутъ смѣло заступить мое мѣсто на югѣ и западѣ!“

2.

Гордая сосна.

Одна сосна хотѣла непремѣнно быть выше всѣхъ деревъ; переросла ихъ и казалась довольною.

Но ей сказали, что Ливанскія сосны выше ее: она захотѣла сравняться съ ними.

Напрасно искренніе друзья говорили ей: „земля и солнце у насъ не Ливанскія!“ Она отвѣчала: „Мнѣ должно имѣть ростъ самой большой сосны въ мірѣ“ — и въ то же лѣто поднялась еще сажени на двѣ.

Возвышеніе стараго дерева удивило всѣхъ земледѣльцовъ, которые съ любопытствомъ на него глядѣли; но опытный пастухъ деревни сказалъ глупымъ людямъ: „оно умретъ теперь гораздо скорѣе другихъ!“

3.

Мысли звѣрей о свободѣ.

Царь Левъ захотѣлъ однажды узнать, какое понятіе имѣютъ звѣри о вольности.

Быкъ отвѣтствовалъ: „истинная вольность состоитъ въ томъ, чтобы никогда не работать, лежать и ѣсть сѣно.“

Оселъ. Тамъ вольность, гдѣ не кладутъ ничего на спину ословъ.

Обезьяна. Я свободна, когда могу кривляться.

Лошадь. Я свободна, когда не въ сѣдлѣ и не въ оглобляхъ.

Лисица. А я также могла бы назваться свободною, когда бы всегда находила себѣ вѣрную пищу, не будучи принужденною искать добычи и хитрить.

Левъ сказалъ: *а! а!* и махнулъ хвостомъ.

(*Изъ Франц. Журнала.*)

VI.

Письмо къ Издателю изъ Петербурга отъ 12 Марта.

Спѣшу вамъ сообщить вызовъ одного изъ почтеннѣйшихъ нашихъ согражданъ, вызовъ благодѣтельный для человѣчества. Эпоха, въ которую онъ сдѣланъ, его цѣль, спасительная не только для Петербурга, но и для всѣхъ гражданскихъ обществъ, коихъ злоупотребленія добрый Руссо оплакивалъ, а острый Вольтеръ осмѣивалъ, произвели у насъ равно сильное и глубокое

впечатлѣніе. Не разсудите ли извѣстить о томъ и другихъ нашихъ соотечественниковъ?

Предложеніе.

„Истекаетъ нынѣ первое столѣтіе „отъ заложенія Санктпетербурга. Всѣ „граждане онаго, всѣ обитатели Россійской Имперіи, весь даже образованной „свѣтъ обильно пользуются выгодами, „дарованными мудрымъ Основателемъ града Св. Петра.

„Сколь священъ, сколь пріятенъ „долгъ нынѣшнихъ обитателей великолѣпнѣйшаго въ мірѣ града! Торжествуя „сію важную эпоху принесеніемъ Всевышнему теплаго, сердечнаго благодаренія за столь щедрыя Его изліянія „благъ на насъ и на всѣхъ нашихъ соотечественниковъ, ознаменуемъ ее, дражайшіе сограждане, въ память нашего „къ Отцу, Преобразителю, Законодателю „и Герою, ПЕТРУ Великому, искреннѣйшаго благоговѣнія, и въ знакъ нашей къ „нынѣшнему нашему вселюбезнѣйшему „Государю Императору АЛЕКСАНДРУ „Первому сердечной и всеподданнѣйшей „за спасительныя учрежденія благодарности; — ознаменуемъ ее хотя слабымъ „благодѣяніемъ для страждущаго чело-

„вѣчества — а именно, для тѣхъ злощаст-
„ныхъ, кои, въ молодыхъ лѣтахъ, чрез-
„мѣрными страстьми, по физическимъ
„какимъ причинамъ или по вреднымъ
„навыкамъ, вовлечены будучи въ гнусные
„пороки, сколь въ общесцвѣ дѣлаются
„нетерпимы, столь и самимъ себѣ па-
„губны.

„Предложимъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКО-
„МУ ВЕЛИЧЕСТВУ начертанїе о учре-
„жденїи, на иждивенїи нашемъ, кроткой
„*нраволечебной*, подъ названїемъ: *гостин-*
„*ница Петрова*, цѣль коей была бы прини-
„мать таковыхъ нещастныхъ сограждан̀ъ,
„спасать отъ предстоящей гибели, и ис-
„правя ихъ, возвращать обществу полез-
„ными и здравыми членами онаго: отдать
„сынам родителямъ, проливающимъ горь-
„кїя слезы о томъ, что лишаются на-
„дежды видѣть подпору дней своихъ въ
„драгомъ сынѣ; женѣ, сѣтующей о ли-
„шенїи друга и попечителя, возвратить
„мужа, малолѣтнымъ отца; Начальни-
„камъ, лишающимся иногда рожденныхъ
„съ отличными дарованїями молодыхъ лю-
„дей, подчиненныхъ, исправленныхъ и
„содѣланныхъ паки способными къ слу-
„женїю обществу.

„Соберемся, изберемъ изъ насъ повѣ-
„ренныхъ для сочиненїя плана и штата

„таковаго и Богу угоднаго мѣста при-
„зрѣнія, для поднесенія оныхъ Всемило-
„стивѣйшему Государю ИМПЕРАТОРУ
„нашему, чрезъ Господина Министра Вну-
„треннихъ Дѣлъ, Графа Кочубея! — —
„Или учредимъ подобное заведеніе для
„вспоможенія нещастнымъ, безъ вины
„ихъ погруженнымъ въ бездну золъ и
„тягостной, незаслуженной бѣдности.“

N. N.

VII.

Новая любопытная теорія Натуралиста Ламарка.

Журналистъ, сидя въ своемъ кабинетѣ, съ большихъ покойныхъ креселъ смотритъ на всю область человѣчества и разсказываетъ читателямъ, что люди дѣлаютъ, говорятъ и мыслятъ въ свѣтѣ. Естьли бы онъ писалъ только о хорошемъ, умномъ, полезномъ, то листы его не всегда бы могли выходить въ назначенное время; иногда ему пришлось бы молчать, и весьма долго. Но (благодаря Судьбѣ!) мы богаты матеріалами, ибо не только можемъ, но и должны говорить обо всемъ любопытномъ; а нелѣпости, какъ извѣ-

стно, бываютъ не рѣдко любопытнѣе самой истины! Такова новая теорія славнаго Французскаго Натуралиста Ламарка о происхожденіи животныхъ; она такъ удивительна, что и самые неученые могутъ позабавиться ею.

Сей Ламаркъ издалъ еще въ прошломъ году весьма ученый трактатъ о физической исторіи земнаго шара, доказывая, какъ въ неизмѣримости временъ онъ чудеснымъ образомъ измѣнялся; какъ пріятныя долины, гдѣ мы нынѣ отдыхаемъ въ тѣни, были нѣкогда безднами Океана, и какъ, по самому *вѣрному* исчисленію, черезъ три милліона вѣковъ огромные киты и другіе многочисленные жители морей должны снова завладѣть своимъ древнимъ царствомъ, которое отнято у нихъ нашими предками. Теперь Г. Ламаркъ доказываетъ, какъ происходитъ и составляется *образованіе животныхъ*. Онъ дѣлитъ ихъ на 12 классовъ: четвероногія *живородныя* (vivipares) составляютъ *первое* звено сей цѣпи, которая заключается полипами; отъ *третьяго*, къ которому принадлежатъ птицы, до *десятаго* или до насѣкомыхъ, рожденіе бываетъ только посредствомъ яицъ; а наконецъ оно есть ничто иное, какъ *дѣленіе*: изъ отрѣзанной части полипа образуется новый полипъ. Четверо-

ногія и птицы имѣютъ мозгъ, нервы, сердце съ двумя желудками (*) и горячую кровь; въ насѣкомыхъ и рыбахъ сердце съ однимъ желудкомъ и кровь холодна. На сей степени животнаго царства исчезаютъ голосъ, ресницы, легкое; а далѣе, за ними, исчезаютъ сердце, мозгъ, жилы, глаза, языкъ, родъ (sexe), голова и наконецъ всякой особенной органъ. Такова великая картина Природы! До сего времени Авторъ нашъ говоритъ только какъ вѣрный Историкъ и наблюдатель ея; но теперь начинается романъ. Просимъ слушать.

Натура, говоритъ Ламаркъ, работаетъ единственно на *концахъ лѣсницы*, какъ *животной*, такъ и *растительной*; то есть, она производитъ только послѣдній классъ животныхъ или первое ихъ основаніе, *единственное дѣйствіе творческой силы ея*; а дальнѣйшее развитіе органовъ зависитъ уже отъ времени, случаевъ и благопріятныхъ обстоятельствъ!! Не органы (какъ утверждаетъ Авторъ), не образъ и не свойство частей животнаго раждаютъ его привычки и способности; напротивъ того, обстоятель-

(*) Въ Анатоміи называются двѣ части сердца желудками.

ства, время и привычки образуютъ его тѣло, органы и всѣ способности!! Время и благопрїятные случаи возвышаютъ животное отъ нижней степени до главной. Привычка дѣйствовать органомъ не только усовершаетъ его, но даже и производитъ новые члены, которые дѣлаются наслѣдственными черезъ рожденїе. Рыбы, по системѣ Автора, могутъ быть со временемъ насѣкомыми и птицы четвероногими. Второе слѣдствїе теорїи его есть то, что въ Натурѣ нѣтъ родовъ, а только одни существа особенныя!! Но какъ употребленїе дѣлаетъ органъ совершеннѣе, такъ *неупотребленїе* ослабляетъ и даже можетъ уничтожить его въ поколѣнїяхъ животнаго; какъ нижнїе классы могутъ возвыситься, такъ вышнїе могутъ унизиться. Авторъ говоритъ: „Естьли двумъ новорожденнымъ младенцамъ, разнаго пола, завязать лѣвой глазъ на всю жизнь, и мальчика женить послѣ на дѣвочкѣ; естьли дѣти и потомки ихъ, также съ завязаннымъ лѣвымъ глазомъ, будутъ только между собою соединяться бракомъ, то въ теченїе временъ лѣвой глазъ исчезнетъ, а правой безъ сомнѣнїя перейдетъ на другое мѣсто!!“ (Вѣроятно, что онъ будетъ на срединѣ лба: слѣдственно Циклопы воскреснутъ!)

„Кротъ имѣетъ маленькіе глаза, а звѣрокъ *аслалаксъ* совсѣмъ лишился зрѣнія отъ того, что они живутъ въ землѣ и не дѣйствуютъ симъ органомъ. — Не Природа дала уткамъ и гусямъ лапки; нѣтъ, онѣ выросли отъ того, что утки и гуси часто болтали въ водѣ ногами!! Другія птицы, цѣпляясь за вѣтьви, отростили себѣ длинные когти. Лебедь, поднимая вверхъ голову, вытянулъ шею свою. Кошки, тигры, львы, бѣгая по каменистой землѣ, чувствовали неловкость отъ когтей и научились сжимать ихъ въ лапѣ... И такъ органы и способности произведены единственно обстоятельствами и привычками животныхъ; сіи привычки со временемъ образовали тѣло ихъ. Новый образъ раждалъ новыя способности, и Натура мало по малу дошла наконецъ до того состоянія, въ какомъ видимъ ее нынѣ!!"

Осмѣлимся ли спорить съ великимъ Натуралистомъ Ламаркомъ, который, подобно Соломону, знаетъ все отъ исопа до кедра Ливанскаго! но трудно понять, чтобы мы сами образовали себѣ уши для слуха, а глаза для зрѣнія. И кому изъ насъ захочется искать предковъ своихъ въ устрицахъ или въ полипахъ? Хотя въ нѣкоторыхъ людяхъ и можно замѣтить

слѣды сего происхожденія, однакожь отъ нижней степени животныхъ такъ далеко до ума просвѣщеннаго, которому мы обязаны великими идеями Невтоновъ, Поэзіею Расина, краснорѣчіемъ Руссо, что, не смотря на глубокое почтеніе къ Натуралисту Ламарку, не вѣримъ его теоріи. Всего скорѣе мы сочли бы сію книгу остроумною шуткою, естьли бы Авторъ, къ нещастію, не доказывалъ важнымъ тономъ своимъ, что онъ ни мало не думаетъ шутить; иной скажетъ, что книга его тѣмъ забавнѣе!

(*Изъ Фр. Жур.*)

VIII.

Добро

Напрасно будете хвалить
Добро прекрасными словами:
Его не трудно полюбить
Въ словахъ магическихъ — устами:
Устами — только, не душой!
Лишенный слуха не познаетъ,
Сколь сладокъ нѣжной арфы строй:
Ему безъ пользы онъ внимаетъ!

Вотъ случай: бѣдному помочь;
Онъ въ мукахъ сердца предо мною:
Я *Ирь* для бѣднаго — и прочь
Иду съ холодною душою!
Но вотъ утѣхъ отверстый храмъ;
Цирцей въ немъ зритъ мой взоръ прельщенной:
Я тотчасъ *Крезъ* — и вылито тамъ
Дары средь нѣги утонченной.

*

Ахъ! должно сердцемъ испытать
Добра пріятность, наслажденье!
Принудьте руку разъ подать —
И радость ждетъ васъ въ награжденье;
Не та, которой въ путь идетъ
Угрюма скука съ сожалѣньемъ;
Но радость — щастья милой цвѣтъ —
Съ чистѣйшимъ сердца упоеньемъ.

*

Пролить отраду и покой
Въ грудь бѣдной матери съ нещастной,
Лишенной крова сиротой;
Пылать къ добру любовью страстной,
И тайно слезы отереть
Красавицы, забытой роком,
Готовой лучше умереть,
Чѣмъ опятнать себя порокомъ. . .

*

Ахъ! сердцу въ цѣломъ мірѣ семъ
Ничто не можетъ быть милѣе!
Другое все лишь призракъ въ немъ! . . .
Спѣшите къ горестнымъ скорѣе,

Чтобъ щастье райское вкусить;
Ихъ щастье, радость — дѣло ваше —
Васъ будутъ вѣчно веселить,
И жизнь покажется вамъ краше!

К. Ш — въ.

IX.

СТИХИ

Къ портрету творца Душеньки.

Въ даръ Музамъ нѣжною рукою
Образовавъ одинъ цвѣтокъ,
Отъ славы скрылся онъ къ покою,
И скромный заслужилъ вѣнокъ.

Владиміръ Измайловъ.

X.

Эпитафія Ипполиту Богдановичу.

Что вижу я? Амуръ и *Душенька* въ слезахъ
Другъ друга обнимаютъ,
И урну Граціи вѣнками украшаютъ! —
Прохожій! не дивись: здѣсь Ипполитовъ прахъ.

В. Пушкинъ.

XI.

Исторія любви.

Любовникъ въ первый день признаньемъ забавляетъ;
Назавтра говоритъ: „несносно докучаетъ!“
На третій слушаютъ, не поднимая глазъ;
Въ четвертый съ робостью отказъ;
На пятый слабое упорство и смятенье;
Въ шестый ни *да* ни *нѣтъ*, и страхъ и сожалѣнье;
Въ седьмой безъ головы —
Въ осьмой *увы!*

* * *

XII.

Благородный поступокъ Руского Дворянина.

Естьли мы часто видимъ ужасную власть корыстолюбія надъ душами людей; естьли оно выводитъ ихъ изъ предѣловъ чести, которую можно назвать главною и необходимѣйшею добродѣтелію гражданскихъ обществъ: ибо безъ ея нѣжнаго чувства нѣтъ ни хорошихъ судей, ни Патріотовъ, ни отцовъ семействъ, ни вѣрныхъ пріятелей; естьли многіе самое доброе имя свое употребляютъ только

въ средство корыстолюбія и ждутъ единственно случая *продать его высокою цѣною*: то съ другой стороны, къ утѣшенію друзей человѣчества, бываютъ и примѣры великодушнаго безкорыстія, которые доказываютъ, что искушеніе не *страшно*, а *любезно* истинной чести, ибо оно производитъ торжество ея. Жаль только, что самыя лучшія дѣла остаются по большой части неизвѣстными. Добродѣтель скромна, не призываетъ свидѣтелей и довольствуется внутреннимъ чувствомъ; кто можетъ хвалиться ею, тотъ едва ли когда нибудь можетъ *справедливо* хвалиться; а люди, бывающіе предметомъ благодѣтельности, не всегда имѣютъ твердость объявлять ее: они боятся унизиться въ глазахъ свѣта, и, по дурному расчету самолюбія, обращаютъ свою признательность въ тайну; говорю, по *дурному*: ибо какъ ни велико достоинство одолжающаго, но одолженный равняется съ нимъ, славя его усердно и ревностно. Когда люди представляли себѣ добродѣтели въ лицахъ, и покланялись ихъ святымъ образамъ, тогда одними цвѣтами украшался олтарь *благодѣянія* и жертвенникъ *признательности*.

Издатель *Вѣстника* получилъ слѣдующую записку для внесенія въ Журналъ:

„Я долженъ отдать справедливость чело-„вѣку, который имѣетъ рѣдкія качества, „прекрасную душу, чистую совѣсть и „строгія правила чести. Онъ есть Смо-„ленской помѣщикъ, Петръ Николаевичь „Клочковъ. Отецъ, имѣя двухъ сыновей, „но любя его отмѣнно, захотѣлъ укрѣ-„пить ему все свое имѣніе, состоящее „въ 250 душахъ: что и сдѣлалъ, противъ „воли своего достойно-любимаго сына. По „кончинѣ отца сей безкорыстной чело-„вѣкъ не хотѣлъ воспользоваться *чужимъ*, „какъ онъ говорилъ, имѣніемъ, хотя оно „законнымъ образомъ ему принадлежало: „объявилъ въ Совѣстномъ Судѣ, что „половина изъ 250 душъ, отданныхъ ему „отцомъ, есть по совѣсти наслѣдство „брата его, и что онъ возвращаетъ ихъ „сему законному наслѣднику. Такія дѣла „должны быть извѣстны публикѣ.“ — Подписано: *отставной Флота Лейтенантъ Василій Николаевъ сынъ Клочковъ.*

Естьли не ошибаемся, то мы обязаны симъ извѣстіемъ усердной признательности самого одолженнаго брата: онъ хвалитъ великодушное безкорыстіе, а читатели наши отдадутъ справедливость его собственной великодушной благодарности.

XIII.

Эпитафія Автору Душеньки.

На урну преклонясь, вечернею порою
Амуръ невидимо здѣсь часто слезы льетъ,
И мыслитъ, отягченъ тоскою:
Кто *Душеньку* теперь такъ мило воспоетъ?

S.

ПОЛИТИКА.

I.

Сіесъ.

Иммануилъ Сіесъ, бывшій Аббатъ, считается *умнѣйшимъ* человѣкомъ во Франціи и перомъ своимъ дѣйствовалъ на Французовъ такъ же сильно во всѣхъ случаяхъ Революціи, какъ Мирабо своими пламенными рѣчами, Баррасъ и Бонапарте угрозами и пушками.

Просвѣщенный всѣми идеями и познаніями вѣка, одаренный глубокомысліемъ и разумомъ изобрѣтательнымъ, Сіесъ долженъ назваться однимъ изъ главныхъ творцевъ Французской Революціи. При началѣ ея онъ имѣлъ титулъ Каплана Герцога Орлеанскаго, и былъ извѣстенъ во Франціи и въ другихъ земляхъ по нѣкоторымъ сочиненіямъ, а всего болѣе по *разсужденію о привилегіяхъ*, писанному остроумно и язвительно. Вообще Сіесъ пишетъ съ великою краткостію, сильно, убѣдительно; показываетъ, что онъ умѣетъ наблюдать и знаетъ сердце человѣческое; слогъ его не украшенъ цвѣтами, но живъ и пріятенъ; только иногда, отъ излишней метафизики въ

политическихъ идеяхъ, дѣлается темнымъ. Въ другомъ сочиненіи (Qu'est-ce que le Tiers-Etat?) Сіесъ объявляетъ себя другомъ Монархической Республики, говоря, что Франція слишкомъ велика для Демократіи. Эта книга, какъ пишетъ Сегюръ, прославила Автора въ народѣ. Всего же болѣе онъ прославился *наставленіемъ Депутатамъ*, сочиненнымъ имъ отъ имени *избирателей*: въ немъ заключено сѣмя всѣхъ новостей и перемѣнъ, которыя въ 1789 и 1790 году изумили Европу. Сіесъ, будучи Депутатомъ, рѣдко ходилъ въ Народное Собраніе, а еще рѣже говорилъ на каѳедрѣ, такъ, что огненный Мирабо, зная его таланты, сказалъ однажды съ великимъ жаромъ: *молчаніе Сіеса есть государственное бѣдствіе*! Кажется, что онъ поссорился съ главными вождями Народнаго Собранія въ то время, когда оно издало строгіе законы противъ Духовенства; по крайней мѣрѣ то извѣстно, что имъ написана ѣдкая критика на сіи учрежденія, съ эпиграфомъ: *они хотятъ быть свободными, а не умѣютъ быть справедливыми*. Онъ былъ Членомъ перваго Якобинскаго Клуба, но оставилъ сцену въ бурное время, скрылся за кулиссами и сдѣлался загадкою.

Въ Берлинѣ открылся для него новый кругъ дѣйствія. Будучи тамъ Министромъ Французской Республики, Сіесъ жилъ Философомъ, скромно, уединенно, на краю города, въ самой тихой улицѣ. Трудно сказать что нибудь рѣшительное о моральномъ и политическомъ характерѣ сего удивительнаго, глубокомысленнаго, но скрытнаго человѣка (*). Въ Берлинѣ одни чрезмѣрно хвалили, другіе чрезмѣрно бранили его. Онъ ѣлъ роскошно — худощавъ, и ходилъ тогда просто, темносиній кафтанъ, красный, желтыми цвѣтами вышитый камзолъ, и никогда не пудрилъ головы; волосы были острижены и не много завиты. Черные, огненные глаза, большой Римской носъ и другія характерныя и рѣзкія черты показываютъ въ немъ разумъ необыкновенный, хитрость и хладнокровіе. Онъ часто гулялъ одинъ подъ славными Берлинскими липами (и самая походка его изображаетъ глубокомысленнаго человѣка); не бывалъ никогда въ обществахъ, видался только съ Министрами и Королемъ, нравился ему и Гаугевицу, и былъ ненавидимъ дворянствомъ. Правду сказать, мудрено не со-

(*) Французы дѣлаютъ и Латинскіе *каламбуры*. Одинъ изъ нихъ сказалъ: Si es, ubi es?

дрогнуться душѣ, естьли вспомнишь его лаконическій приговоръ въ дѣлѣ нещастнаго Лудовика: la mort sans phrase (*смерть безъ фразы*)!

Когда Ревбель вышелъ изъ Директоріи, Сіесъ заступилъ его мѣсто и видѣлъ, что для спасенія Франціи надлежало многое перемѣнить въ системѣ правленія. Онъ вмѣстѣ съ Бонапарте сдѣлалъ революцію 18 Брюмера и вмѣстѣ съ нимъ и Дюкосомъ назывался нѣсколько времени Консуломъ. Теперь онъ Членъ Сената и живетъ уединенно въ богатомъ домѣ, подаренномъ ему Консуломъ отъ имени народа. „Республиканцы винятъ его за „принятіе такого подарка," сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ: „но онъ оправдывается „долгами!" — Сіесъ рѣдко бываетъ въ Сенатѣ; но не пропускаетъ ни одного собранія въ политическомъ классѣ Института. Онъ не любитъ Кантовой Философіи и говоритъ, что въ ней нѣтъ ни *свѣта*, ни *теплоты*. Мееръ, знакомецъ его, пишетъ, что Сіесъ не очень доволенъ своею приватною жизнію въ Берлинѣ, и что онъ вообще сдѣлался нынѣ гораздо спокойнѣе наружностію, пріятнѣе въ обхожденіи и говорливѣе, нежели прежде.

(*Изъ Нѣм. Журнала.*)

II.

Извѣстія и замѣчанія.

Засѣданія Французскаго Законодательнаго Корпуса теперь весьма любопытны: почти въ каждомъ изъ нихъ Ораторы Консульскіе предлагаютъ по частямъ *Гражданское уложеніе*, изъясняя всякую мысль его: предметъ столь важный для щастія людей въ гражданскомъ обществѣ, что не одни Французы, но всѣ друзья человѣчества слушаютъ рѣчи ихъ съ любопытствомъ, вниманіемъ и съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Порядокъ, ясность идей, основательность разсужденій и языкъ достойный законовъ составляютъ блестящій характеръ сего Кодекса. Вотъ зрѣлые плоды разума, воспитаннаго временемъ, просвѣщеннаго опытами вѣковъ! Давно ли мы боялись всеобщихъ разрушеній? Сколь же пріятно видѣть теперь сіи благотворныя дѣйствія назидательной мудрости; сіи новые, твердые оплоты, которые должны удерживать страсти въ ихъ надлежащихъ предѣлахъ, тамъ, гдѣ онѣ, будучи для насъ источникомъ удовольствій, не только не вредятъ, но и способствуютъ щастію другихъ людей! Ничто безъ сомнѣнія не можетъ оправдать великаго зла Революціи, по крайней мѣрѣ

для сердца чувствительнаго — и разума, который не обнимаетъ вѣчной и всемірной системы Провидѣнія; однакожь должно согласиться, что политическія бури освѣжили, такъ сказать, дѣятельность ума, дали ему новую силу, открыли новыя истины; спасительныя для гражданскаго порядка, и всего болѣе увѣрили насъ въ необходимости добрыхъ нравовъ. Французское Уложеніе ознаменовано чистою Моралью, и сочинители его вездѣ показываютъ связь ея какъ съ государственнымъ благомъ, такъ и съ особеннымъ щастіемъ людей.

Рѣчь Порталисова, нами переведенная, доказываетъ, сколь благоразумно Французскіе законодатели судятъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ предметовъ общества. И впредь будемъ замѣчать въ *Вѣстникѣ* любопытнѣйшія изъ ихъ мыслей. Бонапарте употребляетъ первые умы Франціи для сего великаго дѣла, которое должно увеличить славу его правленія. Трибунатъ уже не дерзаетъ мѣшать ему своими возраженіями, какъ прежде; и въ Законодательномъ Совѣтѣ, принявшемъ начальныя статьи Кодекса, положено было только семь черныхъ шаровъ съ двумя стами бѣлыми.

Мониторъ удивляется, что Англійскіе Министры надѣлали столько шуму для осужденія Журналиста Пельтье, который бранилъ Консула: „Есть другой, „лучшій способъ для наказанія дерзкихъ,“ говоритъ сей Журналъ: „Лордъ Пеламъ (*) „можетъ черезъ Секретаря своего сказать „Лондонскимъ клеветникамъ: *не пишите!* „можетъ также выслать изъ Англіи „тѣхъ Эмигрантовъ, которые въ листахъ „своихъ оскорбляютъ Французское Правительство.“ — Такъ думаетъ Бонапарте какъ Генералъ; но Англія правится законами, и Министры ея не обыкли повелѣвать словомъ. Хотя законъ и далъ имъ временное право высылать иностранцевъ, но единственно такихъ, которые опасны для государства: шпіоновъ или подозрительныхъ людей; онъ не говоритъ ни слова о Журналистахъ, бранящихъ Консула. Ни Пеламъ, ни другой Англійскій Министръ не пошлетъ Секретаря своего сказать имъ: *не пишите!* ибо они могутъ, безъ нарушенія законовъ, не послушаться такого приказанія. Совѣтъ Консула есть, можетъ быть, только дѣйствіе его хитрости: естьли бы Министры Великобританніи сдѣлались оплошны и приняли

(*) Одинъ изъ Англійскихъ Министровъ.

такую систему, то Бонапарте сталъ бы менѣе опасаться Англіи: ея слава и величіе всего тверже основаны на святости народныхъ уставовъ и безсиліи всякаго особеннаго произвола.

Сен-Домингскія извѣстія кажутся не весьма благопріятными, ибо Французское Правительство не объявляетъ ихъ. Впрочемъ надѣются, что Генералъ Рошамбо, заступившій мѣсто Леклера, покажетъ болѣе талантовъ и благоразумія, нежели его предшественникъ, котораго въ Американскихъ и Лондонскихъ журналахъ не хвалятъ.

„Не давно (пишутъ въ Лондонскихъ „Вѣдомостяхъ) Г. Декре давалъ въ Па„рижѣ балъ. Госпожа Бонапарте пріѣхала „къ нему и сказала: *Первый Консулъ „желалъ, чтобы я была на вашемъ праздни„кѣ, въ доказательство его уваженія къ ва„шимъ заслугамъ и ко всему флоту.* Послѣ „того она сѣла на богатыхъ креслахъ, на„рочно для нее приготовленныхъ въ углу „залы; когда же встала, чтобы ѣхать, всѣ „дамы вмѣстѣ съ нею встали. Хозяинъ „шелъ передъ ней съ свѣчею до самой каре„ты, а Г. Камбасересъ велъ ее за руку. Ка„жется, что эта честь составляетъ осо„бенную привилегію его мѣста, и едва „ли не единственную. — Министръ Тале-

„ранъ однажды сказалъ Консулу въ при-„сутствіи Депутатовъ Сената: *Генералъ „Первый Консулъ! вы намъ дали миръ, „законы, доходы и Религію; недостаетъ „только* фронтисписа *для увѣнчанія все-„го.* — *Правда*, отвѣчалъ Бонапарте, „взглянувъ на Сенаторовъ: *но этимъ го-„сподамъ нѣтъ нужды до вывѣски трактти-„ра, когда имъ отведены въ немъ хорошія „комнаты.*"

Пишутъ изъ Берна, что Швейцары по большой части довольны Конституціею, но не довольны ни Французами, ни своимъ положеніемъ. Швейцаръ д'Афри, избранный Консуломъ на сей годъ въ Ландманы, былъ съ великою честію принятъ въ Бернѣ, и поѣхалъ въ Фрейбургъ, свою отчизну. Къ характеру и личнымъ достоинствамъ его имѣютъ уваженіе. По образу мыслей своихъ онъ считался всегда умѣреннымъ Аристократомъ и кажется теперь искренно преданнымъ Консулу. — Говорятъ, что Рединтъ и друзья его будутъ освобождены, но должны выбрать какой нибудь городъ во Франціи для вѣчнаго своего пребыванія, то есть для ссылки! — Славнѣйшій Математикъ Швейцаріи, Г. Траль, сложилъ съ себя всѣ Республиканскіе чины и ѣдетъ навсегда въ Америку.

Правительство Батавской Республики уничтожило привилегїю Ост-Индской Компанїи и объявило Индѣйскую торговлю свободною для всѣхъ Голландцевъ. Думаютъ, что это можетъ имѣть весьма хорошее влїянїе на Коммерцїю Голландїи.

Въ сїю минуту получаемъ Лондонскїя извѣстїя отъ 11 Марта, весьма важныя и безпокойныя для друзей мира. Король сообщилъ Парламентамъ, что великїя вооруженїя въ гаваняхъ Францїи и Голландїи — подъ *сомнительнымъ* предлогомъ отправленїя войскъ въ Колонїи, и въ то время, когда между Англїйскимъ и Французскимъ Правительствомъ идутъ важные переговоры — заставляютъ Великобританнїю взять новыя мѣры осторожности. Усердїе и патрїотизмъ съ жаромъ и блескомъ обнаружились въ обоихъ Парламентахъ, и черезъ двѣ недѣли 60 кораблей выдутъ въ море, доказать Наполеону Бонапарте, что Англїя можетъ *одна* противиться его безмѣрному властолюбїю. Барометръ Европы грозитъ намъ ненастьемъ. Политика въ раздорѣ съ человѣколюбїемъ и — больна упрямствомъ, естьли не ошибается. Скоро дѣла объяснятся.

Въ славномъ и древнемъ Болонскомъ Университетѣ учитъ теперь Греческому языку — дѣвица Тамброни! Молодые студенты любятъ только слушать свою умную Профессоршу, а не смотрѣть на нее: ибо она крайне дурна лицомъ (какъ говорятъ за тайну Италїянскїе Журналисты).

Пѣвецъ Мессїады, Клопштокъ, скончался въ Гамбургѣ на 78 году отъ рожденія. Имя его останется безсмертно въ Нѣмецкой Поэзїи, хотя не многїе читали (а впредь еще менѣе станутъ читать) Мессїаду. Талантъ Клопштока, можетъ быть, еще превосходнѣе Мильтонова: но творенїе сего послѣдняго гораздо занимательнѣе. О Мессїадѣ можно сказать то же, что Вольтеръ сказалъ о священныхъ Одахъ одного Французскаго стихотворца: oui, elles ſont sacrées, car perſonne n'y touche (*онѣ такъ святы, что никто до нихъ не касается*). Еще Лессингъ написалъ въ эпиграммѣ: *всѣ превозносятъ Клопштока; но пусть насъ менѣе хвалятъ и болѣе читаютъ!* Пока человѣкъ на землѣ, онъ любитъ земное: стихотворецъ не долженъ парить слишкомъ высоко, естьли онъ не хочетъ, чтобы люди сказали ему: *щастливой путь! летай одинъ*

Слѣдующій анекдотъ, взятый изъ Американскихъ вѣдомостей, долженъ устыдить всѣхъ нашихъ охотниковъ до поединковъ. Г. Родличь, Американецъ, за какое-то дѣло возненавидѣлъ Бостонскаго жителя, Г. Эллери, и вызывалъ его на дуэль; но Эллери отвѣчалъ: *я не трусъ, а драться не хочу* — и съ того времени всячески убѣгалъ своего непріятеля. Однакожь судьба свела ихъ въ одномъ трактирѣ: Родличь, употребивъ всѣ способы вывести изъ терпѣнія противника своего, и видя его непоколебимое равнодушіе, схватилъ наконецъ сего флегматика за носъ, жалъ, щипалъ, трясъ его и спрашивалъ: *пойдешь ли теперь на дуэль со мною?*... Эллери отвѣчалъ ему спокойно: *ты можешь оторвать мнѣ носъ, но не заставишь меня драться, ибо поединокъ есть глупость и несогласенъ съ моими правилами.* Къ щастью, вбѣжалъ трактирщикъ и высвободилъ носъ Господина Эллери изъ рукъ его непріятеля.

Новый Икаръ, Гарнеренъ, ѣдетъ въ Петербургъ, а оттуда будетъ и къ намъ въ Москву. Увидимъ, найдетъ ли онъ между Рускими охотниковъ летать по воздуху! По крайней мѣрѣ мы готовы слѣдовать за нимъ глазами. Французъ на воздухѣ въ своемъ элементѣ.

III.

Рѣчь Государственнаго Совѣтника Портальса при сообщеніи Французскому Законодательному Корпусу новаго гражданскаго брачнаго устава.

Граждане законодатели! семейства образуютъ государство, а бракъ семейства. Для того уставы и торжественности брака занимали всегда важное мѣсто въ гражданскомъ законодательствѣ просвѣщенныхъ народовъ.

Что есть супружество? союзъ мущины и женщины, которые желаютъ произвести себѣ подобныхъ, раздѣлить бремя жизни, соединить жребій свой. Можно ли оставить такой важной уговоръ на волю страстей? Законъ Натуры управляетъ животными; влечетъ и останавливаетъ ихъ. Потребность раждаетъ въ нихъ желаніе, и конецъ потребности есть конецъ желанія. Человѣкъ не таковъ; въ немъ говоритъ воображеніе, когда молчитъ Природа. Умъ и добродѣтель, которыя даютъ ему благородство, свободу и власть надъ самимъ собою, бываютъ иногда слабою защитою отъ неумѣренныхъ страстей и желаній. Осмѣлимся сказать, что естьли бы законы не упра-

вляли дѣйствїемъ нашихъ силъ и способностей во всемъ, подверженномъ тиранству чувствъ, то давно бы родъ человѣческїй истребился отъ самыхъ средствъ, данныхъ ему для его размноженїя.

И такъ не удивительно, что супружество было всегда предметомъ вниманїя законодателей: имъ надлежало опредѣлить закономъ обстоятельства сего союза и его слѣдствїя. Почти всѣ народы утверждаютъ бракъ именемъ Неба: столь велико его влїянїе на участь супруговъ! Соединяя настоящее съ будущимъ, онъ представляетъ уму необходимость Вышняго благословенїя для щастїя жизни, среди ея неизвѣстностей. Во всѣхъ случаяхъ, когда надежда и страхъ волнуютъ сердце человѣка, оно прибѣгаетъ къ Релиґїи, сближающей землю съ отдаленнымъ Небомъ. Но Релиґїя славится тѣмъ, что она не разстроиваетъ, а только освящаетъ порядокъ Натуры. Супружество было и есть необходимое дѣйствїе Природы, уставленное Творцемъ ея.

Прежде Революцїи гражданскїе законы были у насъ связаны съ духовными. Люди просвѣщенные желали ихъ раздѣленїя; желали, чтобы гражданское состоянїе человѣка не зависѣло отъ вѣры, имъ исповѣдуемой; но они находили вели-

нія препятствія. Нынѣ свобода богослуженія объявлена во Франціи, и гражданскіе уставы отдѣляются отъ духовныхъ. Законодатель слѣдуетъ великой мысли, что люди обязаны терпѣть все терпимое Провидѣніемъ, и что законъ, не могущій принудить гражданъ имѣть одну Вѣру, долженъ благотворить равно всѣмъ Французамъ, какъ Природа равно благотворитъ всѣмъ людямъ.

Теперь, граждане законодатели, вы можете судить о духѣ предлагаемаго вамъ устава. — Наблюдая правила естественнаго разсудка, мы старались утвердить щастіе особенныхъ семействъ и большаго семейства, которое всѣ ихъ вмѣщаетъ въ себѣ. Опредѣленіе брака показало намъ, что онъ есть союзъ физическій и моральный. Означая нужныя его условія, мы желали защитить нравственность человѣка отъ его собственныхъ и чуждыхъ страстей; желали сообразить дѣйствіе Природы съ его цѣлію.

Прежде всего надлежало опредѣлить лѣта для супружества. Натура не означаетъ ихъ единообразно и вѣрно; эпоха совершенной физической зрѣлости зависитъ отъ климата и даже отъ многихъ особенныхъ, неизвѣстныхъ намъ обстоятельствъ. Цвѣтъ юности распускается

иногда скорѣе, иногда медленнѣе; однакожъ законъ долженъ опредѣлить время, въ которое человѣкъ вѣроятнымъ образомъ достигаетъ до сей рѣшительной минуты, до сего новаго и совершеннѣйшаго бытія. Опытъ доказываетъ, что хорошее воспитаніе можетъ удалять желанія и долго хранить щастливую невинность; онъ доказываетъ также, что народы, которые имѣли обыкновеніе вступать въ брачный союзъ не рано, были обязаны сему спасительному обычаю здравіемъ и множествомъ дѣтей своихъ. Наблюденія и примѣры какъ древнихъ, такъ и новыхъ временъ убѣдили насъ, что осьмнадцать лѣтъ для мущины, а пятнадцать для женщины должны быть законными лѣтами супружества. Но тѣлесныя силы разбиваются скорѣе душевныхъ. Сперва мы только существуемъ, а не живемъ; уже начинаемъ жить, но еще не можемъ управлять собою. Для сего требуемъ непремѣнно согласія родителей на бракъ сына, которому нѣтъ двадцати-пяти лѣтъ роду, или на бракъ дочери, которой еще не исполнилось двадцати лѣтъ. Опекуны и ближніе имѣютъ права родителей въ случаѣ смерти сихъ послѣднихъ. Какъ есть время для Наукъ, такъ есть время и для знанія свѣта; молодые

люди не могутъ знать его, обманываются или бываютъ обмануты. Бракъ столь важенъ, что предосторожности необходимы. Супругъ честный и добродушный, хотя и въ самомъ нещастіи своемъ не нарушитъ святыхъ обязанностей, но можетъ укорять себя вѣтреностію; надобно благоразумными мѣрами предупредить сіе горестное, жестокое раскаяніе.

Мы положили для мущинъ одни совершенныя лѣта, а для женщинъ другія: всѣ законодатели различали ихъ. Природа въ одномъ полѣ развивается быстрѣе, нежели въ другомъ. Дѣвица, томясь въ долговременномъ ожиданіи, лишилась бы части тѣхъ прелестей, которыя способствуютъ щастливому замужству, и самая добродѣтель ея могла бы иногда подвергнуться опасности: ибо дѣвица видитъ въ супружествѣ начало своей вольности. Нельзя бояться того въ разсужденіи нашего пола, весьма склоннаго къ холостой жизни; къ нещастью, мы не рѣдко убѣгаемъ супружества, какъ цѣпей и принужденія.

Когда же дѣти придутъ въ совершенныя лѣта, тогда они сами могутъ рѣшить судьбу свою. Однакожь, слѣдуя древнему обыкновенію, мы упоминаемъ еще о согласіи родителей, естьли они

живы. Добрые нравы требуютъ сего уваженія дѣтской любви къ характеру достоинства и величія, напечатлѣннаго Природою на тѣхъ, которые суть для насъ образъ Творца въ здѣшнемъ мірѣ.

Правило, что вторичное супружество не дозволено, когда смерть или законъ не уничтожили перваго, входитъ въ естественныя права всѣхъ народовъ просвѣщенныхъ. Хотя многоженство терпимо въ нѣкоторыхъ земляхъ, однакожь нигдѣ не можетъ быть законно, утверждая рабство одного пола и самовластіе другаго. Нельзя назвать его истинною потребностію человѣка, который во всю жизнь долженъ хранить себя, и только въ нѣкоторыя минуты способствовать размноженію людей. Оно вводитъ въ семействахъ безпорядокъ, который сообщается и цѣлому государству; оно лишаетъ нѣжность и любовь всѣхъ прелестей, отнимая у нихъ все *исключительное*; оно противно главнымъ условіямъ брака, по которымъ два человѣка совершенно отдаются другъ другу взаимно, душею и тѣломъ Приближаясь къ тѣмъ странамъ, гдѣ многоженство дозволено, путешественникъ удаляется отъ самой нравственности.

Нигдѣ и никогда не было терпимо супружество между дѣтьми и родителями. Оно не сообразно съ физическими законами Природы, а всего не сообразнѣе съ законами стыдливости; оно уничтожило бы всѣ существенныя отношенія между отцомъ, матерью и дѣтьми, всѣ права и должности; оно для самой мысли ужасно. То же можно сказать вообще о супружествѣ единокровныхъ. Оно столь беззаконно, что народы, не имѣвшіе никакого сношенія между собою, почти вездѣ и всегда запрещали его. Не Римскіе законы научили варваровъ гнушаться кровосмѣшеніемъ: всѣхъ законовъ сильнѣе то чувство, которое приводитъ въ ужасъ многочисленное собраніе людей, видящихъ на театрѣ Федру, болѣе нещастную, нежели виновную — видящихъ, какъ она пылаетъ любовію беззаконною и сражается то съ добродѣтелію, то съ преступленіемъ.

Ужасъ кровосмѣшенія между братьями и сестрами происходитъ отъ правила народнаго цѣломудрія. Семейство есть святилище нравовъ: тамъ надобно избѣгать всего, что можетъ развратить ихъ. Возможность супружества между людьми живущими подъ одною кровлею воспалила бы гнусныя желанія: домъ отцевскій

осквернился бы порокомъ, и невинность съ добродѣтелїю оставили бы тогда послѣднее свое убѣжище. — Тѣ же причины не дозволяютъ родному дядѣ жениться на племянницѣ, или теткѣ выходить за племянника; одинъ часто заступаетъ мѣсто отца, а другая мѣсто матери.

Но мы не запретили супружества между двоюродными, которое нѣкогда считалось беззаконнымъ во Францїи. Обстоятельства перемѣнились. Намъ уже нѣтъ нужды благопрїятствовать союзу *разныхъ* фамилїй: къ нещастью, *духъ семейственный* имѣетъ нынѣ весьма слабое влїянїе на общество. Съ другой стороны прошло то время, когда двоюродные жили какъ родные и составляли одно многочисленное семейство. Нынѣ самые братья родные чуждаются другъ друга болѣе, нежели прежде двоюродные. Причины благопристойности, которыя не дозволяли брачнаго союза между людьми живущими въ одномъ домѣ, не существуютъ въ наше время; а другїя причины заставляютъ насъ утвердить, естьли можно, духъ семейственный бракомъ двоюродныхъ.

По общественному праву и Морали государственной законъ и согласїе родителей составляютъ бракъ; они даютъ женщинѣ достоинство супруги, столь

важное и великое, что, по словамъ Древнихъ, не любострастїе, а честь и добродѣтель украшаютъ ее симъ именемъ.

Брачный союзъ налагаетъ на супруговъ великїя обязанности въ разсужденїи дѣтей. И такъ общество должно знать тѣхъ, которые входятъ въ сїе обязательство. Союзы тайные не благопрїятствуютъ размноженїю людей, вредны для нравовъ и ведутъ за собою безпорядки. Кто будетъ отвѣтствовать за вѣрность браковъ, естьли они неизвѣстны, подобно мимолетнымъ связямъ, которыя производитъ удовольствїе, и которыя вмѣстѣ съ удовольствїемъ исчезаютъ? — Самое общество беретъ на себя должности въ разсужденїи супруговъ, обязываясь быть ихъ защитникомъ въ дерзкихъ покушенїяхъ распутства на святость ихъ союза. Законодатели учредили торжественные обряды и формы для несомнительности браковъ. Они должны совершаться при свидѣтеляхъ, въ народномъ домѣ. Не льзя быть тайнѣ въ такомъ дѣйствїи, въ которомъ самое гражданское общество участвуетъ, и которое даетъ ему новое семейство.

Мы дозволяемъ родителямъ противиться браку дѣтей своихъ даже и въ совершенныхъ лѣтахъ; но опредѣляемъ всѣ случаи, въ которыхъ сопротивленїе можетъ

быть дѣйствительно. Законъ не дерзнетъ наказать отца, когда и не уважитъ его возраженій. Отецъ можетъ быть излишно строгимъ; но сердце и совѣсть его есть святилище. — И другіе люди могутъ противиться браку; но естьли они не докажутъ его беззаконія, правосудіе наказываетъ ихъ, даже и въ случаѣ одной ошибки ума.

Было время — и оно еще не далеко отъ насъ — было время, когда малѣйшее неравенство въ имѣніи или въ состояніи могло быть препятствіемъ брачнаго союза, щастливаго и благоразумнаго. Нынѣ, когда равенство утверждено закономъ, два сердца могутъ слѣдовать нѣжнымъ вдохновеніямъ Природы, не боясь предразсудковъ гордости и сей общественной суетности, которая подчиняла супружество тягостному принужденію, необходимости, игрѣ судьбы и рока. Теперь не льзя страшиться жестокости честолюбія, которое въ супружествѣ искало всего, кромѣ щастія. Не одинъ, но всѣ классы общества имѣли такіе предразсудки; суетность, подобно состояніямъ, раздѣлялась на степени. Любезный характеръ, испытанныя добродѣтели, пріятность молодости, самыя прелести красоты были жертвою смѣшныхъ идей, которыя терзали живущихъ

и заранѣе губили потомство (*). Въ системѣ нашего законодательства мы уже не видимъ такихъ опасностей: всякой имѣетъ теперь болѣе власти надъ своимъ жребіемъ.

Опредѣливъ обязанности, въ разсужденіи брака, между родителями и дѣтьми, мы обратили свое вниманіе на взаимныя права и должности супруговъ.

Они обязаны другъ другу вѣрностію и вспоможеніемъ. Мужъ долженъ быть защитникомъ жены своей; жена должна повиноваться мужу: вотъ единственная *Мораль супруговъ*! Долго спорили о превосходствѣ и равенствѣ половъ: трудъ напрасный! Вездѣ мущина и женщина сходны и различны между собою; сходство происходитъ отъ *рода*, различіе отъ *пола*. Они бы менѣе любили другъ друга, естьли бы менѣе различались. Разнообразіе въ ихъ моральномъ существѣ предполагаетъ и разныя должности. Супружество имѣетъ безъ сомнѣнія общую цѣль для жены и мужа; но они идутъ къ сей цѣли не однимъ путемъ. Сила и смѣлость принадлежатъ мущинѣ, скромность и стыдливость женщинѣ. Они не могутъ заниматься однѣми работами, сносить

(*) Ораторъ говоритъ о супружествахъ неравныхъ лѣтами, прежде весьма обыкновенныхъ во Франціи.

одинакїе труды. Не законъ, но Природа опредѣляетъ жребій каждаго пола. Женщина имѣетъ нужду въ покровительствѣ, ибо она слабѣе; мущина свободнѣе, ибо онъ сильнѣе. Повиновенїе жены есть благодарность къ защитнику и необходимое слѣдствїе брачнаго союза, который не могъ бы существовать, естьли бы одинъ изъ супруговъ не повиновался другому. — Мужъ и жена равно обязаны быть вѣрными; но невѣрность жены предполагаетъ болѣе развраша, имѣетъ болѣе вредныхъ слѣдствїй, нежели измѣна мужа: для того первая всегда строже наказывается закономъ и мнѣнїемъ. Всѣ народы, просвѣщенные опытомъ, согласно думаютъ, что полъ любезнѣйшїй долженъ быть, для щастїя людей, и добродѣтельнѣйшимъ.

Тѣ женщины не знаютъ своей истинной пользы, которыя видятъ въ сей наружной строгости въ разсужденїи ихъ одно тиранство: нѣтъ, она есть въ самомъ дѣлѣ лестное и полезное отличїе. Опредѣленныя судьбою жить для удовольствїй одного человѣка и для прїятности всѣхъ людей, онѣ получили въ даръ отъ Неба сїю нѣжность, которая одушевляетъ красоту и мгновенно притупляется малѣйшимъ уклоненїемъ отъ добродѣтели:

сїе вѣрное проницанїе, которое можно назвать въ нихъ *шестымъ* чувствомъ, и которое усиливается и сохраняется только безпорочною жизнїю; сїю трогательную скромность, которая побѣждаетъ всѣ опасности, и которой не могутъ онѣ лишиться, не сдѣлавшись хуже мущинъ... И такъ не законодательная несправедливость, но естественное ихъ опредѣленїе бываетъ причиною строгихъ должностей, налагаемыхъ на женщинъ для ихъ собственнаго блага и пользы общества.

Въ статьях предлагаемаго закона мы довольно сказали о важности брачнаго условїя, святости его и ненарушимости. Онъ разрывается кончиною одного изъ супруговъ, законнымъ разводомъ и гражданскою смертїю. Нѣтъ нужды говорить о физической смерти, которая разрываетъ всѣ земные союзы. Смерть гражданская и разводъ составляютъ предметъ особеннаго закона.

Вдовые могутъ вступать въ новый брачный союзъ. Но добрые нравы не позволяютъ женѣ выти вторично за-мужъ, пока время не доказало, что первое замужство не оставило для нее слѣдствїй. Прежде сей срокъ былъ годовой, и назывался *годомъ траура*. Мы думаемъ, что довольно и десяти мѣсяцевъ для удовле-

творенія правиламъ народной благопристойности.

Теперь я совершилъ дѣло свое: вамъ, граждане законодатели, остается утвердить законъ супружества, предлагаемый мною именемъ Правительства, и тѣмъ надежно основать порядокъ гражданскій вмѣстѣ съ главнымъ благомъ народа.

Нѣкоторые новые Авторы требуютъ, чтобы законодатели ободряли союзъ брачный: но его надобно только утвердить закономъ. *Гдѣ есть мѣсто для удобной жизни двухъ человѣкъ, тамъ есть и бракъ.* Законодателю не чего прибавить: Натура все сдѣлала. Будучи всегда любезна, она щедрою рукою изливаетъ радости на важнѣйшее дѣйствіе человѣческой жизни; влечетъ насъ прелестію удовольствій къ исполненію прекраснѣйшаго долга размножить бытіе наше и готовитъ намъ нравственныя утѣхи, которыя въ тысячу разъ сладостнѣе самыхъ восторговъ. Всегда будетъ довольно браковъ для благоденствія Республики: надобно только, чтобы во Франціи было довольно благонравія для щастія браковъ. Вотъ предметъ мудрыхъ учрежденій законодателя! Хорошіе законы суть основаніе истиннаго могущества государствъ и главное богатство народовъ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

АПРѢЛЬ 1803.

№ 8.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Галатея, или статуя черезъ сутки по своемъ оживленіи (*).

Новая Комедія Госпожи Жанлисъ, переведенная изъ ея Журнала.

Дѣйствующія лица: *Пигмаліонъ* — *Галатея*, бывшая наканунѣ статуею, жена Пигмаліонова — *Нирей*, мальчикъ семи лѣтъ, служащій моделью Пигмаліону — *Эвринома*, старая женщина, кормилица Пигмаліонова — *Бѣдный старикъ* — *Эвфрозина*, молодая кошечка — *Мирина* — *Левкилъ*, молодой человѣкъ. — Дѣйствіе происходитъ въ саду Пигмаліоновомъ.

(*) Читатели знаютъ, что ваятель Пигмаліонъ влюбился въ статую свою, и что Амуръ оживилъ ее для щастливаго художника. — Эта піеса кажется мнѣ пріятною.

Явленіе I. — *Галатея сидитъ на дерновомъ канапе близъ ручья; подлѣ нее, на мраморномъ подножіи, стоитъ корзинка съ цвѣтами. Она доплетаетъ розовой вѣнокъ. За нею видѣнъ украшенный олтарь, на которомъ курятся ароматы. Помолчавъ:*

И такъ я одна, первый разъ въ моей жизни... Но Пигмаліонъ обѣщалъ скоро возвратиться... Ахъ! какое движеніе я тутъ почувствовала (*указывая рукою на сердце*), когда онъ сказалъ: „мнѣ должно на часъ разстаться съ тобою!“ Часъ долгъ безъ милаго друга!... Съ того времени, какъ живу, со вчерашняго дня, я не спускала глазъ съ Пигмаліона; а теперь напрасно ищу его! Въ одну минуту все для меня перемѣнилось; смотрю, слушаю безъ удовольствія, не слыша и не видя его!... Онъ посадилъ меня на берегу ручья и сказалъ: „въ ожиданіи „друга смотрись въ эту чистую воду; „любуйся прелестнымъ лицомъ своимъ, „славнѣйшимъ дѣломъ рукъ моихъ; по„мни, помни Любовь и Пигмаліона!“... Мнѣ пріятно исполнять волю его и видѣть черты, имъ образованныя и ему милыя... Но прелестна ли я въ самомъ дѣлѣ? Пигмаліонъ говоритъ, что есть въ свѣтѣ другіе люди, другія женщины;

онѣ могутъ быть и лучше меня. . . . Пигмалїонъ не всѣхъ видѣлъ: что, естьли когда нибудь найдетъ женщину, которая полюбится ему болѣе Галатеи? . . Какая страшная мысль! . . . Но онъ клялся любить вѣчно одну Галатею: можно ли бояться послѣ такой клятвы? Пигмалїонъ имѣетъ опытность; живетъ уже не сутки въ свѣтѣ, такъ какъ я; все знаетъ — и когда даетъ слово, то конечно увѣренъ въ сердцѣ своемъ. Я многое свѣдала отъ Пигмалїона; но не льзя узнать всего въ такое короткое время; у меня еще довольно сомнѣнїй и неясныхъ идей въ головѣ. Чтобы все изслѣдовать и понять совершенно, мнѣ надобно прожить въ свѣтѣ — дни три! . . . Между тѣмъ знаю, что я любима, и что другъ мой не можетъ перемѣниться. Могу ли разлюбить его? и сердце Пигмалїона не такое ли, какъ мое? Амуръ, ожививъ меня и соединяя насъ, принялъ обѣты любви нашей. О минута, навѣки для меня незабвенная! минута восторга и щастїя, когда я изъ ничтожества вдругъ перешла въ бытїе и чувство! Забуду ли первые любезные звуки, которые обновили слухъ мой? Амуръ, Амуръ говорилъ мнѣ: *Прими душу, Галатея; живи для того, чтобы любить и нравиться!* . . . Тутъ

сердце мое затрепетало, глаза открылись — и свѣтильникъ Купидона былъ для нихъ первымъ сїянїемъ; Пигмалїонъ и Любовь первымъ явленїемъ . . . . Я сошла съ подножїя; отдѣлилась отъ хладнаго мрамора (*указываетъ на него*), который за минуту передъ тѣмъ составлялъ часть меня самой. Пигмалїонъ освятилъ камень, на которомъ искусство его образовало Галатею; поставилъ олтарь Любви на томъ мѣстѣ, съ котораго Любовь свела меня . . . Олтарь милый! всякой день рука моя будетъ украшать тебя цвѣтами! . . . (*Встаетъ, льетъ на огонь ароматы, преклоняетъ колѣно, беретъ вѣнокъ розовый и кладетъ его на жертвенникъ.*) О ты, который извлекъ меня изъ ничтожества! Амуръ! Амуръ! прими жертву мою! Наслаждайся щастїемъ Галатеи, богъ благотворный! оно неизъяснимо, и ты одинъ, творецъ сего щастїя, можешь понять его! . . . Такъ, чѣмъ долѣе живу, тѣмъ болѣе чувствую цѣну и прелесть милаго очарованїя, которое называется жизнїю! . . . Но что слышу? . . Ахъ! это вѣрно Пигмалїонъ; лечу къ нему. . . . (*встаетъ и видитъ Нирея*) . . . Боги! какое прелестное существо!

Явленїе II. — *Галатея и Нирей.*

Галатея. Какъ прїятно затрепетало мое сердце! Не Амура ли вижу? Его ростъ и черты; но онъ безъ пламенника, безъ крыльевъ. . . Смотритъ на меня, улыбается. . . Такъ, это Амуръ. . . (*Становится на колѣни*).

Нирей. Эвриномы здѣсь нѣтъ; могу смѣло играть и рѣзвиться.

Галатея. Не его голосъ. . . Амуръ! (*Вставъ, идетъ къ нему.*).

Нирей. Ты меня зовешь?

Галатея. Амура ли вижу?

Нирей. Конечно; я маленькой Эротъ Пигмалїоновъ. Хочешь ли видѣть, какъ стою? смотри. . . (*Становится такъ, какъ Амура изображаютъ*).

Галатея. Какой языкъ! . . . Совсѣмъ не такой разговоръ, не такїе взоры. . . это не Купидонъ.

Нирей. Не правда ли, что хорошо представляю бога?

Галатея. Скажи, кто ты?

Нирей. Я Нирей.

Галатея. Нирей! . . . какое странное существо! . . . Ни мущина, ни женщина. . . Не понимаю.

Нирей. Что мудренаго? Я ребенокъ.

Галатея. Ребенокъ? ахъ! я не знаю

васъ. — (*Про себя.*) Надобно разсмотрѣть его и поговорить съ нимъ. (*Беретъ у него руку.*) Какая маленькая рука! однакожь похожа на мою... Скажи, много ли васъ въ свѣтѣ?

Нирей. Теперь насъ только 12 въ школѣ.

Галатея. Въ школѣ? это ваша земля?

Нирей. И начальникъ у насъ такой строгой, такой сердитой!

Галатея. Начальникъ? развѣ вы не однимъ богамъ повинуетесь?

Нирей. Нѣтъ, у насъ есть Стратонъ.

Галатея. Стратонъ? такой же ребенокъ, какъ вы?

Нирей (*засмѣявшись.*) Ребенокъ - учитель! ты шутишь. Стратонъ больше тебя — вотъ такой (*поднимаетъ руку*).

Галатея. И такъ онъ мущина?

Нирей. Конечно. Толстой голосъ его всякаго испугаетъ. *Нирей! знаешь ли урокъ свой?* вотъ какъ онъ говоритъ!

Галатея. Для чего же Стратонъ у васъ начальникъ?

Нирей. Для того, что мы малы.

Галатея. Ахъ! я теперь угадываю... Вы безсильны, и для того обязаны повиноваться?... Нирей! останься со мною; ты будешь дѣлать, что хочешь.

Нирей (*цѣлуя руку ея*). Съ радостїю; ты уже мила мнѣ.

Галатея. А ты мнѣ... Онъ трогаетъ мою душу. Какъ любезенъ ребенокъ!

Нирей (*прыгая съ радости*). Я не пойду въ школу; буду играть цѣлой день, рѣзвиться, бѣгать, лазить по деревьямъ!.. Хочешь ли видѣть? смотри... (*взлѣзаетъ на дерево*).

Галатея. Ахъ! какъ хорошо! Ты и меня выучишь: не правда ли?

Нирей. Въ одну минуту... Поди сюда.

Галатея (*подходя къ дереву*). Какъ же это сдѣлать?

Нирей. Возьмись обѣими руками за дерево — вотъ такъ — и поднимись... Хорошо, хорошо!

Галатея. Кора очень жестка... Я не могу (*падаетъ на землю*). Ахъ!.. какое ужасное, неизъяснимое, новое чувство!

Нирей (*спрыгиваетъ съ дерева*). Ты ушиблась?

Галатея (*съ ужасомъ*). Нирей, Нирей! какая странность! Взгляни на мою руку...

Нирей. Ты оцарапила ее.

Галатея (*опираясь на него*). Веди меня къ этому канапе... нѣтъ силъ итти.

Нирей. Со мною это всякой день случается. Не стыдно ли плакать отъ безделицы?

Галатея. Ахъ! я не имѣла идеи о такихъ ужасныхъ случаяхъ! Нирей! мнѣ жаль тебя: ради боговъ не лазь никогда по деревьямъ!

Нирей. И ты говоришь то же, что Эвринома и Стратонъ... (*Видитъ розы.*) А!.. цвѣты!.. Дозволь мнѣ взять ихъ... Только они уже завяли.

Галатея. Завяли?

Нирей. Посмотри.

Галатея. Какая перемѣна! они были такъ хороши поутру!

Нирей. Розы скоро вянутъ.

Галатея. Какая тлѣнная красота! Ахъ! естьли и наша со временемъ затмѣвается!... Нирей! брось цвѣты; мнѣ больно смотрѣть на нихъ. Они вселяютъ въ меня какія-то мысли, странныя, темныя, но безпокойныя.... А Пигмаліонъ не возвращается!

Нирей. Не послать ли за нимъ Эвриному?

Галатея. Что такое Эвринома?

Нирей. Пигмаліонова кормилица.

Галатея. Женщина?

Нирей. Конечно.

Галатея. Что слышу!.. Хороша ли она?

Нирей. Пигмаліонъ хвалитъ и любитъ ее.

Галатея. Любить?.. Что нужды! Онъ сказалъ, что я ему всѣхъ милѣе: о чемъ же безпокоиться? Родъ человѣческой есть одно семейство; мы всѣ должны любить другъ друга; но горячность супружеская ни съ чѣмъ не можетъ сравняться.

Нирей. Слушай... это громъ, кажется.

Галатея. Что такое громъ?.. Я слышу трескъ на небѣ, въ этомъ облакѣ...

Нирей (*садится на колѣни къ Галатеѣ*). Я боюсь грому.

Галатея. Какъ! этотъ шумъ тебѣ непріятенъ? онъ такъ хорошъ!

Нирей. Да можетъ убить человѣка.

Галатея. Убить?

Нирей. Ахъ!.. молнія!

Галатея. Какой яркой блескъ! какъ мило!

Нирей. Онъ убиваетъ до смерти, говорю тебѣ... Ахъ!.. какой ударъ!.. Уйду домой. (*Уходитъ.*)

Явленіе III. — *Галатея и потомъ Эвриномъ.*

Галатея. Убиваетъ до смерти!.. Что такое? не разумѣю; но можетъ быть и разумѣть не чего. Ребенокъ, кажется, не имѣетъ совершеннаго ума; родъ ихъ не можетъ равняться съ нашимъ.... Только сказанное имъ объ Эвриномъ не выходитъ у меня изъ мыслей. О Пигма-

лїонъ! сколько вопросовъ готовлю для тебя!.. Но когда же онъ возвратится? Не имѣю терпѣнїя ждать его, и сама пойду за нимъ. (*Идетъ съ театра*).

Эвринома (*показываясь съ другой стороны*). Пигмалїонъ не велѣлъ мнѣ пускать ее.

Галатея. Только не знаю, куда итти.

Эвринома. Она приближается къ рѣкѣ.

Галатея. Это вода; надобно перейти черезъ нее.

Эвринома (*бѣжитъ за нею*). О небо!.. Галатея! Галатея!

Галатея. Какой неизвѣстной голосъ кличетъ меня!

Эвринома (*схвативъ ее за руку*). Ты утонула бы... Ахъ! какъ она меня испугала!

Галатея. Боги! что за странное существо!

Эвринома. Къ щастью, что я, спрятавшись въ этой алеѣ, не спускала съ тебя глазъ.

Галатея (*смотря на нее*). Не могу выттти изъ удивленїя.

Эвринома. Поди, сядь опять на деревное канапе.

Галатея. Скажи ради боговъ, что ты такое?

Эвринома. Не уже ли ты считаешь меня мущиною?

Галатея. Ахъ нѣтъ! Пигмалїонъ не похожъ на тебя; Амуръ также.

Эвринома. А между собой и мною находишь ли сходство?

Галатея (*засмѣявшись*). Какой вопросъ!

Эвринома. Однакожь, не смотря на смѣхъ твой, я женщина.

Галатея. Ты? (*Смѣется*) О! естьли всѣ женщины таковы . . .

Эвринома. То не будешь ревновать: не правда ли?

Галатея. Я рада безъ памяти, естьли ты въ самомъ дѣлѣ женщина. Скажи только, не больно ли тебѣ имѣть такое лицо?

Эвринома. Ни мало; я имѣла время къ нему привыкнуть.

Галатея. Какая походка! какой станъ! какъ она сгорбилась! Сядь подлѣ меня: я хочу видѣть въ этой водѣ лицо свое вмѣстѣ съ твоимъ. (*Смотритъ въ ручей.*) Ахъ! какъ весело! (*Смѣется.*)

Эвринома. Она имѣетъ уже изрядное самолюбїе, хотя живетъ на свѣтѣ только другой день! . . Знаешь ли, Галатея, что надобно уважать старость?

Галатея. Ты называешься *старостїю*?

Эвринома. Эвриномою и . . . .

Галатея. Какъ! Эвринома, которой я столько боялась, воображая красоту

ея? Обними меня, любезная Эвринома! Я знаю, что Пигмалїонъ любитъ тебя, и буду сама другомъ твоимъ.

Эвринома. Такъ и быть; извиняю тебя. Ты вчера только узнала свѣтъ, и еще не имѣла времени научиться вѣжливости.

Галатея. Съ перваго взгляду она вселила въ меня нѣжное чувство, соединенное съ какимъ-то страхомъ; я не смѣла подойти къ ней; а теперь, напротивъ того, ея голосъ, лицо, видъ, неизъяснимымъ и новымъ для меня образомъ трогаютъ мою душу.

Эвринома. Тебѣ смѣшно видѣть женщину съ сѣдыми волосами и морщинами: бѣдная! ты не всегда будешь этому смѣяться.

Галатея. Слѣдственно то, съ чѣмъ смотрю на тебя, называется смѣхомъ?

Эвринома. Конечно.

Галатея. Я не знала его. Смѣхъ очень милъ!

Эвринома. А слезы тебѣ вѣрно уже извѣстны?

Галатея. Ахъ! я заплакала разставаясь съ Пигмалїономъ!

Эвринома. Такъ обыкновенно начинается жизнь.

Галатея. Знаешь ли, что я видѣла ребенка?

Эвринома. Маленькаго Нирея, который служитъ моделью для Пигмаліона.

Галатея. Моделью?

Эвринома. Тебѣ извѣстно, что Пигмаліонъ ваятель?

Галатея. Безъ сомнѣнія!

Эвринома. Галатея была лучшею его статуею; но онъ сдѣлалъ и множество другихъ: ты видѣла у него въ мастерской Венеру, Нимфъ и маленькаго Амура. . .

Галатея. Который стоялъ противъ моего пьедесталя?

Эвринома. Не находишь ли сходства между имъ и Нереемъ?

Галатея. А! понимаю. Нирей былъ статуею и подобно мнѣ одушевленъ Купидономъ.

Эвринома. Нѣтъ; а Пигмаліонъ, желая изобразить Амура, представилъ черты Нереевы.

Галатея. Такъ ли онъ дѣлаетъ всѣ статуи?

Эвринома. Безъ сомнѣнія.

Галатея. О боги! и такъ есть женщина, по которой онъ изобразилъ меня? Я ничто иное, какъ слѣпокъ? Когда же подлинникъ вздумаетъ спорить со мною объ его сердцѣ? . .

Эвринома. Успокойся.

Галатея. Не могу; эта мысль терзаетъ меня. Ахъ! я считала себя твореніемъ его Генія, а вмѣсто того должна быть однимъ подражаніемъ! Онъ въ другой нашелъ тѣ черты, которыя ему нравятся!

Эвринома. О! будь увѣрена, что онъ нашелъ ихъ только въ своемъ воображеніи.

Галатея. Лицо мое имъ выдумано?

Эвринома. Совершенно — оно же составляетъ единственное сходство въ людяхъ. Слѣдственно ты не должна бояться никакой модели.

Галатея. Ахъ! я отдохнула.

Эвринома. Что касается до другихъ частей, то онъ не удовольствовался одною моделью: у тебя ноги Аглаины, руки Кефизины и (чему конечно удивишься) мой станъ.

Галатея (*съ великимъ смѣхомъ*). Твой станъ?

Эвринома. Точно.

Галатея. Какъ можно?

Эвринома. Примѣтила ли ты въ Пигмаліоновой мастерской статую Флоры?

Галатея. Знаю; она прекрасна. Пигмаліонъ сказалъ мнѣ, что Флора есть богиня цвѣтовъ.

Эвринома. Эта величественная статуя съ миловиднымъ лицомъ есть мой образъ.

Галатея (*смѣясь*). Твой образъ?

Эвринома. Безъ всякаго сомнѣнія. Пигмаліоновъ отецъ также славился ваятельнымъ искусствомъ; я была невольницею жены его, молода и прекрасна. Онъ сдѣлалъ съ меня эту статую. Пигмаліонъ изъ любви къ отцу и ко мнѣ хранитъ ее; онъ изобразилъ свою Галатею съ Флоринымъ, то есть моимъ станомъ.

Галатея. Не понимаю. Изъясни мнѣ прежде, что такое *невольница*? тогда я, можетъ быть, угадаю остальное.

Эвринома. Невольница есть *нещастная*, бѣдная женщина, лишенная даровъ Фортуны, и для того обязанная исполнять волю другихъ, отказываясь отъ собственной воли.

Галатея. Развѣ есть нещастные въ свѣтѣ?

Эвринома. Конечно — для того, что есть злые.

Галатея. Эвринома! . . . ты приводишь въ смятеніе всю душу мою; возбуждаешь во мнѣ любопытство и страхъ; нетерпѣливо желаю знать и боюсь отвѣтовъ твоихъ. . . Ахъ! чувствую, что я

скоро буду жалѣть о щастливомъ невѣдѣнїи первыхъ минутъ бытїя моего! . . . Бѣдная Эвринома! ты была хороша . . . Развѣ душевныя горести и неволя истребляютъ красоту? развѣ невольница не можетъ сохранить своихъ прелестей?

Эвринома. Нѣтъ, Галатея, я была жертвою всеобщаго для людей закона. . .

Галатея. О Небо! какая ужасная мысль! Какъ! не уже ли, подобно розамъ, которыя увяли въ моихъ глазахъ, мы сами цвѣтемъ только одну минуту? . . Ты молчишь . . . И такъ это правда?

Эвринома. Галатея! такъ угодно богамъ. Красота есть тлѣнный цвѣтъ. Я была молода, подобно тебѣ; а ты, подобно мнѣ, состарѣешься.

Галатея. Красота есть тлѣнный цвѣтъ! Ты смотришь на меня съ сожалѣнїемъ. . . Эвринома! . . . ахъ! скажи, не перемѣнилось ли уже мое лицо? не состарѣлась ли я? (*Бросается въ объятїя къ Эвриномѣ*).

Эвринома. Успокойся, Галатея, и посмотри на себя въ зеркалѣ этой воды.

Галатея. Не смѣю.

Эвринома. Ты еще можешь не бояться лица своего.

Галатея (*взглянувъ въ ручей*). Боги!... какая перемѣна! какая ужасная блѣдность!

Эвринома. Она произошла отъ твоего страха и вмѣстѣ съ нимъ исчезнетъ. Послушай, Галатея: ты не можешь знать, что такое годъ; но вообрази, что множество дней составляетъ его, и что многіе годы еще отдѣляютъ тебя отъ старости.

Галатея. А мущины старѣются ли?

Эвринома. Безъ сомнѣнія. Къ нашему щастью, они не во всемъ законодатели, и сами зависятъ отъ уставовъ Природы. Пигмаліонъ, будучи старѣе тебя, долженъ прежде и состарѣться.

Галатея. Ахъ! я увѣрена въ вѣчной своей любви къ нему; но будетъ ли онъ любить меня въ старости?

Эвринома. Конечно, и еще болѣе, нежели теперь.

Галатея. Ты утѣшаешь меня. Однакожь Пигмаліонъ влюбился въ мое лицо, твореніе рукъ своихъ. . .

Эвринома. Красота плѣняетъ на минуту; но однѣ прелести ума и добродѣтель утверждаютъ склонность.

Галатея. Ты производишь во мнѣ новое безпокойство. Зная все, скажи, любезная Эвринома, имѣю ли умъ и добродѣтель?

Эвринома. Естьли не ошибаюсь, то будешь очень умна.

Галатея. А добродѣтели вѣрно нѣтъ во мнѣ?

Эвринома. Добродѣтель состоитъ въ исполненіи нашихъ обязанностей.

Галатея. Какихъ же?

Эвринома. Почитать боговъ и любить человѣчество есть главная наша обязанность.

Галатея. Это чувство нахожу въ моемъ сердцѣ.

Эвринома. Сохрани навѣки его нѣжность, Галатея; она сдѣлаетъ тебѣ много горя, но дастъ вкусить и единственное на землѣ щастіе.

Галатея. Простите, любезныя заблужденія! Я уже знаю, что есть въ свѣтѣ невольники, злые и старость. По крайней мѣрѣ, Эвринома, все ли ты мнѣ сказала?

Эвринома. Все — для нынѣшняго дня.

Галатея. Какъ! не уже ли есть еще другія бѣдствія?

Эвринома. Одинъ опытъ можетъ совершенно познакомить тебя со свѣтомъ.

Галатея. Ты прибавляешь новой страхъ къ моей горести.

Явленіе IV. — *Галатея, Эвринома и старикъ нищій.*

Галатея. Новой предметъ!... Кто это?

Эвринома. Нищій, который, видя дверь отворенную, вошелъ въ нашъ садъ.

Галатея. Походка его сходна съ твоею. Это вѣрно старая женщина?

Эвринома. Старикъ мущина.

Галатея. Можетъ быть твой Пигмаліонъ, твой мужъ, бѣдная Эвринома?

Эвринома. Я его совсѣмъ не знаю.

Галатея. А кажется, вы другъ для друга созданы. . . Онъ насилу идетъ; я поведу его.

Эвринома (*въ сторону*). Увижу, какое впечатлѣніе сдѣлаютъ въ ея сердцѣ слова нищаго.

Галатея. Дай мнѣ руку, старикъ.

Нищій. Не смѣю.

Галатея. Дай, говорю тебѣ. . . Какъ ты усталъ! Сядь на канапе.

Нищій. Ты смѣешься надо мною: могу ли сѣсть при тебѣ?

Галатея. Чтожь мѣшаетъ?

Нищій. Почтеніе.

Галатея. Что онъ говоритъ?

Эвринома. Робѣетъ тебя.

Галатея. Мнѣ грустно думать, что пугаю его. Я не стара: слѣдственно онъ считаетъ меня злою?

Эвринома. Нѣтъ; а только чувствуетъ низость свою передъ тобою.

Галатея. Несправедливо: онъ жилъ долѣе, и по тому умнѣе меня; можетъ быть моимъ наставникомъ, а я не въ силахъ заплатить ему... Сядь же, доброй старикъ!

Эвринома (*нищему*). Повинуйся, когда Галатея того хочетъ. (*Нищій садится.*)

Галатея. Какъ онъ дурно одѣтъ! весь въ заплатахъ. . . Для чего носишь такое худое платье?

Нищій. У меня нѣтъ другова.

Галатея. Эвринома! принеси Пигмаліонову вышитую золотомъ мантію, которая лежитъ въ моей комнатѣ. Мы отдадимъ ее старику.

Нищій. На что шутить надъ моею бѣдностію? Естьли не желаешь подать мнѣ милостыни, то по крайней мѣрѣ не держи меня.

Галатея. Что такое милостыня?

Нищій. У меня трое малолѣтныхъ дѣтей, которымъ ѣсть нечего. Ты богата: сжалься надъ бѣдными.

Галатея. Что такое богатство?

Нищій. Золото.

Галатея. Которымъ я украшаюсь?

Эвринома. Такъ, Галатея: металлъ твоего ожерелья необходимъ для жизни людей въ гражданскихъ обществахъ. Безъ

золота не льзя имѣть ни дому, ни платья, ни пищи.

Галатея. Этотъ человѣкъ не имѣетъ его?

Эвринома. Ахъ нѣтъ! онъ родился въ бѣдности.

Галатея. Для чего же давно не сказалъ о томъ?

Эвринома. Безпрестанно проситъ, но ему отказываютъ или даютъ очень мало.

Галатея. Можно ли? . . . Это для меня непонятнѣе всего, что я отъ тебя слышала. . . (*Снимаетъ съ себя ожерелье.*) Доброй, бѣдной старикъ! вотъ тебѣ золото; этова, можетъ быть, мало; но у меня нѣтъ болѣе (*отдаетъ ему*).

Нищій. Что ты дѣлаешь!

Галатея. Естьли тебѣ не льзя имѣть дому, то останься здѣсь. Я стану кормить тебя; а Пигмаліонъ дастъ тебѣ хорошее платье.

Нищій. Возьми назадъ это украшеніе; для меня лучше деньги.

Эвринома (*давая ему нѣсколько золотыхъ монетъ*). Золото въ этомъ видѣ для него лучше.

Нищій (*взявъ деньги и положивъ Галатеино ожерелье на канапе*). Юпитеръ да исполнитъ всѣ твои желанія!

Галатея. Доволенъ ли ты?

Нищій. Этотъ день есть щастливѣйшій моей жизни. Я пойду къ дѣтямъ.

Галатея. Послушай... Теперь я могу думать, что не ты одинъ на землѣ имѣешь нужду въ золотѣ: естьли узнаешь другихъ бѣдныхъ людей, то сдѣлай милосіпь, пришли ихъ ко мнѣ.

Нищій. Сосѣдка моя Криѳея почти такъ же бѣдна, какъ и я.

Галатея. Слышишь ли, Эвринома?

Эвринома. Вотъ тебѣ и для сосѣдки (*отдаетъ ему двѣ золотыя монеты*).

Нищій. Какъ она обрадуется!.. Простите. Боги наградятъ васъ. (*Уходитъ.*)

Явленіе V. — *Галатея, Эвринома.*

Галатея (*провожаетъ глазами старика; задумывается и долго молчитъ*)... Нѣтъ, не смѣю предаваться новымъ мыслямъ, которыя меня тревожатъ!... Есть бѣдные; они живутъ подлѣ насъ, и мы оставляемъ ихъ въ нуждѣ!.. Нѣтъ, я увѣрена, что Пигмаліонъ не знаетъ ихъ!

Эвринома. Пигмаліонъ добръ и чувствителенъ.

Галатея. А бѣдный старикъ умиралъ съ голоду!.. Когда нѣкоторые люди совсѣмъ не имѣютъ этова полезнаго золота, то не грѣхъ ли имѣть его много? Когда есть бѣдные, то не виноваты ли богатые?

Эвринома. Живъ только одинъ день на свѣтѣ, ты не могла бы понять моего отвѣта на вопросы твои.

Галатея. Ахъ! не смотря на мое невѣжество, сколько ужасовъ предчувствую!. Одинъ Пигмалїонъ могъ бы объяснить мои сомнѣнїя; а его все нѣтъ! Ради Юпитера, поведи меня къ нему!

Эвринома. Не могу; мнѣ должно быть здѣсь.

Галатея. И такъ пойду одна.

Эвринома. Куда же?

Галатея. Не знаю; но я обойду всю землю и сыщу его.

Эвринома. Какая остроумная догадка!

Галатея. Ты смѣешься; это не хорошо.

Эвринома. Я не сердилась, когда ты смѣялась надъ моею старостїю.

Галатея. Тебѣ не было грустно.

Эвринома. Останься здѣсь, любезная Галатея. Я не пущу тебя.

Галатея. Какъ! развѣ я твоя невольница? кто тебѣ далъ право повелѣвать мною?

Эвринома. Вотъ первая досада въ жизни твоей! . . Но я удерживаю тебя единственно изъ дружбы къ тебѣ. Естьли выдешь одна изъ дому, то подвергнешься многимъ опасностямъ.

Галатея. О боги! Пигмалїонъ вышелъ одинъ: слѣдственно онъ въ опасности?

Эвринома. Нѣтъ, опытность продохранитъ его. На примѣръ, ты захотѣла бы бѣжать, не умѣя бѣгать — могла бы упасть и больно ушибиться.

Галатея. Какъ давече, взлѣзая на дерево? О небо! какимъ бѣдствїямъ человѣкъ подверженъ въ свѣтѣ!

Эвринома. Для женщинъ есть и другїя опасности. Ты молода и прекрасна: естьли встрѣтишься злымъ людямъ, то они могутъ похитить тебя и навѣкъ разлучить съ Пигмалїономъ.

Галатея. Какой ужасъ!

Эвринома. Ты едва было-не упала въ рѣку: знай, что въ водѣ можно утонуть.

Галатея. Утонуть?

Эвринома. Да, лишиться бытїя.

Галатея. Лишиться бытїя?.. Эвринома! жизнь можетъ прекратиться?

Эвринома. Ты заставляешь меня открыть тебѣ эту печальную истину.

Галатея. Жизнь можетъ или должна прекратиться?.. Ты не отвѣчаешь?.. Разумѣю это ужасное молчанїе!.. И такъ мы родимся единственно для того, чтобы умереть!..

Эвринома (*поддерживая Галатею*). Она блѣднѣетъ... глаза ея закрываются.

Галатея. Всему конецъ... Чувствую, что снова обращаюсь въ холодный и неподвижный мраморъ, изъ котораго меня образовали!... Свѣтъ затмѣвается въ глазахъ моихъ... уничтожаюсь, исчезаю!... о Пигмалїонъ!

Эвринома. Ободрись, Галатея!... Страхъ тебя обманываетъ.

Галатея (*открывая глаза*). Боги!... опять вижу свѣтъ!... Эвринома!

Эвринома. По закону Натуры ты должна еще долго, долго наслаждаться щастїемъ любви и любезности. Мысль о смерти ужасаетъ тебя въ началѣ жизни, а я стою покойно на краю могилы: знай, что старость предвѣщаетъ смерть!

Галатея. Ахъ! естьли такъ, то жалѣю о тебѣ; удивляюсь твоему мужеству, и не могу понять его.

Эвринома. Осыпанная всѣми дарами Природы и Фортуны, можешь назваться щастливѣйшею изъ смертныхъ; но ты въ отчаянїи, Галатея, отъ того, что родилась совершенною, съ умомъ и сердцемъ чувствительнымъ. Такова здѣшняя жизнь! Мудрость боговъ даровала намъ дѣтство, чтобы *мало по малу* прїучить наше воображенїе къ такимъ идеямъ, которыя новостїю своею ужаснули бы насъ въ лѣтахъ чувства и разсудка.

Галатея. Ахъ! можемъ ли привязываться къ жизни, зная, что необходимо должно лишиться ее! Какъ! я исчезну! . . . это сердце чувствительное перестанетъ любить! . . . Нѣтъ, не могу такъ думать! . . . Божественное дохновенїе, извлекшее меня изъ ничтожества, сообщило мнѣ то, что не можетъ погибнуть: умъ и чувство. Я видѣла звѣрей и птицъ: они несовершенны; не разсуждаютъ, не говорятъ — не знаютъ боговъ и не умѣютъ чтить ихъ; вѣрю, что они уничтожатся; но боги образовали меня для того, чтобы служить имъ — жертва, которой они требуютъ отъ моей души, доказываетъ мнѣ ея величїе. Я состарѣюсь, перемѣнюсь, можетъ быть, видомъ и существомъ — но не умру!

Эвриномa. Ты угадала вѣчную, святую истину, ужасъ злыхъ и кроткую надежду невинности! Такъ, Галатея, душа твоя не погибнетъ . . . Освобожденная со временемъ отъ узъ жизни и тлѣнности, она вознесется въ нѣдра боговъ наслаждаться блаженствомъ добродѣтели.

Галатея. Я оставлю землю! . . . навѣки! . . , Естьли Пигмалїонъ, будучи старѣе меня, умретъ прежде? . . . О мысль ужасная! вся душа моя содрогает-

ся! . . . Но какой шумъ! какой крикъ! . . (*Слышенъ охотничій рогъ*).

Явленіе VI. *Тѣ же и Нирей.*

Нирей (*вбѣгая*). Эвринома! Галатея! подите, подите глядѣть, какъ ѣдутъ охотники!

Галатея. Что такое?

Нирей. Они убили дикую козу. . . . людей множество! . . . какъ весело!

Галатея. *Убили*? то есть, отняли жизнь?

Нирей. Да, Левкипъ убилъ козу, и радуется.

Галатея. То прекрасное, смирное животное, которое я видѣла въ этомъ лѣсу?

Нирей. Да, коза очень хороша, и бѣгаетъ такъ прытко, такъ прытко!...

Галатея. За чѣмъ же они умертвили ее?

Нирей. Для забавы; имъ это весело.

Галатея. О тираны! . . . какая жестокость! . . . Эвринома! уйдемъ, скроемся отъ злодѣевъ!

Эвринома. Не бойся, любезная Галатея!

Галатея. Можно ли не бояться такихъ варваровъ?

Нирей. Когда не хотите смотрѣть, то я уйду отъ васъ (*убѣгаетъ*).

Явленїе VII. *Галатея, Эвринома.*

Галатея. Эвринома! я дрожу отъ страха. . . .

Эвринома. Напрасно, говорю тебѣ. Левкипъ есть молодой, любезной и добродушной человѣкъ.

Галатея. Добродушной? тотъ, кто убиваетъ невинныхъ звѣрей въ забаву?

Эвринома. Эта жестокость давно вошла въ обыкновенїе. Всѣ мущины охотники.

Галатея. И такъ всѣ они варвары!

Эвринома (*въ сторону*). Бѣдная, невинная Галатея! что будетъ съ нею, когда она узнаетъ о герояхъ, о завоевателяхъ; когда услышитъ похвалу всѣхъ злодѣянїй честолюбїя! . . . Ты плачешь, Галатея?

Галатея. Ахъ! скажи мнѣ, что Пигмалїонъ не любитъ охоты и не убиваетъ животныхъ!

Эвринома. Могу тебя въ этомъ увѣрить. Рука его только однажды поразила звѣря, и то для общей пользы.

Галатея. Какъ?

Эвринома. Пигмалїонъ убилъ страшнаго кабана, который былъ ужасомъ здѣшнихъ мѣстъ.

Галатея. И такъ есть лютые, свирѣпые звѣри? . . . Вотъ еще зло, котораго я не знала!

Явленіе VIII. *Тѣ же и Нирей.*

Нирей. Всѣ охотники уѣхали; одинъ Левкипъ остался; онъ идетъ сюда съ Эвфрозиною и Мириною, которыя встрѣтили его на дорогѣ.

Галатея. Это женщины?

Нирей. И прекрасныя. Эвфрозина очень нарядна; въ богатомъ платьѣ, въ золотомъ ожерельѣ . . . . Вотъ онѣ: видишь ли? (*бѣжитъ къ нимъ*).

Эвринома. Левкипъ другъ Пигмаліоновъ; ты должна принять его ласково.

Галатея. Могу ли забыть, что онъ убилъ бѣдную козу?

Эвринома. Супругъ твой огорчится, естьли узнаетъ, что ты грубо обошлась съ Левкипомъ.

Галатея. А женщинъ надобно ли принять ласково въ угодность Пигмаліону?

Эвринома. Онъ ихъ почти не знаетъ и совсѣмъ не любитъ; но когда онѣ идутъ къ тебѣ въ гости, ты должна быть учтивою.

Галатея. Учтивою?

Эвринома. Вотъ онѣ; поди къ нимъ на встрѣчу.

Галатея. Не смѣю . . . я никогда не видала молодыхъ женщинъ, и боюсь ихъ. Левкипъ, жестокой охотникъ, также пугаетъ меня.

Эвринома. И такъ можешь уйти отъ нихъ.

Галатея. Нѣтъ; хотя и боюсь, однакожь мнѣ хочется видѣть молодыхъ людей.

Явленіе IX. *Тѣ же; Эвфрозина въ богатомъ уборѣ, Мирина просто одѣтая, и Левкилъ.*

Галатея. Ахъ! дай мнѣ спрятаться за тебя! (*прячется за Эвриному*).

Эвфрозина. Садъ очень милъ.

Левкилъ. Здравствуй, добрая Эвринома. Пигмаліона здѣсь нѣтъ? (*Увидѣвъ Галатею, которая закрываетъ себѣ лицо обѣими руками.*) Что вижу?... молодую женщину? ... какой станъ! ... совершенная Нимфа!

Эвфрозина. Это конечно одна изъ Пигмаліоновыхъ моделей; только ударюсь объ закладъ, что лицо ея не отвѣтствуетъ стройному стану.

Мирина. Мнѣ будетъ жаль; застѣнчивость могла бы еще болѣе украсить прекрасное лицо.

Левкилъ. Не льзя, чтобы Природа образовала такой станъ не для совершенной красоты... Любезная Нимфа! взгляни... (*Левкилъ беретъ ее за руку, а Эвринома за другую; Галатея потупляетъ глаза*

и молчитъ.) Не правъ ли я? (*Оборотясь къ Миринѣ.*) Какое небесное лицо!

Мирина. И какая любезная кротость на немъ написана!

Левкилъ. Бѣдная! какъ она дрожитъ!

Эвринома. Успокойся, Галатея.

Левкилъ. Галатея? прекрасное имя!

Галатея (*взглянувъ на Левкила*). Боюсь. . . однакожь. . . у тебя не злое лицо. . . . Дай мнѣ слово, что ты не похитишь меня.

Левкилъ. Какъ?

Эвфрозина (*съ насмѣшкою.*). Какая скромная боязливость!

Мирина. Знакъ невинности.

Эвринома. Извините ея простосердечіе. Она еще не знаетъ свѣта, не имѣетъ опытности. . .

Левкилъ. И тѣмъ любезнѣе . . .

Мирина. И тѣмъ прогательнѣе.

Левкилъ. Не бойся, прекрасная Галатея! Чувство, тобою вселяемое, не можетъ ничѣмъ оскорбить твоей скромности.

Галатея (*Эвриномѣ*). Какой онъ доброй! я не ожидала того.

Эвфрозина (*съ насмѣшкою*). Продолжай, Левкипъ; чрезмѣрная невинность ея не пугается такого языка. . .

Левкипъ. Могу ли надѣяться, Галатея, что я тебѣ не противенъ?

Галатея. Ты мнѣ очень нравишься.

Эвфрозина (съ насмѣшкою). Прекрасно!

Левкипъ. О! я не вѣрю; въ такихъ случаяхъ не говорятъ правды столь откровенно.

Галатея. Для чего же?

Левкипъ. Знаешь ли, что такое признаніе можно счесть дозволеніемъ любить тебя страстно?

Галатея. Какъ! развѣ у тебя нѣтъ любимой женщины?

Левкипъ. Смотря на тебя, легко все забыть.

Галатея. Ты жалокъ, естьли никого не любишь. Я супруга Пигмаліонова, и навѣкъ отдала ему сердце свое.

Левкипъ. Супруга его? какъ онъ щастливъ!

Эвфрозина. Вотъ самой лестной для насъ разговоръ! Какъ тебѣ кажется, Мирина?

Мирина. Признаюсь, что не могу винить Левкипа.

Эвфрозина. И такъ эта невинность кажется тебѣ отмѣнною красотою?

Мирина. Единственною, безпримѣрною.

Эвфрозина (съ досадою). Безпримѣрною . . . а тебѣ, Левкипъ?

Галатея (*съ живостїю Левкилу*). Скажи, что такъ же!

Левкилъ (*засмѣявшись*). Можно ли тебя ослушаться! . . Да, Галатея, ты мнѣ кажешься безпримѣрною.

Галатея. Я этому очень рада.

Эвфрозина. Вотъ что называется трогательнымъ простосердечїемъ! Я теперь къ удовольствїю своему узнала, что совершенная невинность есть ничто иное, какъ грубое кокетство.

Мирина. Не думаю. . . Послушай, Галатея: для чего тебѣ не хочется, чтобы мы были лучше тебя?

Галатея. Для того, что я жду Пигмалїона, и что онъ можетъ съ вами встрѣтиться.

Мирина. Назовешь ли это кокетствомъ, Эвфрозина? . . Обними меня, любезная Галатея!

Галатея. Съ радостїю . . . потому что ты для меня очень мила.

Эвфрозина. И такъ мнѣ одной не удалось заслужить твоего вниманїя, Галатея! Знаешь ли, что я ревнива?

Левкилъ (*въ сторону*). То есть завистлива, какъ неуваженная кокетка!

Галатея. Ревнива? слѣдственно ты меня любишь? это странно!

Эвфрозина. По чему же?

Галатея. Потому что я не люблю тебя. (*Всѣ смѣются, кромѣ Эвфрозины.*)

Эвринома. Что ты говоришь, Галатея?

Галатея. Правду.

Эвфрозина. Искренность очень мила.

Галатея. А мнѣ казалось, что я тебѣ не нравлюсь.

Эвфрозина. Напротивъ — ты меня забавляешь.

Галатея. Голосъ и взоры твои очень странны и выражаютъ совсѣмъ не то, что слова. .... Не льзя ли думать одно, а говорить другое? Ты даешь мнѣ идею о томъ; но это должно быть очень трудно и скучно.

Левкилъ. Нѣтъ, Галатея, нѣкоторые люди родятся съ такимъ искусствомъ.

Галатея. Какъ! она не принуждаетъ себя, и всегда такова? Бѣдная Эвфрозина! какъ ты жалка! Я уже не сердита на тебя!

Эвфрозина (*въ сторону*). Несносная грубіянка! надобно притвориться. (*Вслухъ*). Лицо мое тебѣ не нравится? что дѣлать! оно не рѣдко ссоритъ меня съ женщинами.

Галатея. Нѣтъ, ты не дурна.

Эвфрозина (*съ насмѣшкою*). Право?

Галатея. Я думаю, что ты даже хороша.

Эвфрозина. Не уже ли?

Галатея. Жаль, что уборъ твой мѣшаетъ видѣть тебя.

Эвфрозина. По чему?

Галатея. У тебя на головѣ, на шеѣ и въ ушахъ столько свѣтлыхъ камешковъ, что между ими мудрено замѣтить лицо твое.

Эвфрозина. Удивляюсь твоему разуму, Галатея!

Галатея. Ты опять, кажется, говоришь то, чего не думаешь; но Эвринома, которая никогда не обманываетъ, сказала мнѣ, что я въ самомъ дѣлѣ умна.

Левкилъ. Какъ она мила!

Галатея (*Эвфрозинѣ*). Слышишь ли онъ говоритъ, что думаетъ; я это вижу.

Левкилъ (*Миринѣ*). Какое искусство можетъ сравняться съ тонкимъ природнымъ чувствомъ?

Мирина. Оно дѣйствуетъ только въ невинномъ сердцѣ.

Эвфрозина (*съ насмѣшкою*). Галатея съ такими свойствами полюбится въ свѣтѣ!

Мирина. Конечно! проницаніе ума и невинность сердца предохранятъ ее отъ многихъ заблужденій, которыхъ мы бываемъ жертвою. Хитрое искусство наше не стоитъ ея природнаго чувства. Никто

не обманетъ Галатеи ложною похвалою; прелестники не заманятъ ее въ сѣти свои. Будутъ смѣяться надъ простосердечїемъ и любить искренность ея; самая зависть признается тайно, что единственно такїя свойства могутъ родить любовь истинную и надежную.

Галатея (*Миринѣ*). Ты хорошо говоришь. Я не все разумѣю, только всякое слово твое мнѣ нравится. Скажи, отъ чего люблю смотрѣть на тебя?

Левкилъ. Знаешь ли, Галатея, что такое симпатїя?

Галатея. Нѣтъ.

Левкилъ. Она влечетъ тебя къ Миринѣ.

Мирина. И скоро можетъ обратиться въ дружбу.

Эвфрозина (*Галатеѣ*). А то, что мы взаимно чувствуемъ другъ ко другу, называется антипатїею.

Галатея. Это должно быть противное симпатїи?

Эвфрозина. Точно. — Прости, Галатея. Слѣдуя примѣру искренности, которою ты должна плѣнять сердца въ свѣтѣ, скажу откровенно, что нахожу тебя смѣшною до глупости; что тѣ не имѣютъ ни вкуса ни ума, которые находятъ тебя сносною; что никогда не

забуду твоихъ грубостей и при всякомъ случаѣ буду мстить тебѣ. (*Уходитъ.*)

Явленіе X. *Тѣ же.*

Галатея. Она мнѣ жалка; надобно воротить ее.

Левкилъ. Нѣтъ, Галатея; теперь уже ничѣмъ не возможно умилостивить такой женщины.

Галатея. Какъ она раскраснѣлась! Сердце ея безъ сомнѣнія мучилось. Напрасно я говорила съ нею . . . Слѣдственно не всегда должно сказывать мысли свои?

Мирина. Любезная Галатея!

Галатея. Въ другой разъ, чувствуя антипатію . . . буду молчать.

Мирина. Причина такого намѣренія похвальна; но скоро можешь сдѣлаться скрытною . . . Ахъ! всѣ общественныя добродѣтели близки къ порокамъ! . . Милая Галатея! съ тобою легко забыть время; но мнѣ должно оставить тебя...

Галатея. Тѣмъ лучше, любезная Мирина; я сама хотѣла уйти. Ожидаю Пигмаліона; буду рада его знакомству съ тобою, но теперь желаю видѣться съ нимъ наединѣ. И такъ поди, но дай мнѣ слово возвратиться.

Мирина (*Левкилу*). Это же лучше ли всѣхъ обыкновенныхъ привѣтствій? (*Галатеѣ.*) Прости, милая; только напередъ удовлетвори моему любопытству. Другіе могутъ осуждать твое воспитаніе; но я сердечно хвалю ту, которая имѣла щастіе образовать такой любезной характеръ. Эвринома ли воспитала тебя?

Эвринома. Нѣтъ.

Мирина. Кто же?

Эвринома. Одна Природа.

Мирина. Когда такъ, то она есть лучшая наставница. Галатея это докажетъ.

Левкилъ. Безъ сомнѣнія; искусство могло бы только испортить такое совершенное произведеніе.

Мирина. Прости, милая Галатея.

Галатея. Прости, любезная и добрая Мирина; обѣщаю тебѣ всегдашнюю симпатію.

Мирина. А я вѣчную дружбу.

Галатея. Ахъ! естьли *дружба* нѣжнѣе симпатіи, то я чувствую ее къ тебѣ.

Левкилъ. Время итти, Мирина. Находятъ тучи; собирается гроза.

Мирина. Пойдемъ.

Галатея. Теперь обними меня. (*Цѣлуются.*)

Левкилъ (*уходя съ Мариною*). Какъ щастливъ Пигмаліонъ!

Явленіе XI. *Галатея, Эвринома.*

Галатея. Любезная Мирина!.. Какая добрая и чувствительная!... Люблю ее всѣмъ сердцемъ. Она умѣла на нѣсколько минутъ усыпить мое безпокойство. Ахъ, Эвринома! что сдѣлалось съ Пигмаліономъ?

Эвринома. Поди ожидать его въ свою комнату. Начинается гроза... (*Слышенъ громъ.*)

Галатея. Это — громъ?.. О Небо! Нирей сказалъ мнѣ, что онъ убиваетъ до смерти!... Какой ужасъ!... Я думаю не о себѣ, а только о Пигмаліонѣ. Громъ, злые люди, рѣка — сколько для него опасностей! Можетъ быть его уже нѣтъ на свѣтѣ!.... Эвринома, любезная Эвринома! обнимаю колѣна твои: ради боговъ веди меня къ нему!

Эвринома. Не могу, Галатея. Ноги перестали служить мнѣ отъ старости; едва брожу.

Галатея. И такъ старость отнимаетъ у насъ силы? Ты всякимъ словомъ своимъ открываешь мнѣ новое бѣдствіе!.. Боги!.. Эвринома! я слышу голосъ Пигмаліоновъ!

Эвринома. Это онъ. Прости. Ему оставляю разсѣять тоску твою.

Явленіе XII *и послѣднее.* *Галатея, Пигмаліонъ.*

Галатея (бросаясь къ нему въ объятія). О Пигмаліонъ!

Пигмаліонъ. Милая Галатея!.. Но въ какомъ состояніи вижу тебя!.. Ты блѣдна... трепещешь... слезы твои льются на грудь мою...

Галатея. Ты живъ! ты живъ!.. Но Галатея уже не будетъ никогда совершенно щастливою!.. О Пигмаліонъ! я все узнала... знаю, что мы старѣемся, умираемъ и со всѣхъ сторонъ окружены опасностями. Ужасныя безпокойства терзаютъ мое сердце; и самая любовь отнынѣ будетъ для меня источникомъ горестей!.. Ахъ! сколь печальна жизнь, когда бѣдствія не разлучны съ нею! На что боги даровали намъ умъ и предвидѣніе?

Пигмаліонъ. О другъ мой! ты скоро узнаешь, что боги даровали намъ и утѣшеніе въ горестяхъ.

Галатея. Ахъ!.. (*Слышенъ сильный ударъ грома.*)... Какой страшной громъ! Онъ, можетъ быть, убьетъ насъ; по крайней мѣрѣ умремъ вмѣстѣ!

Пигмаліонъ. О боги! сжальтесь надъ ужасомъ ея!.. возвратите миръ и щастіе сердцу невинному и чувствительному!.. Но какая глубокая тишина наступила!

вдругъ послѣ бури!... какое лучезарное сїянїе!.. какая небесная гармонїя! (*Слышны звуки гармоники.*)

Галатея. Эта трогательная музыка услаждаетъ мою горесть... Тайный божественный гласъ ободряетъ меня, и вселяетъ въ сердце мое твердость. (*Лучезарное облако спускается съ неба.*)

Пигмалїонъ. О новое чудо!.. (*Облако раскрывается: зрители видятъ сидящую въ немъ Добродѣтель и Надежду, которая стоитъ облокотясь на свой якорь.*) Галатея! Всевышнїй посылаетъ намъ благотворныхъ богинь, которыя однѣ могутъ утѣшать насъ въ бѣдствїяхъ жизни! Падемъ на землю предъ Добродѣтелїю и Надеждою!

Галатея. Ахъ! какъ трогательна и прекрасна Добродѣтель!.. Кто можетъ видѣть и не обожать ее?

Добродѣтель. Мы вѣрныя подруги Невинности. Галатея! поди въ наши объятїя — и ты престанешь жаловаться на судьбу свою!

Галатея (*бросается въ объятїя Добродѣтели*). Ахъ! навѣки, навѣки отдаюсь тебѣ!

Пигмалїонъ. И ты, плѣнительная богиня, кроткая и милая Надежда! не оставляй ее въ жизни! — (*Занавѣсъ опускается.*)

II.

Великодушное дѣло Рускаго Офицера въ Италіи.

Письмо къ Издателю *Вѣстника*, переведенное съ Французскаго.

Сдѣлавшись на горѣ Сен-Готарѣ плѣнникомъ Суворова, я познакомился съ однимъ изъ Рускихъ Офицеровъ, котораго благородный видъ, искренность и привѣтливость оставили въ моемъ сердцѣ незагладимое воспоминаніе. Онъ разсказалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ:

„Въ одинъ вечеръ, утомленный до крайности, увидѣлъ я (близь того мѣста, гдѣ стоялъ нашъ корпусъ) кучу сѣна, и съ неописаннымъ удовольствіемъ бросился на нее какъ на самую мягкую постелю. Черезъ часъ самаго глубокаго сна разбудилъ меня крикъ — женской голосъ отозвался въ моемъ сердцѣ. Я забылъ сонъ, схватилъ шпагу — и при свѣтѣ огней вижу молодую женщину и старика, за которыми гонятся Австрійскіе Гранадеры. Въ моихъ глазахъ они догнали послѣдняго, и сшибли съ ногъ прикладомъ; а женщина бѣжала прямо ко мнѣ и бросилась... въ мои объятія. Трудно описать, что я почувствовалъ въ эту минуту"... (Тутъ

всегдашній меланхолическій взоръ сего Офицера блеснулъ огнемъ чувствительности)... „Молодой человѣкъ! (продолжалъ онъ) кто испыталъ въ жизни бѣдствія, тотъ умѣетъ быть жалостливымъ и подъ самыми непріятельскими пулями.. Нѣтъ, никогда не забуду этова горестнаго случая и трогательнаго вида незнакомки. Она показалась мнѣ такъ мила и прелестна, что я нашелъ въ ней сходство съ любезнѣйшею для меня женщиною въ свѣтѣ.... Блѣдная, съ распущенными волосами, съ открытою грудью, она трепетала въ моихъ объятіяхъ и восклицала голосомъ отчаянія: *спасите меня, спасите!* Гранадеры остановились: я велѣлъ взять ихъ подъ караулъ и отвести къ начальнику. Старика подняли; онъ образумился — но женщина, не слушая моихъ вопросовъ и повторивъ нѣсколько разъ: *спасите меня! варвары убили, растерзали его!* упала безъ чувствъ на землю. Старикъ худымъ Италіянскимъ языкомъ сказалъ мнѣ, что онъ отецъ ея и живетъ въ деревнѣ, которая была у насъ въ виду; что Австрійскіе солдаты убили жениха его дочери, молодаго Француза, которой хотѣлъ защитить ее отъ дерзости грабителей. „Она не переживетъ его," говорилъ онъ: „нѣтъ!

„бѣдная умретъ съ отчаянія; и мнѣ дол-
„жно умереть съ нею. Одна дочь была
„моимъ утѣшеніемъ въ свѣтѣ. О варвары!
„о гибельная война! Мы жили щастливо,
„спокойно. Генрихъ стоилъ невѣсты своей;
„и наканунѣ того дня, въ которой я на-
„дѣялся видѣть ихъ бракъ, все исчезло!
„Такъ Богу угодно! На землѣ нѣтъ вѣр-
„наго благополучія!“ ... Между тѣмъ мы
старались привести въ чувство бѣдную
дочь его; она открыла глаза; схватила
отца за руку; сказала: *его застрѣлили!
онъ упалъ мертвой!* и начала рвать на
себѣ волосы. Старикъ также былъ въ
отчаяніи. Слѣдуя движенію моего сердца,
я вздумалъ увѣрять ихъ, что молодой
Французъ не убитъ, а только раненъ.
Они бросились къ ногамъ моимъ. Я велѣлъ
проводить ихъ въ деревню, взялъ мѣры
для безопасности тамошнихъ жителей,
самъ ѣздилъ туда, спрашивалъ о моло-
домъ Французѣ и ничего не могъ свѣдать:
его не нашли ни живаго, ни мертваго.
Надобно думать, что Австрійцы бросили
въ рѣку тѣло убитаго. Между тѣмъ я
могъ съ нѣкоторою вѣроятностію утвер-
дить отца и дочь въ утѣшительной мысли,
что другъ ихъ живъ и отвезенъ въ город-
скую больницу. Мнѣ казалось, что и самой
ложной, минутной блескъ надежды есть

благодѣянїе для нещастныхъ. Богъ видѣлъ, какъ сердце мое страдало отъ невозможности утѣшить ихъ истиною! Люди властны дѣлать много зла, а въ добрѣ силы ихъ ограничены!"

Я разстался съ симъ великодушнымъ Офицеромъ, и съ того времени не имѣлъ объ немъ никакого извѣстїя. Естьли онъ живъ, то мнѣ хотѣлось бы увѣдомить его, что люди, имъ спасенные, наслаждаются плодомъ его благотворенїя; что молодой Французъ въ самомъ дѣлѣ былъ только раненъ, и, скрытый въ домѣ одного изъ тайныхъ друзей нашей Республики, выздоровѣлъ и женился на своей Лаурѣ. Особенный случай открылъ мнѣ судьбу ихъ. Естьли вы напечатаете мое письмо въ издаваемомъ вами Журналѣ, то великодушный единоземецъ вашъ можетъ прочитать его. Воспоминанїе и щастливый успѣхъ добрыхъ дѣлъ есть прїятная ихъ награда. *Ж. Эне.*

III.

О Сен-Ламбертѣ и Лагарпѣ.

Французская Словесность лишилась вдругъ Сен-Ламберта и Лагарпа. Первый скончался на 85 году отъ рожденїя. Онъ

умеръ среди многочисленныхъ друзей своихъ; не имѣлъ горести пережить тѣхъ, которые составляли щастїе его жизни (*). *Мнѣнїя* сего Автора, непоколебимыя отъ молодыхъ лѣтъ до старости, спасли его отъ гоненїй, претерпѣнныхъ творцемъ *Филоктета* и *Меланїи* во время бѣдственной Революцїи. И такъ не льзя сказать о Сен-Ламбертѣ:

Нещастливъ тотъ, кому Богъ долго жить даетъ!

Въ самое то время, когда Авторъ *Катихизиса общей Морали* засыпалъ тихимъ сномъ вѣчности среди всѣхъ утѣшенїй Философїи, Лагарпъ кончался среди всѣхъ утѣшенїй Религїи. Съ однимъ въ минуту смерти были чувствительные люди, съ другимъ Богъ. Лагарпъ умеръ 11 Февраля 1803 году, въ осьмомъ часу утра. Онъ до послѣдней минуты сохранилъ память, разсудокъ, и могъ чувствовать съ благодарностїю всю милость Неба къ Христїянину: утѣшенїе, кото-

(*) Въ самомъ дѣлѣ рѣдкое благополучїе! Сен-Ламбертъ съ 28 лѣтъ имѣлъ сердечную связь съ Госпожею д'Удето, въ которую Ж. Ж. Руссо былъ влюбленъ такъ страстно: она еще и теперь жива! — К.

раго не имѣлъ Сен-Ламбертъ, умирая только съ важнымъ спокойствіемъ Философа! Лагарпъ показалъ великую твердость и самую искреннюю набожность во время своей долговременной болѣзни, и нѣсколько разъ слушалъ *молитвы умирающихъ*. Въ одну изъ сихъ минутъ видя пришедшаго къ нему Фонтана, онъ протянулъ къ нему изсохшую руку свою и сказалъ: „любезной другъ! благодарю „Небо за то, что разумъ мой не за„тмился: я чувствую, какъ утѣшитель„на и прекрасна эта молитва!“ . . . . Вотъ послѣдній взоръ Христіянина и Литтератора (le dernier regard &c.)!

Его отпѣвали въ храмѣ Богоматери. Онъ уже нѣсколько лѣтъ жилъ въ оградѣ его, какъ будто бы желая укрыться отъ злобнаго міра въ сѣни храма Небесной Благости! . . . . Тѣ, которые видѣли остатки сего знаменитаго Автора, заключенные въ тѣсномъ гробѣ, могли чувствовать ничтожность Авторскаго величія, подобнаго всякому другому величію; но, къ щастію, Христіянинъ торжествуетъ смертію, и слава его начинается въ ту минуту, когда всякая другая слава умолкаетъ. — Гробъ человѣка, который столь живо чувствовалъ красоты Писанія, давалъ еще болѣе силы Хри-

стїянскимъ молитвамъ объ усопшихъ. Сей гласъ, сїи восклицанїя надежды: Requiem dabo tibi — Expectabo, Domine, donec veniat immutatio mea; vocabis me, & ego respondebo tibi — *Господь вѣщаетъ: успокою тебя — Ожидаю, Господи, моего измѣненїя; воззовешь меня, и буду Тебѣ отвѣтствовать — о смерть! гдѣ твое жало? Настанетъ время, когда всѣ сущїе въ гробахъ услышатъ гласъ Сына Божїя*: сїи слова пророческїя глубоко трогали сердца молящихся; и когда Священники запѣли: *теперь они успокоились отъ трудовъ своихъ*, глаза всѣхъ друзей Лагарповыхъ наполнились слезами.

Изъ церкви повезли тѣло на Вожирарское кладбище. Тамъ поставили гробъ на краю могилы, и Г. Фонтанъ съ благородною простотою и съ чувствомъ говорилъ намъ о своемъ усопшемъ другѣ. Голосъ растроганнаго Оратора; снѣгъ, которой падалъ изъ облаковъ на гробныя пелены; вѣтеръ, которой развѣвалъ ихъ, какъ будто бы для того, чтобы мертвый слышалъ говорящаго друга: все сїе дѣйствовало вмѣстѣ и на сердце и на воображенїе. . . .

Шатобрїанъ.

IV.

Два письма ЕКАТЕРИНЫ Великой.

(Г. Коцебу досталъ ихъ въ вѣрной копіи и напечаталъ въ своихъ газетахъ вмѣстѣ съ Штакельберговымъ, на которое первое изъ нихъ служитъ отвѣтомъ. Все, что напоминаетъ Рускимъ ЕКАТЕРИНУ и время Ея, для нихъ важно и занимательно. Слогъ и содержаніе писемъ дѣлаютъ ихъ еще любопытнѣе. Многіе ли изъ Государей умѣли писать такъ любезно и пріятно? Печатаемъ Французской оригиналъ съ переводомъ.)

1.

Письмо Барона (послѣ Графа) Штакельберга, бывшаго тогда нашимъ Министромъ въ Варшавѣ, къ ЕКАТЕРИНѢ Великой.

Pendant que cet autre Baron bleu, mon ſemblable, mêle ſa voix aux acclamations triomphantes qui environnent le trône de V. M. dans le moment le plus glorieux de la Ruſſie, pourrois-je être réduit, Madame, à Vous témoigner ma joie par procurat'on, moi, qui à mon habit bleu porte un collet de la garniture de Votre robe, et dans mon coeur l'impreſſion la plus ſentie de Votre gloire? Qu'on eſt heureux d'être Votre ſujet, & qu'on eſt ridicule d'être Français! Voilà une paix! Au jour de celle de Pruth il étoit réſervé à Vous, Madame, d'en conclure une qui immortaliſe le nom de la Ruſſie à côté du Vôtre. Il n'y a pas d'hiſtorien pour ce que Vous faites. Ce pauvre vieux Voltaire, qui a régalé la renommée de deux trompettes de plus qu'elle n'avoit, lui en lèguera par teſtament ſix

au moins, proportion gardée entre le pieux Chevalier Henri & L'immortelle Cathérine. Quel exemple pour Votre fils! Je parle Mdm. à bâton rompu, mais voilà le coeur. Il règne dans le mien le même beau désordre que la joie produisoit à ce repas de l'hermitage de Czarskoé, où tout le monde dansoit autour de la table. Mais il ne faut pas ennuyer Votre Majesté. Voilà pourquoi je ne lui parlerai pas de ces fous de Polonois. Il y en a beaucoup qui ont les visages allongés. Mais je me vengerai d'eux à Votre façon Mde. en leur donnant une fête dans ce même champ où Vous avez posé sur la tête du Roi la couronne que Vous venez d'affermir. Il y aura bal masqué, illumination, feu d'artifice, souper, & je les ferai danser comme V. M. va faire danser toute l'Europe lorsqu' Elle le trouvera bon.

Тогда, какъ другой Баронъ въ синемъ кафтанѣ (*) присоединяетъ голосъ свой къ торжественнымъ восклицаніямъ, окружающимъ тронъ Вашего Величества въ славнѣйшее для Россіи время, мнѣ должно изъявить Вамъ радость мою заочно, мнѣ, носящему на синемъ кафтанѣ своемъ воротникъ изъ матеріи Вашего платья, а въ сердцѣ глубокое чувство Вашей славы! Какъ весело называться Вашимъ подданнымъ, и какъ смѣшно быть Французомъ! Вотъ миръ (**)! Вашему

(*) Баронъ Ч*. Они вмѣстѣ были Камергерами.
(**) Съ Турками.

Величеству предоставлено было въ самый день Прутскаго мира заключить другой, который дѣлаетъ безсмертнымъ имя Россіи вмѣстѣ съ Вашимъ. Для дѣлъ ЕКАТЕРИНЫ нѣтъ Историка. Бѣдной старикъ Вольтеръ, наградившій Славу двумя новыми трубами, откажетъ ей въ завѣщаніи по крайней мѣрѣ еще шесть, соразмѣрно съ великимъ разстояніемъ между набожнымъ Рыцаремъ Генрихомъ и безсмертною ЕКАТЕРИНОЮ. Какой примѣръ для Вашего Сына! Я говорю несвязно: но таково сердце! Въ душѣ моей такой же радостной безпорядокъ, какой мы видѣли однажды въ Эрмитажѣ Царскаго Села, гдѣ всѣ вокругъ стола плясали. Мнѣ не должно скучать Вашему Величеству. Для того не буду говорить о нашихъ сумазбродныхъ Полякахъ. Многіе изъ нихъ нахмурились. Но я накажу ихъ по-Вашему: то есть, дамъ праздникъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ Вы надѣли на Короля вѣнецъ, нынѣ утвержденный Вами. Будетъ маскарадъ, освѣщеніе, феерверкъ, ужинъ — и я заставлю ихъ плясать такъ же, какъ Ваше Величество заставите плясать всю Европу по волѣ Своей.

2.

Отвѣтъ Императрицы.

Monsieur le Baron de Stackelberg,

Par Votre lettre du 22 Juillet je vois qu'en bon & zèlé patriote, Vous partagez mon contentement sur la paix & celui de Mr. le Baron de Gros bleu (voila son vrai nom), Votre ancien ami & compagnon, qui cependant, malgré ses liaisons & analogies intimes avec Vous, ne mourra jamais que d'une apoplexie d'indigestion, tandis que Vous Vous en irez, comme Vous le savez pour sûr, de la jaunisse, non pas tout à fait de celle que la prospérité de nos voisins Vous donnera, mais bien de celle dont Vous étiez menacé certain printems à Czarskoeselo, lorsque Vous Vous trouviez entre les prêches luthériennes & les tracasseries agréables & touchantes d'un Roman mi-parti Espagnol. Votre confrère, malgré son esprit de contradiction, n'a pas soufflé le mot sur la paix; je suppose qu'il enrage de n'y pouvoir rien trouver à redire. Cela nous prouve, à nous autres gens à grandes combinaisons, que la paix est bonne. Il est vrai qu'elle ferme la bouche à tout plein de gens sur plus d'un article, & particulièrement sur ceux où l'on se tuoit de persuader au genre humain le contraire de la réalité. J'ai vu, quelques jours après l'arrivée du jeune Cte. Romanzow avec cette nouvelle, tout le corps diplomatique à Oranienbaum; je n'ai trouvé de vraiment gai que les envoyés de Dannemarc & d'Angleterre; celui de Prusse & d'Autriche avoient une nuance de moins. Votre ami Branicky avoit la face un peu allongée; l'Espagne étoit consternée; la France triste, morne, se promenant tout seul les bras croisés. La Suède avoit

perdu l'appétit & le ſommeil. Au reſte nous avons été très - modeſtes vis-à-vis d'eux, & quaſi ils n'ont pas entendu parler de la paix; elle parle ſi bien d'elle-même que je n'ai que faire d'en parler beaucoup. Que le ciel Vous béniſſe Mr. le Baron; que cette bénédiction s'étende même juſque ſur la mère de Mde. Votre Epouſe. Puiſſiez - Vous voir & caresser autant de rejetons de ſes favoris que j'ai le plaiſir d'en voir de l'ami Tom, qui ſe promène lui quatorzième dans les jardins de Czarskoeſelo. Vous ne reconnoîtrez point ceux - ci, ſoit dit par parenthèſe, ſi Vous les voyiez: tant j'ai fait faire de changemens & d'embelliſſemens. Adieu, Baron; portez Vous bien & continuez á me ſervir comme Vous avez fait juſqu'ici. *Cathérine.*

Письмо ваше отъ 22 Іюля доказываетъ мнѣ, что вы, какъ доброй и ревностной Патріотъ, берете участіе въ удовольствіи моемъ и *синяго* Барона (*), вашего стариннаго друга и товарища, который, не смотря на его тѣсную связь и сходство съ вами, можетъ умереть только отъ несваренія желудка; а вы, какъ извѣстно, отправитесь въ другой свѣтъ отъ желчи, которая разольется въ васъ безъ сомнѣнія не отъ славы нашихъ сосѣдовъ, но отъ бѣды, грозившей вамъ однажды весною въ Царскомъ Селѣ, когда

(*) Во Французскомъ игра словъ. Gros bleu значитъ *темносиній* и *толстой синій*.

вы были между Лютеранскою каѳедрою (*) и любезною, трогательною Героинею полу-Гишпанскаго романа (**). Вашъ собратъ, не смотря на его охоту спорить, не говоритъ ни слова о мирѣ; ему вѣрно очень досадно, что онъ не можетъ ничего осудить въ немъ. Это увѣряетъ насъ, догадливыхъ людей, что миръ хорошъ. Правда, что онъ зажимаетъ ротъ многимъ людямъ, которые надрывались доказывая мнимую истину небылицъ. Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ молодаго Графа Румянцова съ симъ извѣстіемъ Я видѣла въ Ораніенбаумѣ весь Дипломатической Корпусъ, и замѣтила искреннюю радость въ одномъ Англійскомъ и Датскомъ Министрѣ; въ Австрійскомъ и Прусскомъ менѣе. Вашъ другъ Браницкій смотрѣлъ Сентябремъ. Гишпанія ужасалась. Франція, печальная, безмолвная, ходила одна, сложивъ руки. Швеція не можетъ ни спать, ни ѣсть. Впрочемъ мы были скромны въ разсужденіи ихъ и не сказали имъ почти ни слова о мирѣ; да и какая нужда говорить объ немъ? онъ самъ за себя говоритъ. — Дай Богъ вамъ всего добраго, Господинъ Баронъ, вамъ и племени супру-

(*) Госпожа Остервальдъ.
(**) Другая знатная Дама.

ги вашей. Сердечно желаю, чтобы у нее было столько же любезныхъ малюток, сколько ихъ у моего Тома, которой самъ - четырнадцатъ гуляетъ въ садахъ Царскосельскихъ . . . Къ слову пришлось сказать, что вы не узнаете садовъ нашихъ: столько Я въ нихъ перемѣнила и столько украсила! Простите, Баронъ. Будьте здоровы и служите Мнѣ всегда такъ, какъ донынѣ служили! —

ЕКАТЕРИНА.

3.

Письмо къ Принцу де-Линь.

Monsieur le Prince de Ligne,

N'ayés pas peur; je ne traiterai jamais vos lettres comme celles de quelques uns de mes voisins. Les vôtres me font toujours plaisir & les autres m'ennuient souvent. Aussi je les livre bien vîte à la profonde méditation de mon conseil, de l'avis duquel je suis toujours lorsqu'il est du mien; tandis que je m'occupe bien volontiers moi-même du soin de vous répondre.

Les gazettes de Pequin disent que mon voisin chinois, aux petits yeux, dont vous faites aussi honorablement mention, suit avec une exactitude vraiment exemplaire les innombrables rites, auxquels il est soumis. Pour mes voisins les Perses, ils s'entretuent régulièrement tous les mois. Ils ne ressemblent pas mal aux glaçons de la mer glaciale, qui

s'entrechoquent & se brisent réciproquement pendant les tempêtes. Les Polonois, pour mettre le comble à la liberté, se disposent à se soumettre au despotisme militaire le plus arbitraire par un choix d'autant plus volontaire, qu'il dépend d'un chacun de prendre ou de refuser les espèces sonnantes qu'on leur donnera pour cela. Selim & son Divan ont jugé à propos de se mettre en tutelle, & de laisser le soin à leurs tuteurs de galvauder leurs affaires: cela est commode au moins. En attendant nous les battons & les battrons toujours selon notre louable coutume, tant sur terre que sur l'onde. Vous . . . Vous faites la paix . . . les deux Barons vont consolider celle de Verela par une ambassade réciproque. L'Angleterre arme sans faire la guerre, tandisque l'Espagne négocie. Le roi de Prusse a des prétentions à la dictature que son oncle n'avoit pas en 1762. La France a 1200 législateurs, auxquels hors le roi personne n'obéit. La Hollande aimeroit mieux, je pense, gagner de l'argent par son commerce que d'en dépenser en armements inutiles. Mais je m'oublie; je ne devois vous parler que de mes voisins; au lieu de cela j'ai passé en revue & l'Europe & l'Asie.

Le Comte Louis de Staremberg en m'apportant votre lettre, à laquelle celle-ci sert de réponse, m'a épargné les fraix de la poste, en quoi vous avés fait un grand bien à mes finances, qui au dire de ceux qui en sont mieux informés que moi, sont en très-mauvais état, parceque j'ai soutenu deux guerres à la fois sans inventer le moindre petit impôt, faute de ressource ou par ignorance peut-être. Vous êtes très-bien en cousins; le Comte Staremberg me paroit aimable; je souhaite qu'il retourne content de son séjour d'ici & qu'il vous retrouve mieux portant qu'il ne vous a quitté. Adieu, mon Prince. Soyés

assuré de mon invariable façon de penser à votre égard. A St. Petersbourg ce 6 Nov. 1790.

Cathérine.

Не бойтесь: Я не приравняю никогда писемъ вашихъ къ письмамъ нѣкоторыхъ моихъ сосѣдовъ. Ваши дѣлаютъ Мнѣ всегда удовольствіе, а другія не рѣдко скучаютъ. Для того отдаю ихъ какъ можно скорѣе на глубокомысленное разсмотрѣніе Моего Совѣта, съ которымъ Я всегда согласна, когда онъ одного мнѣнія со Мною; а вамъ отвѣчаю Сама.

Пекинскія газеты говорятъ, что сосѣдъ мой, Китаецъ съ маленькими глазами, о которомъ вы столь почтительно упоминаете, слѣдуетъ безчисленнымъ обрядамъ земли своей съ удивительною точностію. Что касается до моихъ Персидскихъ сосѣдовъ, то они регулярно всякой мѣсяцъ рѣжутъ другъ друга. Ихъ можно уподобить ледянымъ глыбамъ Ледовитаго моря, которыя разбиваются однѣ объ другія во время бури. Поляки, для увѣнчанія вольности, готовы подвергнуться самому неограниченному военному деспотизму, выборомъ конечно свободнымъ: ибо всякой воленъ взять или не взять золота, которое даютъ имъ. Селимъ и Диванъ его разсудили за благо лишить въ опеку и поручить дѣла свои

опекунамъ; это безъ сомнѣнія очень покойно. Между тѣмъ мы ихъ бьемъ и будемъ всегда бить, по старой привычкѣ, на сухомъ пути и на морѣ. Вы . . . . заключаете миръ. Два Барона утвердятъ его взаимнымъ посольствомъ. Англія вооружается безъ войны, а Гишпанія трактуетъ. Король Прусской хочетъ Диктаторства, котораго дядя его не имѣлъ въ 1762 году. Франція имѣетъ 1200 законодателей, которымъ никто кромѣ Короля не повинуется. Голландія, думаю, желала бы лучше выигрывать деньги торговлею, нежели тратить ихъ на безполезныя вооруженія. Но Я забываюсь. Мнѣ надлежало бы говорить только о сосѣдахъ; а Я странствую глазами по всей Европѣ и Азіи.

Графъ Штарембергъ, которой привезъ Мнѣ ваше письмо, избавилъ Меня отъ лишняго расхода и платежа вѣсовыхъ денегъ на почтѣ: чѣмъ вы сдѣлали великое добро казнѣ Моей, которая (по словамъ тѣхъ людей, которые знаютъ дѣло лучше Моего) находится въ дурномъ состояніи, ибо Я вела вдругъ двѣ войны, не прибѣгнувъ ни къ малѣйшему новому налогу, безъ сомнѣнія отъ невозможности или по невѣжеству. Вы щастливы роднею? Графъ Штарембергъ кажется Мнѣ

любезнымъ. Желаю, чтобы онъ былъ доволенъ Петербургомъ и по возвращеніи своемъ нашелъ васъ здоровѣе. Простите, Князь. Будьте увѣрены въ непремѣнности моихъ объ васъ мыслей. Петербургъ, 6 Ноября 1790. — ЕКАТЕРИНА.

V.

Погребеніе Клопштокова.

Письмо изъ Гамбурга отъ 22 Марта 1803.

Нынѣ, съ великою торжественностію, погребенъ Клопштокъ. Сто двадцать каретъ и всѣ чиновники двухъ городовъ, Альтоны и Гамбурга, провожали гробъ. Звонили во всѣ колокола; на корабляхъ въ гавани развѣвались флаги, и церковь была окружена Егерями, которые стояли въ два ряда; воинская музыка гремѣла. Гробъ Клопштоковъ поставили въ Оттензенской церкви передъ олтаремъ; прекрасныя дѣвицы, въ Греческой одеждѣ, осыпали его цвѣтами. Разогнутая Мессіада лежала на гробѣ: прекрасный юноша положилъ на нее вѣнокъ лавровый.

Сто музыкантовъ играли печальные гимны; двадцать четыре пѣвицы, въ бѣлой

одеждѣ, пѣли ихъ. Докторъ Мееръ, Авторъ *Писемъ объ Италіи*, взялъ Мессіаду съ гроба, и прочиталъ въ ней трогательное описаніе Маріиной (сестры Лазаря) кончины. Вдохновенный Клопштоковою Поэзіею и видомъ гроба его, онъ съ жаромъ и чувствомъ произнесъ рѣчь, наполненную великими идеями. Тѣло опустили въ землю, близь церкви, подъ древнею липою, гдѣ погребена Клопштокова первая супруга, Мета, и гдѣ онъ часто любилъ размышлять въ уединеніи. Профессоръ Унцеръ положилъ въ гробъ стихи свои на кончину сего великаго Пѣвца Германіи, и стоя подъ вѣтвями липы, раздавалъ ихъ знакомымъ и незнакомымъ. — Всѣ Англичане присутствовали на погребеніи. Славный Генералъ Дюмурье шелъ также за гробомъ.

Возвращаясь въ Гамбургъ черезъ Альтону, мы увидѣли передъ Ратушею множество поденщиковъ, Жидовъ, старухъ, служанокъ и ребятъ, которыхъ глаза устремлены были — на колесо Фортуны: это былъ день и часъ Альтонской лоттереи; вынимали нумеры..... Такъ въ семъ мірѣ соединяются различныя сцены великой Драмы!

VI.

О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей.

Есть два рода людей, у насъ и вездѣ: одни вѣрятъ силѣ и легкимъ успѣхамъ добра, радуются намѣренїемъ его какъ дѣломъ, и — мимо всѣхъ возможныхъ или необходимыхъ препятствїй — летятъ мыслїю къ щастливому исполненїю плана; другїе трясутъ головою при всякой новой идеѣ человѣколюбїя, тотчасъ находятъ невозможности, съ удивительною методою раздѣляютъ ихъ на классы и статьи, улыбаются и заключаютъ обыкновеннымъ примѣвомъ лѣниваго ума: *какъ ни мудри, а все будетъ по старому!* Въ доказательство нашего безпристрастїя согласимся, что первые не рѣдко обманываются; согласимся даже, что вторые чаще бываютъ правы: но скажемъ и то, что люди не успѣли бы ни въ чемъ хорошемъ и благородномъ, естьли бы всѣ имѣли такой образъ мыслей; смѣлые законодатели, творцы государственнаго блага, не сїяли бы тогда въ Исторїи, и мы не научились бы судить о великихъ людяхъ по трудностямъ, которыя они преодолѣваютъ.

Такимъ образомъ и сей новый уставъ просвѣщенія, которымъ утѣшаются добрые Патріоты, можетъ иному флегматическому Скептику представить великія трудности въ своемъ исполненіи. На примѣръ, онъ скажетъ: „гдѣ Россія „будетъ находить столько учителей, „сколько ихъ нужно для уѣздныхъ и „Губернскихъ школъ по новому образова„нію? кѣмъ наполнятся Педагогическіе „Институты? можно ли надѣяться на „довольное число охотниковъ?" Отвѣчаемъ ему:

Всѣ знаютъ, что при Московскомъ Университетѣ всегда воспитывалось нѣсколько молодыхъ людей на казенномъ содержаніи; но не всѣмъ, можетъ быть, извѣстна великая польза сего учрежденія. Ему обязаны мы тѣмъ, что ученое состояніе (не смотря на малыя свои *домашнѣ* выгоды и весьма ограниченный кругъ дѣйствія) не погасло въ Россіи; что Университетъ нашъ, славясь иногда чужестранными Профессорами, всегда славился и Рускими, которые, преподавая Науки, въ то же время образовали и языкъ отечественной. Другіе учились временно, мимоходомъ и рѣдко доучивались; но изъ питомцевъ Монаршей благодѣтельности выходили хорошіе Студенты, Бакалавры,

Магистеры, Профессоры. Обязанные моральнымъ бытїемъ своимъ Университету, привыкнувъ къ мѣсту, къ людямъ, къ жизни посвященной Наукамъ, они не обольщались выгодами другихъ состоянїй, оставались въ ученомъ, и съ удовольствїемъ брали на себя должность наставниковъ юношества. — Когда же мудрое наше Правительство новыми благодѣянїями оживитъ сей Институтъ, то Россїя будетъ имѣть столько ученыхъ людей, столько Педагоговъ, сколько ей надобно. Правда, что мы и не знаемъ другаго надежнаго способа имѣть ихъ; но довольно и одного вѣрнаго.

Число желающихъ пользоваться симъ благодѣтельнымъ учрежденїемъ было всегда такъ велико, что Университетъ не могъ принимать изъ нихъ ни третьей части, думаю, въ опредѣленный закономъ комплектъ. Нынѣ, при новыхъ выгодахъ ученаго званїя, сколько бѣдныхъ молодыхъ людей захотятъ итти симъ путемъ! сколько небогатыхъ родителей благословятъ Небо и Монарха, отдавая дѣтей въ такое мѣсто, гдѣ они будутъ хорошо содержаны, морально образованы, просвѣщены, и черезъ нѣсколько лѣтъ найдутъ средство служить отечеству въ званїи столь полезномъ! Жалованье учителя

городской школы есть уже избытокъ человѣка, воспитаннаго въ незнанїи прихотей. Онъ же можетъ имѣть и посторонние, честные доходы: благодарные родители учениковъ его, купцы, дворяне, безъ сомнѣнїя будутъ на дѣлѣ изъявлять ему свою признательность. Сверхъ того онъ имѣетъ въ виду временныя награжденїя за особенное усердїе и способность въ отправленїи его должности, и наконецъ всегдашнюю пенсїю. Какое щастїе для человѣка, который родился въ бѣдности и могъ быть тягостїю для злополучнаго отца, естьли бы благодѣтельное Правительство не взяло на себя его воспитанїя! — Замѣтимъ еще выгоду Педагогическаго состоянїя. Народный учитель есть конечно, какъ говорится, не знатной, не великой господинъ; но малочиновность бываетъ оскорбительна для самолюбїя только въ гражданской дѣятельности и въ частыхъ сношенїяхъ съ людьми. Учитель по должности своей удаленъ отъ свѣтскаго вихря: онъ есть глава въ кругу своемъ, не имѣетъ нужды въ другихъ, а другїе имѣютъ въ немъ нужду (отцы и родственники учениковъ), и можетъ скорѣе погордиться, нежели унизиться въ своихъ чувствахъ. Сїе замѣчанїе такъ справедливо, что во многихъ Европейскихъ

землях гордость школьнаго мастера вошла въ пословицу.

Бѣдность есть съ одной стороны нещастье гражданскихъ обществъ, а съ другой причина добра: она заставляетъ людей быть полезными, и, такъ сказать, отдаетъ ихъ въ расположенїе Правительства; бѣдные готовы служить во всѣхъ званїяхъ, чтобы только избѣжать жестокой нищеты. Россїя на первой случай можетъ единственно отъ нижшихъ классовъ гражданства ожидать ученыхъ, особливо Педагоговъ. Дворяне хотятъ чиновъ, купцы богатства черезъ торговлю; они безъ сомнѣнїя будутъ учиться, но только для выгодъ своего особеннаго состоянїя, а не для успѣховъ самой Науки — не для того, чтобы хранить и передавать ея сокровища другимъ. Слава Богу! нигдѣ уже благородные не думаютъ, что пыльной генеалогической свитокъ есть право быть невѣждою и занимать важнѣйшїя мѣста въ государственномъ порядкѣ; но естьли и въ другихъ земляхъ Европы, гораздо опытнѣйшихъ и старѣйшихъ въ гражданскомъ образованїи, ученый дворянинъ есть нѣкоторая рѣдкость, то можемъ ли въ Россїи ждать благородныхъ на Профессорскую каѳедру? хотя — признаюсь — я душевно бы обра-

довался первому феноменy въ семъ родѣ. Что въ самомъ дѣлѣ священнѣе храма Наукъ, сего единственнаго мѣста, гдѣ человѣкъ можетъ гордиться саномъ своимъ въ мiрѣ, среди богатствъ разума и великихъ идей? Воинъ и судья необходимы въ гражданскомъ обществѣ; но сiя необходимость горестна для человѣка. Успѣхи просвѣщенiя должны болѣе и болѣе удалять государства отъ кровопролитiя, а людей отъ раздоровъ и преступленiй: какъ же благородно ученое состоянiе, котораго дѣло есть возвышать насъ умственно, морально, и приближать щастливую эпоху порядка, мира, благоденствiя! . . . Но я долженъ извиниться передъ читателями: такiя мысли далеки отъ обыкновенныхъ побудительныхъ причинъ гражданской дѣятельности.

Говоря о ближайшемъ и настоящемъ, скажемъ, что естьли въ Москвѣ и въ каждомъ *ученомъ округѣ* Россiи будетъ отъ трехъ до пяти сотъ воспитанниковъ на казенномъ или общественномъ содержанiи, то черезъ 10 или 15 лѣтъ Университетскимъ Правленiямъ останется только выбирать достойнѣйшихъ изъ нихъ для званiя учителей. Патрiотическая ревность нашего дворянства и купечества можетъ въ семъ случаѣ обнаружиться

съ блескомъ и существенною пользою, чтобы не отягощить казны издержками. Благодѣянїе есть потребность нѣжной души: чѣмъ предметъ его вѣрнѣе и спасительнѣе, тѣмъ оно должно быть усерднѣе. Человѣколюбивыя намѣренїя Монарха явно дѣйствуютъ нынѣ на умы и сердца: вездѣ обнаруживается какая-то *Филантропїя*; вездѣ хотятъ общеполезныхъ учрежденїй и выдумываютъ планы. Трудъ напрасный! Оставимъ Правительству учреждать и заводить: удовольствуемся честїю и славою способствовать ему въ его святыхъ намѣренїяхъ. Зная главную потребность Россїи, Оно всего болѣе желаетъ озарить умы наши свѣтомъ ученїя: когда сей великїй планъ его исполнится, тогда будемъ щастливѣе и въ собственныхъ изобрѣтенїяхъ ума и въ собственныхъ выдумкахъ для блага людей. Уже Патрїотизмъ готовъ, дерзну сказать, удивить Россїю своими щедрыми дарами въ пользу Университетовъ; но скромность не дозволяетъ намъ еще произнести имени. Исторїя нашего отечества доказываетъ, что многїе Рускїе имѣли славу быть *первыми* въ блестящихъ дѣлахъ добра, но никогда не оставались безъ подражателей: наше время безъ сомнѣнїя не представитъ исключе-

ченія. Естьли мы, усердно прославляя знаменитыхъ благотворителей Россійской учености, не имѣемъ способовъ равняться въ щедрости съ ними, то все еще можемъ смѣло итти къ жертвеннику отечества и съ малѣйшимъ даромъ. Пусть богатой человѣкъ достойно славится тѣмъ, что его благотворительность воспитываетъ десять или двадцать молодыхъ людей при Университетѣ: другой не менѣе его можетъ радоваться мыслію, что, удѣляя нѣчто отъ плодовъ своего трудолюбія, дастъ хотя *одному* сыну бѣднаго мѣщанина средство учиться и быть полезнымъ гражданиномъ. Благодѣяніе такого роду *безконечно*, и слѣдствія его переживутъ нашихъ внуковъ: ибо всякой образованный умъ, дѣйствуя на современниковъ, дѣйствуетъ и на потомство, которое не особеннымъ откровеніемъ; а нашими мыслями и свѣдѣніями должно просвѣтиться.

Московскіе дворяне, издревле знаменитые, давно уже пользуясь благодѣяніемъ Университета — гдѣ они или сами учились или учатъ дѣтей своихъ — не захотятъ ли возвысить его передъ новѣйшими? не захотятъ ли присвоить ему славы надѣлять Россію учителями, а другіе Университеты Профессорами?

Для сего (повторяю) надобно только умножить число народныхъ или государственныхъ воспитанниковъ при Московской Гимназіи; и тогда Ректоръ Университетскій, вводя какого нибудь знаменитаго иностранца въ огромныя залы училища, скажетъ ему: „вотъ питомцы щедраго Московскаго Дворянства!“ Съ какимъ удовольствіемъ сіи государственные благотворители видѣли бы успѣхи молодыхъ людей, обязанныхъ имъ истиннымъ человѣческимъ бытіемъ! Всякой занимался бы своимъ особеннымъ питомцемъ и гордился бы его отличіемъ. Содержаніе ученика стоитъ въ годъ около 150 рублей: какое же другое удовольствіе можемъ купить столь дешево?

Нынѣшнее щастливое состояніе Россіи, мудрый духъ Правленія, спокойствіе сердецъ, веселыя лица, чувствительность Рускихъ къ добру, вселяютъ въ насъ охоту разсуждать о дѣлахъ общей пользы. Мы знаемъ старцевъ, которые, стоя на краю могилы, съ радостными слезами слушаютъ и говорятъ о надеждахъ человѣколюбія, о благодѣтельныхъ слѣдствіяхъ просвѣщенія, которыхъ имъ безъ сомнѣнія не дождаться. Такія великодушныя, безкорыстныя чувства трогательны для всякаго, еще не мертваго душею

человѣка. — Разныя обстоятельства измѣняли нашъ простой, доброй характеръ, и запятнали его на время; видимъ людей, углубленныхъ въ свою личность и холодныхъ для всего народнаго; но видимъ и Патріотовъ, въ которыхъ истинная Руская кровь еще пылаетъ: ихъ сердце всегда откликается на гласъ отечества, когда онъ несется съ Трона.

Ц. Ц.

VII.

Дѣйствіе тонкаго воздуха въ вышней атмосферѣ.

Письмо Гарнереня къ Издателю Берлинскихъ вѣдомостей.

15 Апрѣля я поднимусь на воздухъ съ моею женою, а въ другой разъ возьму съ собою Г. Гермштата, чтобы облетѣть съ симъ великимъ Химистомъ всѣ слои атмосферы, отъ того пункта, гдѣ перемѣны барометра едва замѣтны, до высоты, гдѣ ртуть такъ опускается, что глаза смертнаго не могутъ видѣть ее ниже. На сей-то неизмѣримой высотѣ, подъ сводомъ міра, отважный Физикъ можетъ заняться опытами, доказемыми на землѣ

подъ стекломъ пневматической машины. Тамъ звуки такъ слабѣютъ, что два человѣка, стоя рядомъ, едва могутъ слышать другъ друга; эѳиръ теряетъ свою жидкость, дѣлаясь упругимъ, и люди, уменьшаясь въ тягости вмѣстѣ съ атмосферою, испытываютъ неизвѣстныя чувства, не столь мучительныя, сколь безпокойныя, которыя однакожь бываютъ ужасными знаками близкой смерти; кровь идетъ ртомъ, ушами и носомъ, жилы напрягаются и готовы разорваться. Шагъ далѣе, и человѣкъ, которой осмѣлился бы вознестись еще ближе къ послѣдней границѣ, отдѣляющей отъ насъ таинства Природы, долженъ въ одно мгновенїе разрушиться. Не льзя остаться ни минуты на сей ужасной высотѣ, на которой я былъ только однажды. Должно вооружиться твердостїю, чтобы какъ можно скорѣе замѣтить паденїе ртути въ барометрѣ и наполнить сосудъ тонкимъ воздухомъ. Всѣ заслонки шара должны быть открыты, ибо горючїй воздухъ чрезмѣрно *растягивается*, выходитъ со свистомъ, и естьли не употребишь всѣхъ мѣръ осторожности, то шаръ запылаетъ. Г. Гершпатъ можетъ сдѣлать наблюденїя весьма полезныя для Химїи и для всѣхъ любопытныя. — Берлинъ, 2 Апрѣля 1805.

VIII.

СТИХИ

на смерть Богдановича.

Не Граціи однѣ, не Музы, мнѣ любезны,
Влекутъ изъ сердца стихъ и стонъ и токи слезны.
Ахъ! въ Богдановичѣ злымъ рокомъ отнятъ вдругъ
И *Душеньки* творецъ и мой почтенный другъ! . . .
Я въ немъ и друга Музъ и друга сердца трачу:
Двойной ударъ терпя, тѣмъ горестнѣе плачу! . . .
Вся сладкая съ нимъ связь прервалась навсегда . . . .
Хоть Геній не умретъ безсмертный никогда! . . .

Другіе — нашего утрату Геликона
Оплачутъ въ немъ — пѣвца, любимца Аполлона,
И Лафонтенова совмѣстника почтутъ;
На гробъ его цвѣты и гимны принесутъ. . .
А я, лишенъ всего, таланта и искусства,
Едины принести могу сердечны чувства! . . .
О тѣнь любезная всегда душѣ моей!
Прими сей горькій долгъ, послѣдню дань отъ ней;
Прими послѣднее къ тебѣ стихотворенье,
Что приносило намъ взаимно упѣшенье! . . .

Не тѣ ужь здѣсь стихи, которы ты хвалилъ,
Талантомъ и огнемъ своимъ животворилъ:
Теперь разстроенну, оставленну и сиру,
Лишась тебя, кроплю мою слезами лиру....
Я друга потерялъ.... Увы! какой Поэтъ,
Прощаясь вѣчно съ нимъ, согласно воспоетъ!...

Александръ Палицынъ.

IX.

Разлука.

(Подражаніе Сен-Ламберу.)

Когда приходитъ часъ съ тобою разставаться,
Другъ другу говоримъ: *люблю, люблю тебя!*
Не увѣрять въ любви хотимъ мы тѣмъ себя,
Но только для того, чтобъ больше наслаждаться!

В. Пушкинъ.

X.

Желаніе любовницы.

(Подражаніе.)

О боги! я хочу, чтобъ милой щастливъ былъ:
Исполните мое моленіе сердечно!
Для щастія его хочу, чтобъ онъ любилъ;
Для щастья моего, чтобъ онъ любилъ — и вѣчно!

В. Пушкинъ.

ПОЛИТИКА.

I.

Любопытныя засѣданія Англійскаго Парламента.

На другой день послѣ Королевскаго сообщенія Парламентамъ о необходимости военныхъ приготовленій, Лордъ Гобартъ предложилъ въ Верхнемъ Парламентѣ изъявить за то благодарность Его Величеству.

Графъ Спенсеръ. Я съ радостію соглашаюсь на предложеніе, и сердечно увѣренъ, что въ нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ всѣ Лорды, которыхъ здѣсь вижу, готовы жертвовать послѣднею каплею своей крови и послѣднимъ шиллингомъ за отечество и Короля. Но мнѣ хотѣлось бы, чтобы намъ сказали яснѣе, какимъ поступкомъ Франція заставила нашихъ Министровъ вдругъ перемѣнить систему свою. Давно уже я былъ увѣренъ, что сохраненіе мира зависитъ болѣе отъ рѣшительной твердости, нежели отъ всегдашней сговорчивости. Не сомнѣваюсь въ необходимости вооруженія, и не хочу сказать ничего такого, что

могло бы омрачить изъявленіе нашей благодарности къ Трону. — — Лордъ Гренвиль также хвалилъ новыя мѣры Правительства, и сказалъ, что миръ съ Франціею былъ въ самомъ дѣлѣ только невѣрнымъ перемиріемъ.

Графъ Моира. Уже съ нѣкотораго времени видѣлъ я непріятельское расположеніе Французскаго Правительства къ Англіи; однакожь неясныя слова Министровъ заставляютъ меня сообщить Парламенту образъ мыслей моихъ. Насъ должно удостовѣрить, что Франція дѣйствительно перемѣнила систему свою, и тѣмъ принудила Англійскихъ Министровъ взять мѣры осторожности; должно удостовѣрить, что мы вооружаемся не для пустаго шума, не изъ хвастовства, и не съ единственнымъ желаніемъ поставить на-своемъ въ какомъ нибудь неважномъ спорѣ. Благоразумно ли безъ крайней необходимости приводить въ безпокойство всю Англію? Я только напоминю Министрамъ прежнія слова ихъ. Давно ли они утверждали, что мы находимся въ совершенномъ мирѣ, и что все увѣряетъ насъ въ искреннемъ миролюбіи Франціи? Какое же новое обстоятельство разрушило сіе пріятное увѣреніе? Развѣ при заключеніи Амьенскаго трактата не все предви-

дѣли, не все рѣшили? Кажется, что Министрамъ надлежало бы вывести насъ изъ сомнѣнія. Они скажутъ, что такое искреннее сообщеніе можетъ повредить успѣху переговоровъ съ великимъ человѣкомъ, который имѣетъ верховную власть въ другой землѣ (*); но приводя себѣ на мысль всѣ новые случаи, могу быть увѣреннымъ, что такая осторожность безполезна, и яснѣйшія слова Министровъ ни мало не перемѣнятъ воли сего великаго человѣка и плановъ, давно готовыхъ въ головѣ его. Напрасно, кажется, оставлять насъ въ невѣдѣніи и въ безпокойномъ ожиданіи того, что угодно будетъ сдѣлать съ нами новому Аннибалу. Для сохраненія народной чести Британцевъ должны мы показать, что не боимся никакихъ угрозъ; должны, по словамъ нашего безсмертнаго Шекспира, *на грозный видъ противника отвѣтствовать еще грознѣйшимъ, чтобы примѣромъ своимъ укрѣпить души слабѣйшія; должны заглянуть прямо въ лицо опасности* и быть готовыми встрѣтить ее въ самомъ ужаснѣйшемъ образѣ. Я сказалъ бы Франціи языкомъ честнаго, добраго, но рѣшительнаго Британца: „желаю со-

(*) Бонапарте.

„хранить дружбу твою; но оставь же „замыслы непріятельскіе. Вотъ черта, „которою ограждаю мою честь и соб„ственность: естьли за нее переступишь, „то безъ дальнѣйшихъ словъ начну вой„ну, и ты одна будешь отвѣтствовать „за кровопролитіе.“ Англіи надобно знать опасность ея. О намѣреніяхъ врага не должны мы судить по обыкновеннымъ вѣроятностямъ и правиламъ разсудка. Онъ уже сдѣлалъ много невѣроятнаго! Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Французы гдѣ нибудь могутъ пристать къ нашему острову; нѣтъ сомнѣнія, что высадка будетъ ихъ главною мыслію и цѣлію. Итакъ изготовимся встрѣтить врага на собственной землѣ своей . . . . Можемъ ли сомнѣваться въ его намѣреніи, когда онъ говоритъ намъ и цѣлому свѣту, что Англія *одна* не въ силахъ ему противиться? Отъ кого получилъ Бонапарте сіе извѣстіе? Отъ Лорда ли, который сидитъ у меня на лѣвой сторонѣ (Нельсонъ)? Или отъ храбраго, благороднаго друга моего (Лорда Готчинсона (*)), сидящаго на правой сторонѣ? Гдѣ онъ нашелъ въ Исторіи Англійской, что храбрость Британская не могла мѣряться

(*) Которой побѣдилъ Французовъ въ Египтѣ.

съ Францїею и побѣждать ее? Естьли ему вздумается притти къ намъ, то я не боюсь слѣдствїй; мы умѣемъ сражаться и достойны предковъ своихъ. Сердце Англїйское есть стѣна и крѣпость Англїи; но Британцамъ должно знать опасность, чтобы противъ нее вооружиться. Высадка не только возможна, но въ самомъ началѣ непрїятельскихъ дѣйствїй даже и вѣроятна: и такъ надобно приготовиться. Непрїятель безъ сомнѣнїя понадѣется на первое замѣшательство, которое должно открыть ему путь къ столицѣ: и такъ надобно болѣе всего думать о защитѣ Лондона. Смѣю сказать утвердительно, что первой Британской Генералъ, которой встрѣтитъ врага и не сразится съ нимъ въ ту же минуту; достоинъ эшафота. Въ таковъ случаѣ должно всѣмъ жертвовать — и цѣлою армїею — чтобы истребить непрїятельскую; должно забыть осторожность и вѣроятности ума спокойнаго. Буде есть измѣнники въ Англїи, то они скроются, видя мужество и рѣшительность Патрїотовъ умереть за Короля, отечество и Конституцїю. Естьли мы сразимся съ Французами на своей землѣ, то надѣюсь, что они не возвратятся домой съ трофеями и не будутъ хвалиться побѣдами.

Графъ Вестморландъ, Лордъ Акландъ и другіе изъявили радость свою, что любовь къ отечеству равно всѣхъ одушевляетъ.

Засѣданіе Нижняго Парламента.

Аддингтонъ. Парламентъ безъ сомнѣнія не потребуетъ, чтобы мы объявили ему теперь всѣ причины вооруженія; однакожь могу сказать искренно, что надѣюсь на сохраненіе мира. Франція увѣряетъ, что всѣ ея воинскія приготовленія дѣлаются единственно для Колоній: можетъ быть — и даже вѣроятно, что они не имѣютъ другой цѣли. Но естьли, къ нещастью, снова начнется война, то мы дадимъ Парламенту строгой отчетъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ со времени Амьенскаго трактата. — Объявляю, что Его Величество, Король нашъ, приказалъ собраться Милиціи, но единственно для защиты Англіи.

Фоксъ. Не зная обстоятельствъ и переговоровъ съ Франціею, можемъ ли судить о необходимости вооруженія? По крайней мѣрѣ желаю, чтобы Министры употребили всѣ возможныя средства для сохраненія мира. Совѣтники Его Величества должны размыслить основательно

о нынѣшнемъ состоянїи Англїи. Естьли они начнутъ войну, которой можно было избѣжать съ честїю, то будутъ виновнѣе всѣхъ Министровъ, которые въ другое время и въ другихъ обстоятельствахъ начинали ее.

Лордъ Гакесбури. Всякой подумавъ согласится, что Министры безъ нарушенїя всѣхъ правилъ благоразумїя и пользы государственной не могутъ теперь обнародовать переговоровъ съ Францїею; но будетъ время, когда Парламентъ узнаетъ ихъ — и мы надѣемся, что не заслужимъ ни одной справедливой укоризны отъ друзей отечества.

Виндамъ говорилъ, что Англїя должна приготовляться не къ оборонительной, а къ наступательной войнѣ. Смиримъ (сказалъ онъ), смиримъ врага дерзкаго и непримиримаго! Но ахъ! мы сами подрѣзали у себя крылья, и бѣдственнымъ Амьенскимъ миромъ лишились способа съ успѣхомъ противиться Францїи.

Шериданъ. Не смотря на мнѣнїе его Консульскаго величества и на жалкое отчаянїе говорившаго теперь Оратора, я думаю, что Англїя можетъ воевать съ Францїею. Какъ! миръ отнялъ у насъ средство съ успѣхомъ противиться гордому Консулу? Какой языкъ! какое мнѣ-

нїе! Пусть въ Сен-Клу, Тюльери и Монитёрѣ говорятъ или пишутъ такїя нелѣпости; но можетъ ли Членъ Англїйскаго Парламента быть ихъ эхомъ?... (Члены и зрители громкими восклицанїями изъявляютъ свое удовольствїе)... Слава Богу! мы такъ сильны и такъ любимъ отечество, что не можемъ никого бояться, и должны сражаться не только за народное бытїе свое, но и за малѣйшее оскорбленїе Британской чести. Пусть Министры употребятъ всѣ приличные способы для сохраненїя мира; но мы Британцы, любимъ славу, и на все готовы!

Засѣданїе Нижняго Парламента 11 Марта.

Предлагаютъ назначить суммы, нужныя Королю для воинскихъ приготовленїй.

Франсисъ. Довѣренность, которую я всегда имѣлъ къ Министрамъ, даетъ мнѣ право требовать, чтобы они хотя въ нынѣшнее засѣданїе объявили намъ, для чего мы вооружаемся? Не думаю имъ противиться; но хочу знать, могу ли и впредь имѣть къ нимъ довѣренность; хочу знать, ихъ ли система или обстоятельства причиною настоящаго положенїя Англїи. Еще не зная условїй мира, я хвалилъ Министровъ за то,

что они прекратили войну жестокую и безразсудную; когда же мы свѣдали условія, тогда многіе люди, славные талантами, нашли ихъ несогласными съ честію и благомъ Великобританніи. Однакожь, сравнивая всѣ возможныя слѣдствія войны съ нашими пожертвованіями для мира, не осуждаю трактата Амьенскаго. — Не спорю, что Исполнительная Власть имѣетъ право объявлять войну и заключать миръ; но за то и Парламентъ можетъ требовать отчета отъ Министровъ, — можетъ просить Короля смѣнить ихъ, естьли они не способны управлять государствомъ въ обстоятельствахъ трудныхъ. Мы всѣмъ жертвовали для мира и опять хотимъ воевать? Пусть же скажутъ намъ, для чего? Народъ, всегда готовый помогать Королю, долженъ знать, не Министры ли безразсудностію своею вовлекаютъ насъ въ опасности и бѣдствія войны? Они имѣютъ теперь нужду въ народной довѣренности — и жаль, что между ими нѣтъ уже тѣхъ великихъ талантовъ, которые спасали Англію въ опасностяхъ! Слова мои оскорбятъ нѣкоторыхъ; но теперь не время молчать и таить истину. Худой кормчій можетъ быть виною государственнаго кораблекрушенія.

Аддингтонъ. Исполняя должность свою, повторю сказанное мною прежде: благо отечества не дозволяетъ намъ объявить теперь всѣхъ обстоятельствъ и переговоровъ съ Францїею. Почтенный Ораторъ жалѣетъ, что великїе таланты уже не присутствуютъ въ Совѣтѣ Его Величества. Могу сказать именемъ всѣхъ моихъ товарищей, что мы знаемъ опасность и всѣ трудныя свои обязанности; когда же въ самомъ дѣлѣ не имѣемъ ни дарованїй, ни способностей, то какъ же онъ могъ прежде имѣть къ намъ довѣренность? Оставляю ему изъяснить сїе противорѣчїе. — Соглашаюсь, что народъ черезъ своихъ Депутатовъ можетъ требовать отчета отъ Министровъ; и естьли мы заключили миръ несообразный съ честїю Великобританнїи; естьли употребили во зло довѣренность Короля и безразсудно вовлекли государство въ необходимость кровопролитїя, то объявляю торжественно, что мы измѣнники, предатели и достойны наказанїя. Но смѣло говорю, что мы всегда желали и желаемъ мира, и что единственно для сохраненїя его благодѣянїй совѣтовали Королю прибѣгнуть къ вооруженїю, сему дѣйствительному способу дружелюбно прекратить несогласїя съ Францїею.

Г. Дентъ. Дай Богъ, чтобы Министры умѣли сохранить миръ, и чтобы мы не даромъ возвратили всѣ свои завоеванія и 30,000 Французскихъ плѣнниковъ, которыхъ Англія одѣвала и кормила, и за которыхъ Бонапарте по сіе время не заплатилъ намъ ни шиллинга!

Фоксъ. Министръ удивляется, что почтенный другъ мой (Франсисъ) желаетъ имѣть свѣдѣніе о настоящемъ положеніи Англіи: признаюсь, что и я того же усердно желаю. Корона имѣетъ право объявлять войну; но всякая свободная Конституція ограничиваетъ его тѣмъ, что оставляетъ народу право давать Королю нужныя для войны деньги или не давать ихъ. Естьли подлинно мы въ опасности, то вооруженія благоразумны; но Парламентъ не долженъ быть эхомъ и слѣпымъ орудіемъ Министровъ. Ихъ польза и характеръ не дозволяютъ мнѣ думать, чтобы они хотѣли обмануть Парламентъ и народъ; но Министры, какъ люди, могутъ ошибиться, и то, что кажется имъ мудрою Политикою, можетъ быть въ самомъ дѣлѣ безразсудностію. — Многіе утверждаютъ, что естьли начнется война, то она будетъ слѣдствіемъ Амьенскаго трактата: я не такъ думаю, и всегда въ душѣ своей одобрялъ сей трак-

тать, ибо онъ прекратилъ войну гибельную. Благоразумно ли утверждать, что Министры долженствовали угадывать властолюбіе Франціи, и для того никогда не входить въ переговоры съ нею; что безъ увѣренія въ вѣчномъ мирѣ не надобно никогда заключать его? Естьли трактатъ Амьенской не весьма выгоденъ для Англіи, то виновны лицемѣры, которые объявили войну за Религію и гражданскій порядокъ. Сіи два предмета священны; но я гнушаюсь лицемѣріемъ. Всѣ знаютъ, что прежніе Министры имѣли совсѣмъ иную цѣль, и только хотѣли насъ обманывать словами. — Я не знаю, за что мы теперь будемъ драться: за Мальту или за Египетъ. Естьли въ самомъ дѣлѣ оскорблены права народа Англійскаго, естьли хотѣли насъ унизить въ политической системѣ Европы, то война справедлива. — Почтенный другъ мой сказалъ, что онъ не видитъ великихъ талантовъ въ нынѣшнемъ Министерствѣ; но гдѣ засѣдаетъ Графъ Винсентъ, тамъ есть таланты . . . Славные Адмиралы командуютъ нашими флотами. Не будучи самъ военнымъ человѣкомъ, но вѣря мнѣнію людей знающихъ въ семъ дѣлѣ, думаю, что Англійскіе Офицеры не уступятъ другимъ въ искусствѣ, а солдаты въ хра-

брости. Чего же намъ бояться? того ли, чтобы Французы насъ не завоевали? Но эта мысль есть нелѣпость. Я боюсь одного: внутренняго состоянія Англіи и худой государственной экономіи.

Парламентъ единодушно соглашается назначить деньги для воинскихъ приготовленій.

II.

Извѣстія и Замѣчанія.

Кажется, что извѣстіе о вооруженіяхъ Англіи удивило Французское Правительство. Черезъ два дни послѣ того, какъ оно распространилось въ Парижѣ, было собраніе иностранныхъ Министровъ въ Тюльери. Глаза всѣхъ любопытныхъ устремились на Бонапарте. Онъ подошелъ къ Лорду Витфорту, который стоялъ подлѣ Россійскаго Министра, и сказалъ ему: „Мы дрались 19 лѣтъ; новая гроза собирается въ Лондонѣ; хотятъ еще 12 „лѣтъ драться. Англійскій Король говоритъ, что Франція дѣлаетъ великія „приготовленія воинскія. Его обманули: „въ гаваняхъ Французскихъ нѣтъ никакого чрезвычайнаго вооруженія; весь

„флотъ пошелъ въ Сен-Доминго и другія „колоніи. Что касается до Голландскихъ „гаваней, о которыхъ также упоминается „ся въ Королевскомъ сообщеніи, то въ „нихъ вооружается нѣсколько фрегатовъ „для Луизіаны: что всей Европѣ извѣ„стно. Король говоритъ еще, что между „Парижскимъ и Лондонскимъ Кабинетомъ „есть несогласія: я не знаю никакого. „Правда, что Англія должна вывести „войско изъ Мальты, а Мальта еще за„нята имъ; но какъ Его Величество тор„жественно обязался отдать ее, то Онъ „безъ сомнѣнія не нарушитъ трактата. „Не хотятъ ли вооруженіемъ привести въ „ужасъ Французовъ? Ихъ можно умерт„вить, а не испугать.“ — Черезъ нѣсколько минутъ Консулъ подошелъ къ Господину Маркову, и сказалъ ему въ полголоса, что Англичане хотятъ еще *семь лѣтъ* владѣть Мальтою; что такое предложеніе похоже на шутку, и что совсѣмъ не должно заключать трактатовъ, естьли можно не исполнять ихъ. — Когда Англійскій Министръ хотѣлъ уже выйти изъ залы, Бонапарте сказалъ ему: „Гер„цогиня Дорсетъ (*) провела въ Парижѣ „дурное время года: желаю искренно,

(*) Жена Витфортова.

„чтобы она провела здѣсь и хорошее; но „естьли необходимо должно воевать, то „за кровопролитіе отвѣтствовать будутъ „единственно тѣ, которые отказываются „ся отъ своей подписи и не хотятъ исполнять трактатовъ.“ — Консулъ безъ сомнѣнія говорилъ искренно и не хочетъ войны, которая *на первой случай* лишитъ Францію остатковъ ея флота, колоній, морской торговли, и вообще представляя явный вредъ, не обѣщаетъ ей даже и славы: ибо успѣхъ высадки совсѣмъ не вѣроятенъ, вопреки мнѣнію Лорда Мойры. Напротивъ того война обѣщаетъ Англіи *на первой случай* великія выгоды: она завладѣетъ опять морскою торговлею, возьметъ Французскіе острова, истребитъ непріятельскіе флоты. И такъ смѣло можно полагать, что Англія, а не Франція начнетъ войну, и дастъ отвѣтъ человѣчеству за новыя бѣдствія людей. Кабинеты не боятся суда его; не боятся — и нашего: однакожь мы, какъ люди, не перестанемъ судить ихъ. Англія по справедливости должна оставить Мальту, естьли трактаты священны. Министры ея скажутъ, что Бонапарте послѣ Амьенскаго мира взялъ Піемонтъ, и сдѣлалъ много такого, что имъ непріятно; но онъ не сдѣлалъ ничего *именно*

противнаго трактату, и слѣдственно Англія не освобождается отъ долга исполнить его во всей точности: честь и народныя права требуютъ сего непремѣнно. — Когда же война дѣйствительно начнется за Мальту, то наблюдатель замѣтитъ удивительную ролю, которую сія голая скала играла въ политической системѣ нашего времени. Давно ли она была яблокомъ раздора между первыми Кабинетами Европы? Наконецъ думали, что Амьенской трактатъ рѣшилъ судьбу ея, и возвратилъ ей прежній образъ *романическаго бытія*, близкаго къ существенному ничтожеству. Теперь опять ссора за Мальту! и все за Мальту! Не даромъ Принцъ Русполи бѣгалъ отъ нее какъ отъ чумы по горамъ и лѣсамъ Шотландскимъ, чтобы Папскій курьеръ съ Магистерскимъ Дипломомъ не нашелъ его.

Теперь Англія и Франція представляютъ картину чрезвычайной воинской дѣятельности. Славнѣйшій Адмиралъ нашего вѣка, Герой Нила, Нельсонъ, и храброй, дерзкой Сидней Смитъ, (которой съ двумя стами отважныхъ Англичанъ и съ саблею въ рукѣ отразилъ отъ ничтожной крѣпости въ Сиріи завоевателя Италіи и Египта съ 10000 храбрѣйшихъ Французовъ), распустили флаги свои.

Плывучія крѣпости Англійскія ожидаютъ только знака, чтобы на всѣхъ парусахъ летѣть къ своему назначенію. Уже десять тысячь матрозовъ набрано въ Лондонѣ и другихъ большихъ городахъ Англіи; въ арсеналахъ день и ночь работаютъ, и скоро новые корабли явятся вооруженные въ ея гаваняхъ. — Во Франціи многочисленныя арміи пришли въ движеніе; 20 тысячь Республиканцевъ, подъ командою Генерала Мюра, готовы нести повелѣніе Королю Неаполитанскому затворить пристани его для Англичанъ; 7000 уже вступили въ Голландію; отъ Флиссингена до Бреста всѣ берега должны быть заняты Консульскими легіонами. Но гдѣ же въ случаѣ войны сойдутся грозные непріятели? Къ щастію, въ Англію нѣтъ моста, и колоссъ Франціи возвышается на твердой землѣ, а не на морѣ. Правда, что, не смотря на сію щастливую преграду Натуры между двумя народами (или Правительствами), которые ненавидятъ другъ друга, они могутъ ухитриться и все еще найдутъ способъ лить кровь человѣческую, въ доказательство, что между людьми и тиграми иногда мало розницы.

Но точно ли будетъ война? Естьли бы надлежало непремѣнно удариться объ

закладъ, то мы подержали бы сторону тѣхъ, которые все еще не вѣрятъ ей. Она безъ сомнѣнія обѣщаетъ Англіи большія выгоды, но (какъ мы сказали) на *первой случай*: хитрой, дѣятельной, а болѣе всего страшной силою Бонапарте не можетъ ли наконецъ совершенно отрѣзать Европу отъ Великобританніи, по торговымъ связямъ, и затворить всѣ ея порты для Англичанъ? Чтожь будетъ Англія безъ торговли съ Европою? Сія мысль должна быть для Аддингтона и Гакесбури страшнѣе Французской высадки, и можетъ ихъ политику склонить къ миролюбію. — Послѣднія Лондонскія письма, отъ 29 Марта, говорятъ, что тамошніе купцы ожидаютъ войны, и что слухъ носится о перемѣнѣ въ Министерствѣ; что Питтъ, Лордъ Мельвиль (Дондасъ) и Гренвиль должны снова войти въ него. Между тѣмъ новѣйшія извѣстія черезъ Голландію обѣщаютъ продолженіе мира. Въ Парижѣ узнали, что Англичане не отдаютъ Мыса Доброй Надежды Голландцамъ, и Консулъ въ тотъ же день велѣлъ войску своему вступить въ Батавію; но скоро свѣдали, что сей Мысъ уже въ рукахъ Голландцевъ.

Оставляя въ неизвѣстности миръ и войну, мы Руские можемъ съ удоволь-

ствїемъ взглянуть на Корфу, гдѣ именемъ АЛЕКСАНДРА образуется новая Республика и жители отдыхаютъ подъ щитомъ нашихъ сѣверныхъ Героевъ. Сенатъ, составленный изъ Депутатовъ всѣхъ острововъ, будетъ имѣть тамъ верховную и законодательную власть. Россїйскїй Министръ и знаменитѣйшїе патрїоты Республики стараются, чтобы истинная любовь къ отечеству и благоразумїе управляли выборами. — Не менѣе прїятно Рускимъ видѣть и знаки того почтенїя, которое Французское Правительство, столь могущественное, имѣетъ къ Петербургскому Кабинету. Въ *Монитёрѣ* напечатано извлеченїе изъ Ноты нашего Канцлера, Графа Александра Романовича Воронцова, который объявляетъ согласїе ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА на условїя, заключенныя между Консуломъ и Вѣнскимъ Дворомъ въ Парижѣ, 26 Декабря, относительно къ вознагражденїю бывшаго Тосканскаго Герцога. „Симъ утверждена политическая системa Европы (прибавляетъ *Монитёръ*) и „всѣ *безпокойные слухи* опровержены.“ — Въ сей же статьѣ уговариваетъ Французское Правительство всѣхъ Журналистовъ своихъ быть осторожнѣе, не повторять новостей безъ всякаго разбора и лучше

знать Географїю. На примѣръ, въ одномъ изъ лучшихъ Парижскихъ Журналовъ (въ *Публицистѣ*) сказано, что Францїя желала бы владѣть *Крымомъ въ Турецїи!* ! Тамъ же писали о *большомъ Московскомъ озерѣ, которое во время бывшаго у насъ землетрясенїя выливалось изъ береговъ своихъ!!* . . Тамъ же писали, что Король Сардинскїй уступилъ престолъ *сыну* своему, Герцогу Аостскому!!

Не давно еще Бонапарте писалъ ласковое письмо къ Алжирскому Дею, и *Монитёръ* увѣрялъ насъ, что сей Африканецъ имѣетъ удивительное почтенїе къ Консулу. Обстоятельства перемѣнились. Дей, получивъ 80000 пїастровъ отъ Гишпанїи, призвалъ къ себѣ Французскаго Коммиссара торговли и сказалъ ему: „всѣ даютъ мнѣ деньги, кромѣ Бонапарте.“ Ты обязался трактатомъ не требовать денегъ отъ Францїи, отвѣчалъ Коммиссаръ. Дей разсердился и началъ бранить Консула. Скоро пришли въ Алжиръ два Французскїе фрегата, и начальникъ ихъ объявилъ Дею, что можно всегда начать, а не кончить войну, и чтобы онъ хорошенько подумалъ о слѣдствїяхъ. Дей, призвавъ опять Французскаго Коммиссара, спросилъ: „и такъ ты хочешь воевать со мною?“ Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: но Пер-

вый Консулъ такъ силенъ, что не можетъ быть ни чьимъ данникомъ. „Напиши же къ нему, сказалъ Дей, что я хочу жить съ нимъ мирно, и не требую денегъ.“ — Такимъ образомъ кончилась размолвка Африканца съ Бонапарте; но вѣроятно, что Консулъ не будетъ впредь писать къ нему ласковыхъ писемъ.

Всѣ донынѣ предложенныя статьи Французскаго гражданскаго Устава одобрены какъ Законодательнымъ Корпусомъ, такъ и Трибунатомъ. Одному только закону о разводѣ противорѣчили въ Трибунатѣ. Карїонъ-Низасъ, Фанатикъ, доказывалъ, что супружество есть не удовольствїе, не щастїе жизни, а крестъ ея: и для того (вотъ прекрасная логика!) не должно позволять развода! Чѣмъ строже и несноснѣе обязанности, говоритъ Карїонъ-Низасъ, тѣмъ онѣ лучше исполняются!! Но оставимъ въ покоѣ сего краснорѣчиваго Оратора, и скажемъ только, что Французскїе Законодатели взяли всѣ благоразумныя мѣры *затруднить разводъ.* На примѣръ: мужу надобно имѣть 25, а женѣ 20 лѣтъ отъ роду, чтобы его требовать съ согласїя ихъ ближнихъ родственниковъ, и не прежде, какъ черезъ два года супружества; жена должна нѣсколько разъ подтверждать въ судѣ свое

требованіе и жить цѣлой годъ въ особливомъ домѣ, который назначитъ для того Правительство; естьли и черезъ сіе время какъ супруги, такъ и ближайшіе родственники ихъ, не перемѣнятъ своихъ мыслей, то разводъ совершается; но только черезъ три года могутъ разведенные вступить въ новое брачное обязательство.

Одинъ Англичанинъ сказалъ въ Парижѣ, что согражданe его весьма желаютъ видѣть Французовъ на берегахъ Англіи: тогда (примолвилъ онъ) старыя женщины въ Лондонѣ на всегда бы успокоились и перестали бояться Генерала Бонапарте. Въ тотъ же день пересказали Консулу слова его; онъ съ жаромъ отвѣчалъ: „для нихъ также будетъ Маренго (*), когда придетъ время!“ — Тальенъ недавно обѣдалъ у Консульскаго Совѣтника Реаля. Бонапарте сказалъ сему послѣднему: „говорятъ, что вы хотите выдавать Журналъ вмѣстѣ съ Тальенемъ; совѣтую вамъ оставить это намѣреніе.“ Реаль закраснѣлся, и не отвѣчалъ ни слова. — Опять возобновляется слухъ, что Бонапарте думаетъ назваться Императо-

(*) То мѣсто, гдѣ Бонапарте разбилъ Меласа.

ромъ. „Не даромъ (какъ говорятъ Лондонскїе Журналисты) Консулъ велѣлъ изобразить лицо свое на золотыхъ и серебряныхъ монетахъ Францїи.“ — (Изъ Англїйскихъ Вѣдомостей.)

Въ Лондонскихъ газетахъ напечатано слѣдующее извѣстїе изъ Штокгольма отъ 1 Марта: „Говорятъ, что нѣкто Бот„манъ взятъ подъ караулъ за революцїон„ные умыслы, въ которыхъ участвовали „и многїе важные люди. Сей иностра„нецъ имѣлъ частыя свиданїя съ извѣ„стными недоброжелателями Прави„тельства.“

Славный Алойсъ Рединг, наконецъ освобожденный, выбранъ единодушно согражданами въ Ландманы Швицскаго округа. *Повинуюсь*, сказалъ онъ, *и буду ревностно исполнять свою должность; но эта жертва дорого стоитъ моему сердцу.*

Трибунатъ опредѣлилъ давать Консулу Бонапарте въ годъ 6 миллїоновъ ливровъ жалованья, а товарищамъ его по 600,000. Французскїе Короли издерживали ежегодно болѣе 25 миллїоновъ.

Конецъ VIII Части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОСЬМОЙ ЧАСТИ.

МАРТЪ № 5.

		Стран.
I.	Молодый Философъ. -	3
II.	Новая Спарта. - -	24
III.	Чудный младенецъ. -	33
IV.	Завѣщаніе Арнаутики. -	36
V.	Письмо къ Издателю изъ Тулы.	39
VI.	Амуръ и Дружба. -	42
VII.	Отрывокъ Делилеваديирамба на безсмертіе. -	43
VIII.	Смѣсь. - -	44
IX.	О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи. -	49
X.	О криминальномъ судопроизводствѣ въ Англіи. -	61
XI.	Лондонскія извѣстія. -	71
XII.	Парижскія извѣстія. -	76
XIII.	Выписка изъ Лондонскихъ вѣдомостей. - -	81
XIV.	Разныя извѣстія. - -	86

МАРТЪ № 6.

Стран.

I. Молодой Философъ. - - 89
II. Похвала кокетству. - - 107
III. О Путешествіи въ Малороссію. 114
IV. О Тайной Канцеляріи. - 122
V. Письмо одного Руского изъ Бюк-Дери. - - - 131
VI. Лавры. - - - 135
VII. Эпитафіи Поэту Богдановичу. 139
VIII. Загадка. - - 140
IX. Рѣчь, произнесенная на погребеніи Сен-Ламбера Гражданиномъ Сюаромъ, Секретаремъ втораго Класса въ Институтѣ. - 141
X. Рѣчь, произнесенная на погребеніи Лагарпа. - 143
XI. Алойсъ Редингъ, славный Патріотъ Швейцарскій. - 146
XII. Изображеніе состоянія Французской Республики, представленное Консулами Законодательному Корпусу при вынѣшнемъ его открытіи. - - 154
XIII. Извѣстія и замѣчанія. - 157

АПРѢЛЬ № 7.

Стран.

I. Гулкемъ, Повѣсть. - - 173
II. Меланхолическая прогулка одной молодой Россіянки. - - 193
III. Великій мужъ Руской Грамматики. 200
IV. Письмо одного иностранца къ Издателямъ Парижскаго Журнала. 212
V. Швейцарская Аполоѳ. - 214
VI. Письмо къ Издателю изъ Петербурга отъ 12 Марта. - 216
VII. Новая любопытная теорія Натуралиста Ламарка. - 219
VIII. Добро. - - - 224
IX. Стихи Къ портрету творца Душеньки. 226
X. Эпитафія Ипполиту Богдановичу. —
XI. Исторія любви. - - 227
XII. Благород. поступ. Рускаго Дворянина. —
XIII. Эпитафія Автору Душеньки. - 230
XIV. Сіесъ. - - - 231
XV. Извѣстія и замѣчанія. - 235
XVI. Рѣчь Государственнаго Совѣтника Порталиса при сообщеніи Французскому Законодательному Корпусу новаго гражданскаго брачнаго устава. - 243

АПРѢЛЬ № 8.

Стран.

I. Галатея, или статуя черезъ сутки по своемъ оживленіи. - 257
II. Великодушное дѣло Руского Офицера въ Италіи. - 298
III. О Сен-Ламбертѣ и Дальортѣ. 301
IV. Два письма ЕКАТЕРИНЫ Великой. 305
V. Погребеніе Клопштоково. - 315
VI. О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей. - 317
VII. Дѣйствіе тонкаго воздуха въ вышней атмосферѣ. - - 326
VIII. Стихи на смерть Богдановича. 328
IX. Разлука. - - 329
X. Желаніе любовницы. - - —
XI. Любопытныя засѣданія Англійскаго Парламента. - - 330
XII. Извѣстія и замѣчанія. - 342

ОПЕЧАТКИ

въ сей книжкѣ.

Стран.	Стр.	*Налечат.*	*Читай.*
12	22	слова	слава
60	17	мыслѣ	смыслѣ
77	15	свой	своей
82	3	Совѣты	Совѣта
85	14	подругѣ,	подругѣ